

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия
«Из истории мировой культуры»

А. А. МОЛЧАНОВ

**ТАИНСТВЕННЫЕ
ПИСЬМЕНА
ПЕРВЫХ
ЕВРОПЕЙЦЕВ**



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва, 1980

Книга посвящена уникальному памятнику древней письменности острова Крит, бывшего колыбелью европейской цивилизации,— Фестскому диску. Автор приводит древнегреческие сказания критского цикла, освещает историю и результаты археологического изучения Крита, показывает на конкретных примерах методы дешифровки древних письменностей, рассказывает о возникновении и развитии самых ранних систем письма на территории Европы.

Молчанов А. А.— кандидат исторических наук, специалист в области дешифровки древних письменностей, автор ряда работ по этой тематике.

5.7

Ответственный редактор

доктор филологических наук, профессор
О. С. ШИРОКОВ

© Издательство «Наука», 1980 г.

М $\frac{10602-019}{054(02)-80}$ 56—80 НП 0507000000

НАУЧНАЯ СЕНСАЦИЯ И ДРЕВНИЕ ПРЕДАНИЯ

Казалось, ничто не предвещало того, что этот день станет столь важной датой в истории изучения прошлого народа, стоявшего у колыбели европейской цивилизации. В летний сезон 1908 г. итальянская археологическая экспедиция, с середины 80-годов предыдущего столетия работавшая в южной части греческого острова Крит, вела раскопки царского дворца на акрополе древнего города Феста. И вот вечером 3 июля Луиджи Пернье, исследуя культурный слой в одном из подсобных дворцовых помещений, обнаружил вместе с табличкой, исписанной известным уже тогда критским линейным письмом — так называемым линейным А, замечательный образец неведомой дотоле письменности.

Это был небольшой по размерам диск из хорошо обожженной глины, имевший диаметр 15,8—16,5 см и толщину 1,6—2,1 см. Сформованный от руки без помощи гончарного круга, он имел форму геометрически не совсем правильную. С обеих сторон его покрывала подобно причудливому узору спирально идущая надпись, составленная из множества аккуратно нанесенных на керамическую поверхность рисуночных знаков. Знаки эти объединялись в группы, выделенные прямоугольными рамками или, точнее, заключенные в отдельные ячейки. Под последними знаками в некоторых группах имелась странная косая черта, напоминавшая вираму — особый значок индийского слогового письма. Богатая древностями земля Крита подарила исследователям новый уникальный памятник и одновременно загадала им очередную загадку, причем пока самую трудную.

Фестский диск сразу же породил массу вопросов. И первым был, конечно, вопрос о его происхождении. Специалисты ломали головы над тем, где было место изготовления таинственного диска: на самом острове или за его преде-

лами? Ясно было только одно: исходя из имевшихся к моменту его обнаружения в распоряжении ученых данных не приходилось сомневаться, что этот памятник в принципе вполне мог появиться на Крите.

Античные авторы сохранили сведения о могучей критской державе царя Миноса, силе ее флота, когда-то безраздельно господствовавшего в водах Восточного Средиземноморья, о мудром законодательстве критян, послужившем, в частности, образцом для законодательства одного из самых известных государств Древней Греции I тысячелетия до н. э. — прославленной Спарты.

По словам «отца истории» Геродота, Минос, установив владычество на Эгейском море, подчинил своей власти его многочисленные острова, покоренные жители которых принуждены были служить гребцами на быстроходных критских кораблях, и затем совершил поход в далекую Сицилию. Величайший древнегреческий историк Фукидид сообщает, что на многих из завоеванных Миносом островах были основаны колонии критян, причем управление ими было поручено царским сыновьям, а для обеспечения безопасности морских торговых путей велась активная борьба с процветающим до того пиратством.

Глубоко врезавшиеся в народную память эллинов представления о могуществе владык Крита и отдельные эпизоды сложных и разнообразных взаимоотношений их с обитателями греческого материка, иногда дружественных или даже родственных, а иногда и резко враждебных, отразились во многих передававшихся из поколения в поколение исторических преданиях и стихотворных эпических сказаниях.

Следующие строки посвятил Криту в «Одиссее» гениальный Гомер:

Остров есть Крит посреди виноцветного моря, прекрасный,
Тучный, отсюду объятый водами, людьми изобильный;
Там девяносто они городов населяют великих.
Разные слышатся там языки: там находишь ахейя,
С первоплеменной породой воинственных критян; кидоны
Там обитают, дорийцы кудрявые, племя пеласгов,
В городе Кноссе живущих. Минос управлял им в то время,
В девятилетие раз общаясь с великим Зевесом...

В другой бессмертной гомеровской поэме — «Илиаде» — о внуке легендарного Миноса, предводительствовавшем во время знаменитой Троянской войны 80-ю кораблями с Крита, говорится:

Там, среди критских дружин, возвышается, богу подобный,
Идомейей, и при нем предводители критян толпятся...
Критян же Идомейей предводил, знаменитый копейщик;
В Кноссе живущих мужей, в укрепленной стенами Гортипе,
Ликт паселявших, Милет, и град белокаменный Ликаст,
Ритий обширный и Фест, многолюдные, славные грады,
И других, паселяющих Крита стоградного земли,
Был предводителем Идомейей, знаменитый копейщик...

Многим хорошо знакомы древнегреческие мифы, сюжеты которых тесно связаны с Критом¹. Вот изложенные вкратце некоторые наиболее популярные из них.

Из богов первым правителем мира был Уран. Он был побежден и свергнут собственным сыном Кроном. Крон, опасаясь быть также свергнутым одним из собственных сыновей, стал пожирать подряд одного за другим всех рождавшихся у него детей. Когда очередь дошла до шестого из них, Зевса, мать его Рея поднесла мужу вместо новорожденного сына завернутый в пеленки камень, который и был проглочен не подозревавшим обмана Кроном.

Зевс, появившийся на свет в одной из горных пещер на Крите, был вскормлен здесь молоком чудесной козы Амалтеи (сломанный рог Амалтеи, он же «рог изобилия», способный дать все, что ни пожелаешь, вошел в поговорку), воспитан местными нимфами и жрецами-куретами. Если младенец начинал плакать в своем тайном убежище, куреты, постоянно охранявшие в полном вооружении вход в пещеру, чтобы заглушить его плач, ударяли копьями в щиты. Когда Зевс вырос, он одолел в упорной борьбе своего жестокого отца и, став царем богов, поделил с братьями владычество над миром: ему самому вместе с верховной властью досталось небо, Посейдону — море, Плутону — подземное царство.

Полюбив однажды финикийскую царевну Европу (древняя страна Финикия располагалась на восточном побережье Средиземного моря, в основном на территории нынешнего Ливана), Зевс явился к ней в образе прекрасного быка, когда она пришла с подругами на берег моря. Прель-

¹ Древние мифы Крита в столь большом количестве сохранялись в памяти греков еще в эллинистическую эпоху, что ученые-мифологи III—II вв. до н. э. посвящали им обширные исследования. В частности, к этому времени относятся не сохранившиеся, к сожалению, трактаты «Критская мифология» Динарха и «Критский цикл» Менекла.

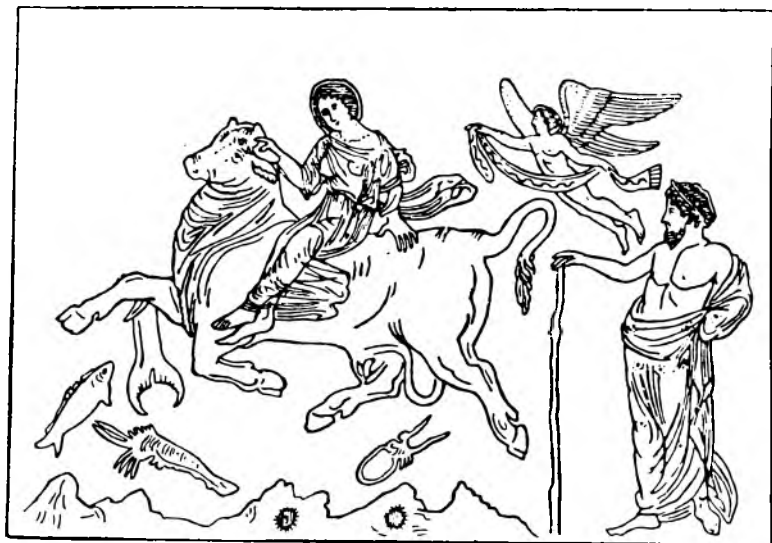


Рис. 1. Европа, плывущая на быке на остров Крит. Рисунок на ваге

стившись красотой и кротким нравом животного, мирно улегшегося у ее ног, царевна доверчиво уселась ему на спину. Вдруг бык вскочил на ноги и, стремглав бросившись в море, быстро поплыл от берегов Финикии на запад.

Вскоре они достигли острова Крит. Здесь Европа родила от Зевса трех сыновей, Миноса, Сарпедона и Радаманта, которых воспитал как собственных детей повелитель критян Астерий (в действительности «астериос», что по-гречески значит «звездный», был эпитетом того же Зевса на Крите). По имени же Европы, ставшей критской царицей, была названа одна из трех частей света, известных древним грекам, в которой жили они сами и которая лежала к западу от Азии и к северу от Африки. Когда братья выросли и возмужали, возникшее между ними соперничество переросло в открытую войну. В этой борьбе победителем вышел Минос, а побежденные Сарпедон и Радамант были изгнаны с острова.

После смерти царя Астерия Минос стал правителем Крита. Получить власть над критянами ему помогло утверждение, что боги могут выполнить любую его просьбу. Желая доказать это, он стал молить владыку моря Посейдона

выслать из пучины вод быка, обещая принести затем быка ему в жертву. Но когда бык появился, Миносу стало жаль расставаться с ним, и он подменил его при жертвоприношении другим животным. За это разгневанный Посейдон наслал на своего быка бешенство. Позднее «критского быка» сумел одолеть величайший герой древнегреческой мифологии Геракл (седьмой из его двенадцати знаменитых подвигов).

Минос не только захватил власть на Крите. Он установил морское господство над всем Восточным Средиземноморьем. Ему подчинились почти все острова Эгейского моря. Со своим флотом он осадил город Мегары на восточном побережье Средней Греции. Правившему там царю Нису было предсказано, что он погибнет тогда, когда будет вырван растущий у него на макушке пурпурный волос. Дочь Ниса, Скилла, воспылав любовной страстью к Миносу, вырвала у отца из головы заветный волос и тем самым погубила его. Захватив Мегары, Минос приказал стены города разрушить, а предательницу Скиллу утопить в море.

После этого критский флот направился к берегам близлежащей области Аттики, и Минос принялся осаждать ее главный город Афины, мстя его царю Эгею за вероломное убийство своего сына Андрогоя. Победенный афинский царь был вынужден, подобно Мегарам, подчиниться могучему владыке Крита и согласился регулярно выплачивать ему тяжелую дань.

Прославился Минос не только своими успешными морскими походами, но и государственной мудростью и справедливостью. Миносу и Радаманту приписывалось создание первых законов для жителей Крита (именно поэтому, как справедливейшие из людей, они, по представлениям древних греков, стали после смерти судьями в подземном царстве Плутона).

В царствование Миноса ни один чужеземный корабль не мог беспрепятственно приблизиться к побережью Крита. Медный гигант Талос каждый день трижды обегал кругом весь остров. Замечая подплывающий к берегу корабль, он бросал огромные камни в непрошенных гостей, а если кто-либо из них осмеливался высадиться на сушу, Талос сначала раскалялся на огне, а потом заключал пришельцев в свои губительные объятия. Среди прочих диковин Миносу принадлежали неутомимый в погоне охотничий пес и не знающее промаха копьё.

При Миносе на Крите жил и трудился замечательный изобретатель, искусный зодчий и прославленный скульптор Дедал, который первым ввел в употребление множество полезных инструментов и других ремесленных новшеств, создал искусство ваяния, построил в столице Миноса, городе Кноссе, знаменитый Лабиринт, представлявший собой грандиозное по масштабам здание с массой запутанных ходов, откуда не мог выбраться никто из вошедших внутрь.

В центре Лабиринта жил чудовищный Минотавр (буквально — «бык Миноса»), питавшийся человеческим мясом. К нему попадали на съедение те юноши и девушки, определенное число которых присылалось критскому владыке в качестве дани из покоренных им городов материковой Греции, в частности из Афин и Мегар. Желая освободить свой город от столь страшной и позорной дани, сын афинского царя Эгея, Тесей, добровольно отправился на Крит. Здесь его полюбила дочь Миноса, Ариадна. Чтобы спасти Тесея от неминуемой гибели, она по совету Дедала дала ему клубок ниток. Пробираясь по закоулкам Лабиринта, Тесей разматывал нить, а когда нашел и убил Минотавра, с ее помощью легко отыскал обратную дорогу. Однако, плывя домой в Афины, он забыл заменить черные паруса корабля на белые, как у него было заранее условлено с отцом на случай благополучного возвращения. Увидев корабль сына под черными парусами, старик Эгей в отчаянии бросился в море, которое с тех пор стало называться Эгейским. После него афинским царем стал Тесей, позднее женившийся на другой дочери Миноса, Федре.

Разгневавшись на Дедала за помощь Тесею, Минос заточил его вместе с юным сыном Икаром в Лабиринте. Тогда Дедал смастерил из перьев и воска крылья для себя и для сына, чтобы улететь с Крита. Во время полета Икар неосторожно поднялся слишком высоко, и воск, скреплявший перья, растаял на солнце. Крылья юноши рассыпались, он упал вниз и утонул в волнах моря, получившего название Икарийского (юго-восточная часть нынешнего Эгейского моря). Дедал же сумел добраться до острова Сицилия, где его радушно принял местный царь по имени Кокал.

С целью узнать местопребывание Дедала Минос пошел на хитрость. Он пообещал богатую награду тому, кто сумеет пропустить тонкую нитку через спиральный внутренний ход морской раковины, будучи совершенно уверен,



Рис. 2. Тесей с убитым Минотавром. Рисунок на вазе



Рис. 3. Дедал и Икар. Рисунок на вазе

что сделать это будет по силам только Дедалу. Дедал по просьбе Кокала без труда решил эту задачу, заставив муравья с привязанной к нему ниткой проползти через раковину насквозь. Таким образом Миносу удалось наконец выяснить, где скрывается беглец, разыскиваемый им, и вскоре многочисленный критский флот подошел к сицилийскому городу Камикку — столице Кокала. Испуганный Кокал не посмел отказать могущественному владыке Крита в выдаче Дедала. Он принял Миноса как самого дорогого гостя, но во время купания Минос был коварно умерщвлен дочерьми Кокала, налившими в ванную с находившимся в ней критским царем крутой кипяток. Флот же критян неожиданно уничтожила сильная буря.

На Крите Миносу наследовал его старший сын Катрей, которому было предсказано, что он будет убит собственным сыном. Единственный сын Катрея, Алтемен, узнав об ужасном предсказании и надеясь избежать такого несчастья, переселился с Крита на остров Родос (у юго-западного побережья полуострова Малая Азия). Со временем составившийся Катрей захотел передать царскую власть Алтемену и приплыл за ним с Крита на корабле. Но жители Родоса по ошибке приняли прибывших критян за пиратов и напали на них. В завязавшейся схватке брошенное рукой сына копье поразило Катрея насмерть. Узнав о совершенном им против воли отцеубийстве, Алтемен взмолился богам, и его поглотила расступившаяся земля.

После этого власть над Критом перешла ко второму сыну Миноса, Девкалиону, а затем к сыну Девкалиона, Идоменею. Прославившийся во время Троянской войны как храбрый воин и искусный предводитель дружин, Идомея вместе со своим племянником Мерионом (сыном Мола, внуком Девкалиона) был одним из главных вождей греческого войска под стенами Трои, после взятия которой он благополучно вернулся на Крит с богатой добычей.

Не только в сообщениях античных историков и в древнегреческих мифах сохранились воспоминания о критском владыке Миносе и его могучей морской державе. По всему Восточному Средиземноморью еще во второй половине I тысячелетия до н. э. — начале I тысячелетия н. э. встречались географические названия, происходящие от имени легендарного царя Миноса. Это весьма многочисленные Минои, известные на Крите, на нескольких островах Эгейского моря, в материковой Греции, на острове Сицилия и побережье Сирии. Таким образом, и данные исторической

топонимы красноречиво свидетельствуют о необычайной широте сферы военно-политического и торгово-экономического влияния державы Миноса (или Миносов, ибо некоторые древние авторы говорили о том, что критских правителей с таким именем было на самом деле несколько). Но окончательное и наиболее полное подтверждение этому дала археология.

Глава 2

ДРЕВНОСТИ КРИТА

Уже с XV столетия образованные европейские путешественники, посещавшие Крит, обращали внимание на остатки древних сооружений, встречавшиеся в различных частях острова. Однако первые археологические исследования были проведены здесь лишь в 1876 г., когда исполнявший обязанности испанского консула местный житель, причем, что интересно, тезка легендарного критского царя — Минос Калокеринос, частично раскопал неподалеку от города Гераклиона руины огромного здания, в котором побывавший тут в 1881 г. американский ученый Уильям Стилмен узнал знаменитый кносский Лабиринт.

С 1884 г. на южном побережье Крита начала работать экспедиция итальянских археологов. Ее участники Федерико Хальбхер, Паоло Орси, Луиджи Пернье — счастливый первооткрыватель Фестского диска, Луиджи Савиньони, а также критянин Георгиос Паспаракис сделали немало важных открытий в Гортине (в частности, здесь была обнаружена надпись, содержащая самый ранний из известных древнегреческих сводов законов), в Фесте и соседней Агна-Триаде (там были раскопаны большой и малый дворцы фестских владык), в пещерном святилище горы Иды.

После провозглашения в 1898 г. Крита автономным государством¹ на острове широко развернулись археологические исследования. Особенно большое значение имели многолетние раскопки грандиозного дворца в Кноссе, которые с 1900 г. велись выдающимся английским ученым Артуром Эвансом. Ему же принадлежит честь подлинного

¹ В 1898 г. Крит был освобожден от продолжавшегося более двух веков османского владычества. В 1912 г. Крит вошел в состав Греческого королевства.

открытия п первой научной систематизации многочисленных и разнообразных памятников древних письменностей Крита, найденных на острове к началу XX в., т. е. еще до находки Фестского диска (еще и поэтому при обнаружении диска не приходилось сомневаться, что вновь открытый памятник теоретически мог быть оставлен теми же создателями, что и другие древнейшие критские надписи).

Дальнейшая работа археологов разных национальностей добавила очень много новых интересных материалов. До начала 30-х годов нашего столетия планомерное исследование Кносского дворца продолжал А. Эванс. В 1936 г. он выпустил в свет капитальный труд «Дворец Миноса» из шести томов, в котором заложены основы периодизации критской культуры бронзового века, получившей по имени легендарного кносского царя наименование минойской. В Кноссе Эванса в роли руководителя работ сменил его ученик Джон Пендлбери — автор вышедшего в 1939 г. важного обобщающего труда «Археология Крита», переведенного впоследствии и на русский язык (талантливый ученый трагически погиб в 1941 г. от рук вторгшихся на Крит немецко-фашистских захватчиков). В послевоенное время здесь стал работать сын А. Эванса — Джон Эванс.

В других частях острова успешно вели раскопки французские археологи Ф. Шапутье, Ж. Шарбонно и П. Демарнь (в Маллии), английские — Д. Хогарт, Р. Даукинс и Р. Бозанкье (в Палекастро и Закросе), американские — Г. Бойд-Хоуэз и Э. Холл (в Гурнии и Врокастро), итальянский — Д. Левин (в Фесте), греческие — И. Хадзидакис, С. Ксантидидис, С. Маринатос, Н. Платон и С. Алексиу (в Тилиссе, долине Мессары, Амнисе, Закросе и Лебене). Важнейшее открытие было сделано в 1967 г. совместно греческим ученым С. Маринатосом и американскими исследователями Дж. Мейвором и Э. Вермель, которые обнаружили на ближайшем к Криту острове из группы Спорадских островов, Санторине, погребенные под толстым слоем вулканического пепла руины минойского города, погибшего при извержении, — своего рода греческие Помпеи.

Археологическое изучение Крита проводится в довольно больших масштабах и сегодня, причем почти каждый год приносит новые интересные открытия. Накопленные данные позволяют достаточно полно восстановить яркую картину его богатого прошлого.

Впервые человек появился на Крите в неолите примерно в VII тысячелетии до н. э. Народ мореплавателей пришел

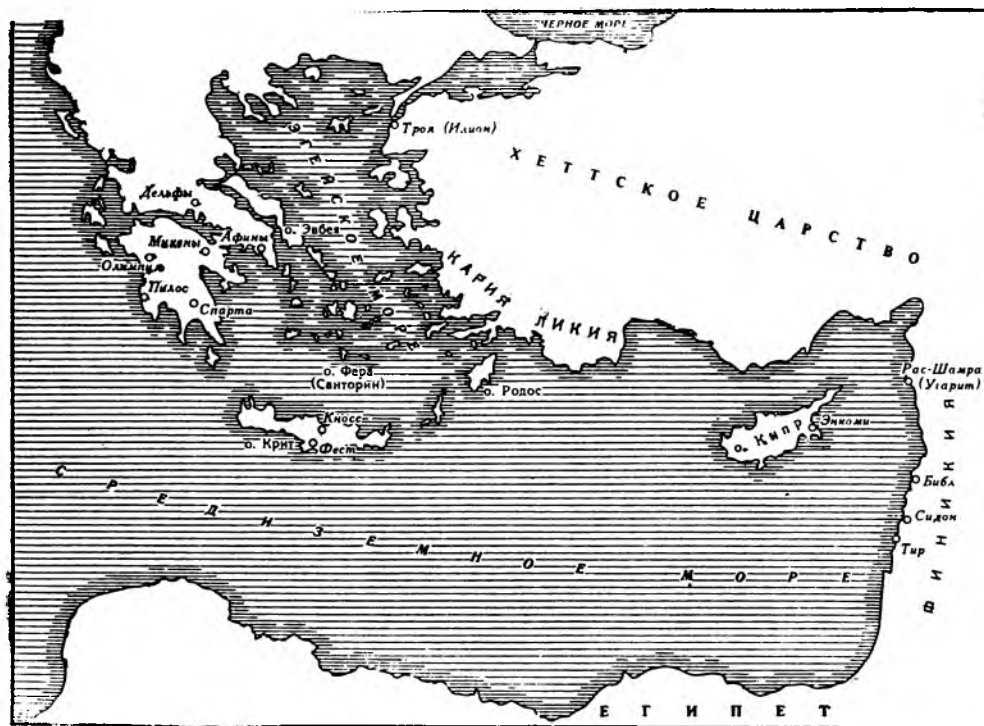


Рис. 4.
Карта
Восточного
Средиземноморья
во II тыс. до н. э.

на необитаемый до того остров с востока, скорее всего с юго-западного побережья Малой Азии. Позднее оттуда еще не раз будут появляться новые волны переселенцев. В процесс складывания древнейшего населения острова внесут свою лепту также выходцы из Северной Африки, а потом и с юга Балканского полуострова.

Лежащий на перепутье морских дорог, связывающих Европу, Азию и Африку, Крит в силу своего географического положения должен был стать центром коммуникаций Восточного Средиземноморья. Его характерных очертаний горы служили надежными ориентирами первобытным мореплавателям, направлявшим свои суда от острова к острову, чтобы, по возможности не теряя из вида суши, пересекать Эгейское море. По берегам восточной, центральной и южной частей Крита, заселенных пришельцами в первую очередь, имелось множество песчаных отмелей, на которые древним мореходам было удобно вытаскивать свои весельные и парусно-весельные корабли с высоко поднятой кормой и еще выше поднятым носом (эти отмели в настоящее время не существуют; они исчезли после того, как в результате сильного землетрясения в VI в. н. э. западная часть острова поднялась на несколько метров над уровнем моря, а восточная, наоборот, опустилась).

Большие горные массивы с отдельными высокими вершинами, обрывистыми ущельями и многочисленными плоскогорьями занимают основную часть территории острова. С ними соседствуют плодородные долины. Первоначально Крит был весь покрыт густыми лесами. Античные авторы называли его даже родиной кипариса. В течение многих столетий он снабжал строительным лесом корабельные верфи всех прибрежных государств Средиземноморья. Постепенное развитие цивилизации и рост населения на острове сопровождались интенсивным истреблением лесов, но западная часть Крита еще довольно долго оставалась диким лесистым краем, слабо освоенным и заселенным.

Первые поселенцы, обосновавшись на Крите, сначала приспособили под жилье пещеры, имевшиеся здесь в изобилии. Затем кое-где (например, в неолитическом поселении на территории Кносса — будущей столицы Крита) стали возводиться прямоугольные в плане дома из обожженного кирпича. Однако эта строительная техника, занесенная на остров извне, надолго здесь не удержалась. Ее сменило возведение стен зданий из сырцового (высушен-

ного на солнце) кирпича, достаточно прочного в климатических условиях острова. Дополнительную крепость, столь необходимую при частых землетрясениях, которым подвержен Крит, сообщали стенам, возводимым на крепких каменных фундаментах, деревянные брусья-связи.

Среди орудий, использовавшихся критянами неолита, главное место занимали острые ножевидные пластинки из обсидиана, а также шлифованные каменные топоры и булавы. Керамическое производство достигло уже некоторых успехов: от этого периода дошли разных типов сосуды и глиняные статуэтки. В повседневном быту жителей острова встречались, кроме того, привозные изделия из Малой Азии и Египта.

На первые века III тысячелетия до н. э. приходится переход на Крите от каменного века к бронзовому. Выработанная еще А. Эвансом и в дальнейшем лишь несколько уточненная хронология минойской культуры Крита эпохи бронзы делит этот важнейший этап истории острова на три больших периода: раннеминойский (около 2800—2000 гг. до н. э.), среднеминойский (около 2000—1600 гг. до н. э.) и позднеминойский (около 1600—1100 гг. до н. э.), каждый из которых подразделяется на отдельные фазы — I, II, III, Ia, Ib и т. д. Необходимо отметить, что в отличие от других древних культур бронзового века, например переднеазиатских и египетской, минойская культура на протяжении всего своего существования имела ярко выраженный морской характер, ее становление было теснейшим образом связано с развитием мореплавания и международной торговли.

Важной чертой раннеминойского периода является быстрый рост населения, в частности за счет постоянного притока на Крит новых переселенцев. Возникает множество новых поселений, которые отчетливо группируются по трем обособленным территориальным регионам, соответствующим наметившемуся еще в неолите выделению на острове трех областей с признаками локальных археологических культур — восточной, центральной и южной. Многие населенные пункты в это время тяготеют к побережью, что, несомненно, связано с интенсивным развитием мореходства и рыболовства. Морские сюжеты, среди которых особый интерес представляют изображения кораблей, весьма характерны для раннеминойских критских печатей.

Заметно совершенствуется по сравнению с предшествующей, неолитической, эпохой архитектура жилых зда-

ний. Хотя основные принципы планировки раннеминойских домов и унаследованы от поздненеолитических построек, она становится в целом намного сложнее. Дома имеют теперь большое количество прямоугольных комнат, часть внутренних помещений в них освещалась с помощью световых колодцев. Некоторые здания были двух- и даже трехэтажными. Они ставились на прочные каменные основания. По-прежнему их стены, сложенные из сырцовых кирпичей, укреплялись дополнительно с помощью деревянных балок (что придавало конструкциям большую сейсмостойкость — обстоятельство, как уже отмечалось, крайне важное для Крита), штукатурились и покрывались цветной обмазкой.

Родовые гробницы, в которых критяне хоронили покойников, по планировке имитировали небольшие неолитические жилища. Захоронения в них содержат обильный погребальный инвентарь, состоящий из металлических орудий и оружия (однолезвийных и двулезвийных топоров, треугольных и удлиненной формы кинжалов), прекрасных сосудов из различных пород камня, керамики, золотых и прочих украшений. Часто встречаются в них и печати, искусство резьбы которых, возникнув в начале данного периода, к концу его достигает больших успехов.

С наступлением среднеминойского периода открывается новая глава в истории Крита. Этот период знаменует собой возникновение на острове первых в Европе государственных образований с рабовладельческим строем, развитой письменностью, достаточно высоким уровнем экономики и культуры. В крупнейших критских городах — Кноссе, Фесте и некоторых других — строятся монументальные дворцы, так называемые Старые дворцы, с множеством помещений, парадных, жилых и хозяйственных. Самый крупный из них — Кносский дворец занимал, например, площадь более чем в полтора гектара. Широкое распространение бронзовых инструментов резко продвинуло вперед технику обработки камня, а тем самым и каменное строительство. В это время, в частности, появляются отдельно стоящие колонны, играющие роль как несущих конструкций, так и важных элементов архитектурно-художественного облика зданий.

Большое развитие получила монументальная живопись. Искусство фрески (росписи разведенными в воде минеральными красками по сырой штукатурке), родившееся на Крите именно в это время, уже к концу среднеми-

нойского периода дает несколько подлинных шедевров. Наблюдается небывалый расцвет керамического производства, который был обусловлен появлением на острове гончарного круга. Непревзойденные по красоте и изяществу расписные сосуды стиля «камарес» (условное название, данное по одному из мест их находок) самых разнообразных типов и форм выходят из дворцовых мастерских.

В конце среднеминойского периода трижды в течение одного столетия (около 1700, 1660 и 1600 гг. до н. э.) Криту пришлось испытать разрушительные землетрясения. Главными результатами их явились сначала постройка на развалинах Старых дворцов еще более грандиозных и величественных Новых дворцов, а затем и довольно значительные перестройки последних. Пережитые критянами стихийные бедствия как будто не только не помешали, но и по-своему способствовали — в результате вынужденной активной мобилизации всех сил и ресурсов страны для очередных восстановительных работ — дальнейшему расцвету минойской культуры и государственности.

На первой стадии позднеминойского периода (отрезок времени, датируемый примерно 1580—1450 гг. до н. э.) окончательно оформляется единое Критское государство с центром в Кноссе. Именно тогда по всей заселенной территории острова распространяется густая сеть дорог, безопасность которых охраняли устроенные через определенные интервалы сторожевые посты. Централизация власти достигает в общем масштабе Крита своего максимума. В обширных кладовых Кноссского дворца скапливаются колоссальные продовольственные запасы и огромное количество всевозможных ремесленных изделий, которые в виде собираемых с населения натуральных податей поступают сюда из разных уголков острова. Все поступления в царскую казну, по-видимому, строжайшим образом учитывались с помощью большого штата специальных чиновников.

В других крупных критских городах, сохранявших значение административных центров отдельных, исторически сложившихся областей, дворцовые кладовые также были наполнены заготовленными впрок съестными припасами и произведениями ремесла. Отмечается общий подъем экономики Крита; в частности, заметны успехи сельского хозяйства. Критяне успешно выращивали пшеницу, просо, ячмень, чечевицу и горох, широко возделывали виноград и оливки, некоторые технические культуры (главным об-

разом пряности, лен и шафран, применявшийся для приготовления высококачественных красителей), активно занимались садоводством и огородничеством. Очень важную роль в экономике Крита играло и животноводство — разведение крупного рогатого скота, овец и коз (лошадь впервые появляется на острове, судя по всему, не ранее середины XVI в. до н. э.). По-прежнему немалое значение имели и древнейшие виды промысла — рыболовство и охота, а также пчеловодство.

Кроме того, значительная часть накапливавшихся материальных ценностей поступала в кладовые критских дворцов, вероятно, в качестве дани с подвластных заморских земель, в первую очередь с островов Эгейского моря. Как раз в это время, надо полагать, и устанавливается знаменитая «талассократия Миноса» — полное господство критского флота в Восточном Средиземноморье, сделавшее Крит мировой державой. При фараоне Тутмосе III (1525—1473 гг. до н. э.) он на равных поддерживает с Египтом регулярные дипломатические отношения.

Очистив воды прилегающих морей от пиратов, кносские владыки открыли своим торговым кораблям свободный путь во все стороны света. Торговая экспансия Крита шла еще дальше военной. Великолепные изделия критских ремесленников проникали на восток до Месопотамии (на территории нынешнего Ирака), на запад — до Пиренейского полуострова. Они часто встречаются при раскопках на севере Балкан и в Египте. Развитие товарно-денежных отношений в Кносской державе зашло уже настолько далеко, что в обращении появились первые примитивные деньги — медные слитки определенного веса в виде бычьей шкуры. Наивысшего расцвета достигают на Крите архитектура, изобразительное и декоративно-прикладное искусство. Лучшие произведения критских мастеров, прежде всего керамика и ювелирные изделия, в соседних странах ценились очень высоко.

Кносская держава находилась на вершине своего могущества, когда стихийное бедствие нанесло минойской цивилизации жестокий удар.

Взрыв вулкана на острове Санторин, лежащем в 110 км к северу от Крита, произошедший около 1450 г. до н. э., вызвал сильное землетрясение. До острова докатилась мощная взрывная волна, вызвавшая большие разрушения, и тут же следом за ней на северное побережье обрушились один за другим гигантские цунами, причем высота этих

волн достигала, вероятно, нескольких десятков метров. И, наконец, остров накрыла вызванная извержением огромная пепловая туча. В результате города и селения Крита были обращены в развалины, многочисленный флот уничтожен, плодородные поля в самой обжитой части острова, на его востоке и в центре, покрыты толстым слоем губительного для растительности вулканического пепла и цветущая прежде земля оказалась на долгие годы превращенной в безжизненную пустыню. Массовый падеж скота, вызванный гибелью пастбищ и заражением уцелевшего травяного покрова ядовитым фтором, содержащимся в продуктах вулканических извержений, должен был довершить постигшую минойскую цивилизацию страшную катастрофу, воспоминания о которой отразились в хорошо известном предании о гибели Атлантиды.

Таким образом, экономике Крита и всему его прежнему могуществу был нанесен непоправимый урон. Совершенно лишенный теперь защиты от нападений с моря, остров вскоре стал легкой добычей греков-ахейцев, беспрепятственно переправившихся с материка и завладевших им. Единое Критское государство со столицей в Кноссе продолжало существовать, но господствующее положение в нем занимали уже не коренные жители — минойцы, а поселившиеся среди них многочисленные пришельцы. После этого жизнь на острове начала постепенно налаживаться и в кладовые восстановленного Кносского дворца, теперь уже единственного на острове, вновь потекли подати со всех концов Крита. Однако такое относительно благополучное положение вещей сохранялось недолго, всего лишь приблизительно полвека. Около 1400 г. до н. э. Кносский дворец был вновь разрушен, скорее всего после очередного вторжения с материка. После этого для острова наступает длительный период упадка, еще более усилившегося при переходе на рубеже XII—XI вв. до н. э. от бронзового века к железному, когда сюда докатилась последняя миграционная волна двигавшихся с севера на юг новых греческих племен: воинственные дорийцы, нахотившиеся на более низкой ступени общественного развития, чем родственные им ахейцы, но имевшие серьезные преимущества в военной организации, разгромили ахейские государства материковой Греции, а затем заселили некоторые острова Эгейского моря и почти весь Крит.

Однако дорийское нашествие не уничтожило полностью крито-микенскую культуру. Многие достижения последней

были восприняты завоевателями и позднее получили свое дальнейшее развитие. В частности, очень велика роль художественного наследия минойского Крита, усвоенного сначала ахейскими мастерами, а потом и их учениками и преемниками — греческими мастерами последующих веков, в зарождении тех традиций, на которых вырастет со временем гениальное искусство Древней Эллады. «Эгейское искусство (т. е. искусство Крита и тесно связанных с ним других областей Эгейского бассейна — Эгеиды, «включая юг Балканского полуострова.— А. М), — справедливо отмечает его крупнейший знаток Н. А. Сидорова, — развивалось вполне самостоятельно рядом с другими столь же самобытными, высокоразвитыми цивилизациями эпохи бронзы. Это искусство, по существу, явилось первым поднявшимся до высот реализма искусством на территории Европы. В этом его значение и непреходящая ценность для нас... Эгейская культура, создавшая замечательные произведения искусства... не прошла бесследно, она внесла свой вклад в историю мирового искусства и явилась той основой, на которой выросло искусство классической Греции».

Суммируя накопленные на сегодняшний день данные об исторических судьбах Крита до конца II тысячелетия до н. э., мы должны констатировать, что собственно критские письменные источники непосредственно информируют нас в определенной степени лишь об очень кратком отрезке времени, а именно о второй половине XV в. до н. э. Отчего же ситуация здесь сложилась таким странным образом? Ведь письменность появилась на острове уже в начале среднеминойского I периода. Ответ на этот вопрос читатель получит, узнав, как и когда возникло письмо на Крите, почему его самые древние памятники до сих пор еще не прочитаны и не поняты учеными.

Глава 3

КРИТСКИЕ ПИСЬМЕНА

Создание подлинной, достаточно развитой письменности на Крите относится к концу III — началу II тысячелетия до н. э. Она выросла, несомненно, на основе местной древней пиктографии. Пиктография, т. е. рисуночное письмо как способ фиксации и передачи той или иной информации, применялась многими народами на стадии родового общества. При этом каждый рисунок-пиктограмма обозна-

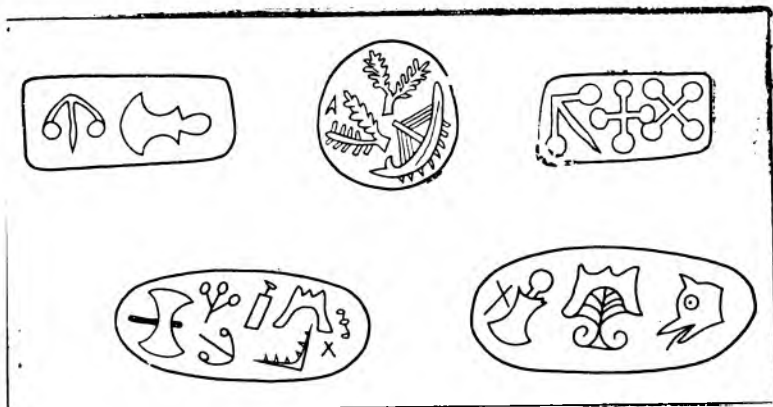


Рис. 5. Критские пиктографические надписи на печатях

чал только тот предмет, который изображал. Он не был неразрывно связан с конкретным словом определенного языка. Таким образом, пиктографические «надписи» представляют собой всего лишь «рассказы в картинках», а не памятники настоящего письма, призванного фиксировать формы звуковой речи. Поэтому совершенно неправы те, чересчур увлекающиеся, авторы, которые, не понимая принципиальной разницы между таким сугубо мнемоническим средством, как пиктография, и фонетизированной (озвученной) письменностью, и стремясь во что бы то ни стало удревнить письменную культуру Балкан до уровня Древней Месопотамии и Египта, пытаются обнаружить прямые генетические связи там, где нет и следов их, и, ничтоже сумняшеся, отыскивают предысторию крито-микенской грамотности в неолите.

Постепенное возникновение подлинного письма, письма фонетического, которое всегда появляется одновременно со становлением цивилизации и вызывается к жизни хозяйственными нуждами нарождающегося классового общества (первоначально лишь как средство учета), достаточно хорошо прослеживается по критским печатям III тысячелетия до н. э. Известно немало относящихся еще к раннеминойскому I периоду печатей разнообразных форм с изображениями людей, животных и различных неодушевленных предметов, явно имеющими характер пиктограмм. Самые ранние из них датируются первой половиной III тысячелетия до н. э. На появление таких печатей, предназ-

наченных для оттискивания рисунков, имеющих значение личных знаков собственности, несомненно, оказали известное влияние египетские образцы.

Дальнейшее развитие критского письма из местной пиктографии в общих чертах представляется нам следующим образом. Устоявшееся употребление одних и тех же конкретных рисуночных знаков для обозначения определенных предметов, а потом и некоторых понятий, так или иначе связанных с изображаемыми предметами (эта более высокая ступень рисуночного письма получила название идеографии — «письма идей»), позволило закрепиться за этими знаками постоянным фонетическим значениям целых слов, т. е. превратило их в однозначно читаемые логограммы (словесные знаки). Со временем часть из них начала использоваться и как слоговые знаки — силлабограммы, обозначающие лишь начальный слог данного слова (так называемый акрофонический принцип). По аналогии с ними были затем подобраны знаки для передачи всех других слогов, встречавшихся в языке древних обитателей Крита — минойцев. О том, что эволюция критской иероглифической письменности, как и других ранних письменностей, шла именно таким путем, неопровержимо свидетельствует простое наблюдение: знаки-силлабограммы, имевшие прямой иконографический прототип — идеограмму (логограмму), сохраняли подчас способность употребляться на письме и в том, и в другом качестве. Это ясно прослеживается в развившемся непосредственно из иероглифики критском линейном письме А.

В результате в недрах, так сказать, критской иероглифики сложился замечательный по простоте и удобству усвоения силлабарий — набор слоговых знаков, содержащий всего около 60—70 различных силлабограмм. Выработка подобной системы письма с относительно малым (по сравнению с другими) общим числом знаков-графем определялась важной особенностью фонетического строя минойского языка, а именно тем, что в нем, так же как и в некоторых современных языках (например, в полинезийских), не было закрытых слогов, т. е. таких, которые заканчивались бы согласным звуком. Слова языка минойцев состояли, как видно, только из слогов типа С (согласный) + Г (гласный) или Г («чистый» гласный). Эта своеобразная монотонная структура чередования открытых слогов СГСГСГ, не допуская к тому же накопления или удвоения согласных перед гласными, как раз и по-

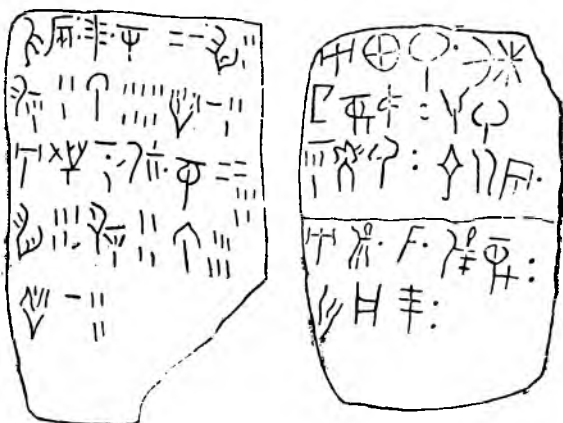


Рис. 6. Таблички линейного письма А



Рис. 7. Таблички линейного письма Б

зволюля обойтись при фиксации речевых форм минимальным числом силлабограмм.

Таким образом, развитая критская иероглифика, которая представлена памятниками всего среднеминойского периода и окончательно выходит из употребления почти в самом его конце (по-видимому, не позднее первой половины XVII в. до н. э.), представляла собой типичнейшую смешанную лого-силлабическую, или словесно-слоговую, письменность. Тот же характер в принципе имело и критское линейное письмо А, явившееся результатом графического упрощения иероглифического (знаки в нем приобрели более легкое и удобное для воспроизведения, обобщенное начертание), употреблявшееся сперва параллельно с ним и пережившее его примерно на два столетия. Однако начавшийся и быстро развивавшийся в иероглифике процесс наступления силлабария на логограммы во всех случаях, когда была желательна максимальная точность в фонетическом воспроизведении слов — грамматических форм, имен собственных и т. п. (в инвентарных же списках и прочих реестрах для краткости было удобнее применение логограмм), зашел в линейном А настолько далеко, что это письмо можно уже назвать по преимуществу слоговым.

Однако наибольшее число критских надписей эпохи бронзы выполнено письмом третьего, самого позднего типа — так называемым линейным письмом Б, являвшимся в графическом отношении видоизменением линейного А и пришедшим ему на смену на Крите в самом начале позднеминойского II периода, т. е. в середине XV в. до н. э., после той катастрофы, которая, как уже рассказывалось в предыдущей главе, постигла остров около 1450 г. до н. э. Поскольку все три описанных вида древнейшей критской (а следовательно, и европейской) письменности в смысле иконографии своих знаков (полного сохранения или незначительного изменения их изображения) явно представляют собой звенья единой эволюционной цепи, давно стало ясно, что прочтение одного из видов этого письма, безусловно, повлечет за собой хотя бы частичное прочтение и остальных двух родственных видов.

Наибольшие надежды в этом плане благодаря многочисленности его памятников подавало, естественно, линейное письмо Б. Однако более четырех десятилетий ученые безуспешно бились над его дешифровкой. Правда, тому были веские причины. Главную трудность, как это ни парадоксально, создал не кто иной, как сам Артур Эванс,

<i>Критская иероглифика</i>	<i>Линейное письмо А</i>	<i>Линейное письмо Б</i>
		
		
		
		
		
		
		

Рис. 8. Сравнение знаков критской иероглифики, линейного А в Б

заслуги которого в открытии и исследовании древнекритской цивилизации так велики. Много было сделано Эвансом для изучения памятников письменности Крита: установлена последовательность появления указанных трех основных видов письма, причем в линейном письме был определен слоговой характер значительной части приме-

навшихся знаков; верно распознаны в исписанных глиняных табличках документы хозяйственной отчетности; выявлена и расшифрована система цифровых обозначений, встречающихся на этих табличках; указано на генетические связи критской иероглифики и линейного письма А и Б с другими письменностями Средиземноморья и т. д. Но, стремясь исключительно собственными силами решить сложнейшую проблему дешифровки, Эванс совершенно неоправданно затянул издание находившихся в его руках богатых материалов и не позволял другим ученым публиковать из них хоть что-либо.

Поэтому в научный обиход до второй мировой войны была введена всего лишь крайне незначительная часть критских надписей, выполненных линейным письмом Б (чуть больше 150). Только после смерти Эванса, скончавшегося на Крите в 1941 г., накануне немецко-фашистской оккупации острова, его друг и коллега Джон Майрз смог приступить к подготовке публикации всех найденных в Кноссе табличек линейного Б, осуществленной в 1952 г.

Эванс создал и еще одно серьезнейшее препятствие, которое также мешало и ему самому, и другим ученым найти верный путь к решению загадки линейного Б. Основываясь на своей трактовке результатов археологического исследования Крита и материковой Греции (главным центром которой во II тысячелетии до н. э. являлись Микены, отчего культура бронзового века на всей территории будущей Эллады получила общее название крито-микенской), он полностью исключал возможность того, чтобы язык надписей линейного Б оказался греческим, каковым он в действительности являлся.

Авторитетность мнения Эванса была настолько велика, что мало кто мог осмелиться оспорить его. Справедливость суждения Эванса, казалось, подтверждало и очень важное сравнение надписей линейного Б с давным-давно (еще в 70-е годы XIX в.) дешифрованными надписями с острова Кипр, сделанными слоговым письмом на греческом языке уже в I тысячелетии до н. э.

Классическое кипрское слоговое письмо, судя по форме части его знаков, несомненно, вело свое происхождение через более раннее «кипро-минойское» (второй половины II тысячелетия до н. э.) от писмен Крита бронзового века. Но оно совершенно явно было лишь позднее приспособлено для записи текстов на греческом языке, поскольку весьма приблизительно передавало с помощью силлабо-

грамм, обозначавших только открытые слоги типа С + Г и Г, греческие слова, в которых часто встречаются слоги закрытые, а также со скоплением и удвоением согласных (ГС, СГС, ССГ, ССГС, СССГ и т. д.).

В частности, в классическом кипрском силлабарии очень распространенный в словах греческого языка конечный согласный -s всегда фигурировал на письме не иначе, как в составе слога *se*. Но в надписях линейного Б не удавалось обнаружить слогового знака, который соответствовал бы ему по степени встречаемости в данной позиции. Кроме того, критский письменный знак, совершенно аналогичный по начертанию кипрскому *se* и, по всей видимости, имевший то же фонетическое значение, в конце слов на табличках линейного Б обнаруживался крайне редко. Отсюда сам собой напрашивался вывод об определенно негреческом характере текстов данных табличек и представлялось вроде бы очевидным, что минойский силлабарий со знаками лишь для слогов типа С + Г и Г (за то, что этот силлабарий был именно таким, помимо аналогичного характера егс потомка — кипрского силлабария, говорил и простой статистический подсчет общего числа употреблявшихся в нем слоговых знаков) в обоих своих линейных вариантах — А и Б — был создан для догреческого критского языка, условно названного минойским. Поэтому, когда с помощью отдельных удачных сопоставлений простейших по начертанию силлабограмм линейного письма Б и классического кипрского силлабария Эвансу случайно удалось правильно прочесть по-гречески слово на одной из кноских табличек, он сам отказался от чтения, получившегося «по недоразумению».

Прежняя устоявшаяся точка зрения на природу языка табличек линейного Б не была поколеблена даже после того, как американский археолог Карл Блеген нашел в 1939 г. такие же таблички (сразу около 600!) на греческом материале при раскопках города Пилоса (на юго-западном побережье Пелопоннесского полуострова) — легендарной столицы царя Нестора, прославленного Гомером мудрого старца, одного из предводителей греков-ахейцев в Троянской войне. Ученые просто сочли их привезенными в Пилос с Крита. Перед самой войной к работе над дешифровкой надписей линейного письма Б подключился еще совсем юный английский исследователь Майкл Вентрис, которому и суждено было со временем решить эту труднейшую задачу.

Путь к успеху Вентрису был в значительной степени проложен трудами двух американских ученых — Алисы Кобер и Эммета Беннета. Кобер, по своей основной специальности математик, сумела выявить в надписях линейного Б такие постоянно встречающиеся сочетания знаков, которые могли быть определены как содержащие различные грамматические окончания. Очень важную работу провел и профессор Беннет, уточнив, в каких вариантах начертания мог употребляться тот или иной из основных знаков линейного Б. Это позволило впервые начать издание текстов с воспроизведением всех встречающихся в них графем в единой нормализованной форме, что сделало более удобным и надежным сравнение отдельных слов и их комбинаций. Он же опубликовал в 1951 г. пиломские таблички и тем самым дал необходимый материал будущему дешифровщику.

Дешифровка линейного Б была осуществлена Вентрисом уже в следующем, 1952, году. Используя результаты формального анализа надписей, произведенного А. Кобер, он сумел намного дальше развить ее наблюдение о наличии в их языке флексий (изменяющихся при склонении или спряжении окончаний слов) и составить особую координатную сетку, отражающую чередование последних. Теперь оставалось выяснить, какой из древних языков мог укладываться в полученную им «сетку».

Долгие годы Вентрис думал, что языком табличек линейного Б должен оказаться этрусский — язык древних обитателей Италии, судя по многим данным, связанных своим происхождением с эгейским миром. Во всяком случае, он не допускал и мысли, что это может быть греческий язык. «Гипотеза о том, что минойский язык (текстов линейного Б. — А. М.) мог бы оказаться греческим, конечно, основана на явном игнорировании исторической вероятности», — писал в свое время Вентрис, полностью, как видим, следуя теории А. Эванса. Однако этрусский язык грамматически никак не подходил для «сетки» Вентриса. И тогда исследователь решил на всякий случай, эксперимента ради проверить, насколько подошел бы для нее греческий. Получившийся результат оказался поразительным: греческий язык подходил как нельзя лучше!

Завершить дешифровку гениальному Вентрису, бывшему по образованию не филологом, а архитектором, помог один из лучших знатоков древнейших греческих диалектов, доцент Кембриджского университета (ныне академик).

	а	е	і	о	u
	𐐇 ₈	𐐅 ₃₈	𐐃 ₂₈	𐐆 ₆₁	𐐄 ₁₀
p	𐐆 ₃	𐐇 ₇₂	𐐅 ₃₉	𐐇 ₁₁	𐐄 ₅₀
t	𐐇 ₅₉	𐐇 ₄	𐐇 ₃₇	𐐇 ₅	𐐇 ₆₉
d	𐐇 ₁	𐐇 ₄₅	𐐇 ₇	𐐇 ₁₄	𐐇 ₅₁
k	𐐇 ₇₇	𐐇 ₄₄	𐐇 ₆₇	𐐇 ₇₀	𐐇 ₈₁
q	𐐇 ₁₆	𐐇 ₇₈	𐐇 ₂₁	𐐇 ₃₂	
j	𐐇 ₅₇	𐐇 ₄₆		𐐇 ₃₆	
w	𐐇 ₅₄	𐐇 ₇₅	𐐇 ₄₀	𐐇 ₄₂	
m	𐐇 ₈₀	𐐇 ₁₃	𐐇 ₇₃	𐐇 ₁₅	𐐇 ₂₃
n	𐐇 ₆	𐐇 ₂₄	𐐇 ₃₀	𐐇 ₅₂	𐐇 ₅₅
r	𐐇 ₆₀	𐐇 ₂₇	𐐇 ₅₃	𐐇 ₅	𐐇 ₂₆
s	𐐇 ₃₁	𐐇 ₉	𐐇 ₄₁	𐐇 ₁₂	𐐇 ₅₈
z	𐐇 ₁₇	𐐇 ₇₆		𐐇 ₂₀	

Рис. 9. Чтение слоговых знаков линейного письма Б (по А. Хойбеку)

Джон Чэдуик. Он же после безвременной трагической кончины Вентриса, погибшего в 1956 г. в автомобильной катастрофе в возрасте всего 34 лет, выпустил в свет их совместный капитальный труд «Документы на микенском греческом языке». Чэдуиком также была написана книга «Дешифровка линейного Б», рассказывающая о М. Вентрисе, замечательном ученом и человеке, и его выдающемся открытии. Книга переведена на многие языки, в том числе и на русский (ее русский перевод помещен в вышедшем в 1976 г. сборнике «Тайны древних писем»).

Дешифровка табличек линейного Б не только позволила прочесть самые древние греческие тексты, происходящие из крупнейших центров Ахейской Греции (Кносса, Пилоса, Микен, Фив) и оказавшиеся примерно на семь веков старше поэм Гомера. Она дала возможность отчасти проникнуть и в смысл более ранних критских надписей, составленных на языке уже несомненно негреческом.

Правила орфографии линейного Б были в целом очень близки соответствующим правилам классического кипрского силлабария. Между ними имелись лишь незначительные различия. Правда, одно из них послужило причиной долгого отрицания родства языков обеих этих письменностей, о котором мы уже рассказывали. Дело в том, что все конечные согласные, встречающиеся в словах греческого языка, обязательно передававшиеся греками-киприотами на письме через слоговой знак, обозначающий сочетание данного согласного с немой -е, в линейном Б попросту не фиксировались. Поэтому-то столь частый в кипрских силлабических текстах слоговой знак *se* почти не встречается в конечной позиции в словах на табличках линейного Б.

Применение классического кипрского силлабария было, разумеется, более удобным методом для передачи греческого языка, поскольку выработка его и совершенствование осуществлялись куда дольше — целые столетия. Линейное же письмо Б явилось результатом самого первого и, можно сказать, довольно поспешного приспособления знаков критского линейного А, с сохранением их фонетического значения, для насущных нужд ведения хозяйственной отчетности. Линейное Б выступало в качестве своего рода стенографии, так как весьма приблизительно воспроизводило греческие слова и потому не могло применяться для записи более сложных текстов, допустим литературно-

го или исторического содержания. Такое несовершенство линейного Б объясняется механическим заимствованием им своих основных принципов у системы письма, предназначенной для фиксации форм языка, коренным образом отличавшегося от греческого — того самого догреческого *минойского* языка с фонетической структурой СГСГСГ, на котором говорили создатели критской иероглифики и линейного А.

Правда, некоторыми учеными высказывались сомнения относительно соответствия структуры минойской речи графической структуре минойского письма — линейного А. При этом делались ссылки на пример лувийской иероглифики, созданной в первой половине II тысячелетия до н. э. древними жителями полуострова Малая Азия для записи текстов на индоевропейском языке (со скоплениями согласных), где знаки, передающие обычно слоги типа С + Г, могли использоваться условно и в значении С+ нуль. Однако эти сомнения легко устраняются, если иметь в виду, что отмеченное несоответствие написания и действительного чтения возникло в лувийском иероглифическом письме (как в линейном Б и классическом кипрском слоговом письме, аналогичным образом приспособленных для другого индоевропейского языка — греческого) из-за заимствования у минойцев Крита — древнейшего письменного народа Эгеиды — принципа силлабария со знаками только для слогов типа С + Г и Г. Он хотя и не позволял передавать скопления согласных, а также различия между удвоенными и неудвоенными, глухими, звонкими и аспирированными согласными, но был достаточно удобен в употреблении и при обучении грамоте из-за сравнительно небольшого общего количества используемых силлабogramм. Впервые же такой силлабарий мог быть выработан только для языка с соответствующей ему фонетической структурой СГСГСГ.

Благодаря дешифровке линейного письма Б, многие знаки которого (около 50 силлабogramм) почти или полностью совпадают по начертанию со знаками линейного А, удалось прочесть подавляющее большинство надписей последнего. Однако понять при этом прочитанные минойские тексты Крита не удалось. Ученые пока никак не могут твердо установить родство языка минойцев ни с одним из известных древних или современных языков, и это не позволяет им применить здесь *этимологический* метод, основывающийся на отыскании в родственных языках слов

одного происхождения, близких по звучанию и по смыслу. Из-за общей скудости материала (табличек линейного А обнаружено в несколько десятков раз меньше, чем линейного Б) в краткости имеющихся в распоряжении исследователей отдельных текстов (помимо явно хозяйственных табличек с инвентарными списками, сопровождаемыми цифровыми обозначениями, надписи линейного А, как и иероглифические, встречаются на самых разнообразных предметах, в первую очередь на печатях) не удастся получить их интерпретацию, даже используя вместо этимологического *комбинаторный* метод, который подразумевает углубленное исследование внутренней структуры каждого текста как основополагающий этап проникновения в его содержание.

В перечислениях на табличках линейного А угадываются названия различных видов зерна и списки личных имен. Среди минойских слов предположительно опознаются также некоторые наименования сосудов. Однако единственным словом с точно установленным значением является слово *ки-го*, часто сопровождающее числовой результат подытоживания общего количества учитываемых предметов и означающее, следовательно, «итого, всего». С интерпретацией критских иероглифических надписей, в которых читаются по аналогии с линейным А и Б всего два с половиной десятка слоговых знаков, дело обстоит еще хуже (лишь некоторые хозяйственные таблички, где весь текст состоит из условных рисунков-идеограмм и цифр, фактически не нуждающихся ни в прочтении, ни в переводе, могут быть легко поняты).

Таким образом, собственно критские памятники не дают разгадки тайны языка и первоначального этнического происхождения первых европейцев, которыми с полным правом могут быть признаны минойцы, как подданные венценосных потомков легендарной царицы Европы, давшей имя нашему континенту, и как создатели первой европейской цивилизации, в том числе первого в Европе государства и древнейшей европейской письменности. Таким образом, не удастся, к сожалению, подобраться к решению загадки Фестского диска с той стороны, с какой оно, казалось бы, должно быть наиболее доступным, поскольку справедливость мнения о местном критском происхождении диска со временем становится все очевидней.

Но, может быть, в этом ученым способны более всего помочь памятники минойской письменности, обнару-

женные вне Крита, а именно на колонизованном минойцами острове Кипр, который, по представлениям древних греков, был родиной богини любви и женской красоты — прекрасной Афродиты?

Глава 4

МИНОЙЦЫ И ИХ НАДПИСИ НА ОСТРОВЕ АФРОДИТЫ

Появление первых минойских колоний на Кипре, который лежал на важном морском пути, связывавшем Крит с богатыми торговыми городами сирийско-финикийского побережья, относится к периоду наивысшего расцвета Кносской державы. Вслед за купцами на остров Афродиты пришли минойцы-переселенцы, обосновавшиеся в некоторых прибрежных пунктах. Постигшая минойскую цивилизацию катастрофа вызвала, по-видимому, значительный приток новых иммигрантов с Крита, подобно тому как несколькими столетиями позднее шедшие по следам минойцев ахейцы также основной массой хлынули на Кипр после разгрома дорийцами их государств в материковой Греции.

Данные о минойской колонизации Кипра сохранила и античная историческая традиция. Так, например, опираясь на нее, знаменитый греческий географ Страбон сообщает о переселении в незапамятные времена с Крита на Кипр мудрых и искусных тельхинов (тельхины — то же, что и куреты, критские воспитатели младенца Зевса), которым приписывалось открытие мастерства добычи и обработки металлов, т. е. роль пришедших на остров извне носителей более высокой культуры.

Но основные свидетельства длительного пребывания минойцев на Кипре дала археология. Наиболее значительные памятники минойской культуры Кипра обнаружены при раскопках древнего города около современного селения Энкоми на юго-восточном берегу острова. Важнейшее место среди них занимают уже упоминавшиеся нами кипро-минойские надписи.

Кипрское слоговое письмо позднего бронзового века, получившее по сходству его с крито-минойским письмом название кипро-минойского, долгое время с момента его

открытия в конце XIX в. было представлено только краткими надписями на различных предметах, главным образом на керамике. Лишь в 1953 г. доктору Порфириосу Дикайосу, проводившему раскопки в Энкоми, удалось открыть фрагмент таблички из обожженной глины, содержащий достаточно большой по объему текст: 22 строки на одной стороне (из которых половина сохранилась полностью), 16 строк — на другой, всего около 400 знаков, не считая словоразделителей (рис. 10 и 11). Руководствуясь регулярно встречающимися в тексте черточками-словоразделителями, удается насчитать в нем 111 слов, сохранившихся полностью, и 30 слов, сохранившихся частично.

Появление столь значительного по объему текста, изданного П. Дикайосом в том же году в английском архео-



Рис. 10. Прорисовка текста лицевой стороны таблички из Энкоми

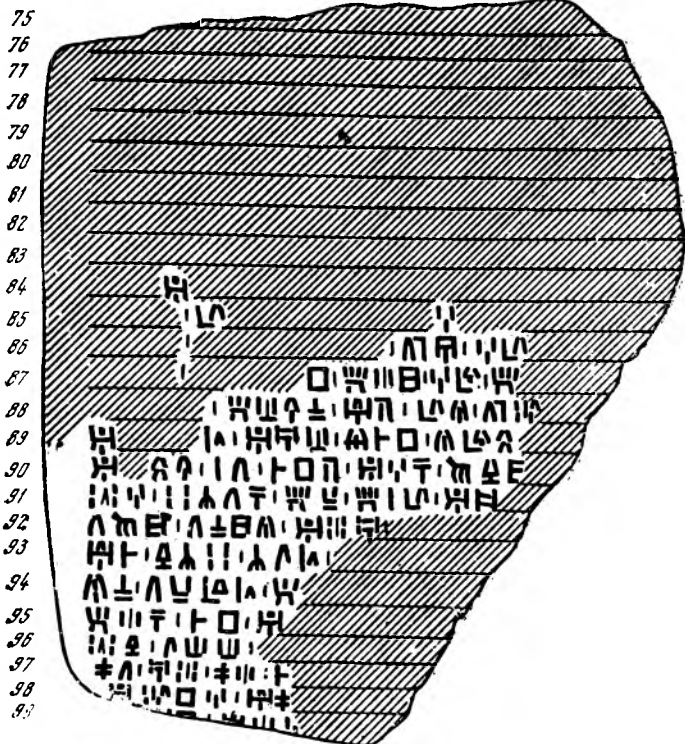


Рис. 11. Прорисовка текста оборотной стороны таблички из Эпикона

логическом журнале «Антиквити», породило надежды на успех попыток дешифровки на его основе кипро-минойского письма, и такие попытки не заставили себя долго ждать. Так, уже через год после появления публикации Дикайоса западногерманский профессор из Тюбингена Эрнст Зиттиг первым выступил со статьей, в которой старался прочесть текст таблички по-гречески. Его примеру последовали затем и другие исследователи, приходившие при этом каждый раз к взаимоисключающим результатам чтения и перевода текста. Позднее Саймон Дэвис попытался дешифровать и интерпретировать данный текст как хеттский¹. Все эти «дешифровки» вполне справедли-

¹ Хетты, как и их ближайшие родственники — лувийцы, жили во II тысячелетии до н. э. на полуострове Малая Азия, иначе име-

во получили у специалистов резко отрицательную оценку. Причина неудач исследователей, покушавшихся на тайну таблички из Энкоми, крылась в данном случае прежде всего в непригодности применявшейся ими методики — отказе от необходимого предварительного формального анализа при чрезмерном увлечении поисками внешнего сходства знаков кипро-минойского силлабария со знаками других родственных систем письма и между собой.

Хотя около 20 знаков кипро-минойского письма могут быть сопоставлены со знаками критского линейного Б и классического кипрского силлабария, фонетические значения которых известны (рис. 12), подстановка этих значений в текст таблички из Энкоми дает слишком мало слоговых чтений и тем более полных чтений слов для того, чтобы судить о языковой принадлежности надписи и затем использовать тот или иной из древних языков Средиземноморья для ее дешифровки.

Поэтому, как всегда в подобных ситуациях, на первый план выступает необходимость формального анализа текста. Попробуем сейчас провести его, поскольку, во-первых, в случае успеха дешифровки с его помощью данного текста у нас может появиться, как говорилось выше, важное подспорье для изучения предполагаемого языка надписи Фестского диска, во-вторых, это позволит читателю-неспециалисту постепенно войти в курс подобной методики, являющейся основой первоначального изучения памятников любой неизвестной письменности.

Уже первооткрыватель данного памятника — П. Дикайос сумел определить, что размеры таблички из Энкоми были когда-то примерно в 4 раза больше нынешних. Обе ее исписанные стороны разделялись на две части вертикальной линией (часть этой линии прослеживается на уровне строк 17—19). Таким образом, весь текст располагался на ней в четыре колонки, от которых до нас дошли во фрагментах лишь левые, т. е. менее одной четвертой части текста, в котором насчитывалось, по-видимому, около 150—200 строк. Наблюдения над изменением длины строк там, где они сохранились целиком, и факт чередования в них конечных слоговых знаков (в строках 10—14) дали основание изучавшему этот памятник

пеем Анатолпей, и говорили на языке, принадлежащем к так называемой анатолйской ветви индоевропейской семьи языков,

<i>Критское линейное А</i>	<i>Критское линейное Б</i>	<i>Кипро- минойское</i>	<i>Классический кипрский силлабический</i>
	<i>na</i>		<i>na</i>
	<i>da</i>		<i>ta</i>
	<i>ti</i>		<i>ti</i>
	<i>se</i>		<i>se</i>
	<i>ra</i>		<i>la</i>
	<i>pa</i>		<i>pa</i>

Рис. 12. Сравнение знаков критского и кипрского слогового письма

М. Вентрису сделать предположение о том, что текст содержит стихотворное произведение.

Действительно, структура текста (рис. 13 и прил. I)² может быть выявлена только там, где строки сохранились целиком. Таких строк, сохранившихся полностью от на-

² Знакам недешифрованных древних письменностей принято присваивать условные номера. Это дает возможность значительно упростить работу с текстами, прибегая к их цифровой передаче.

[illegible]

чала до конца, насчитывается на табличке всего 10 или 11. Они идут подряд друг за другом на лицевой стороне таблички (строки 11—20 и, может быть, строка 10). Длина их неодинакова. Как видно, каждая строка имеет законченный смысл, так как прерывается всякий раз на разном, иногда довольно значительном (особенно строки 16 и 20, а также 21, где уцелела вторая половина строки) расстоянии от правого края левой половины поля таблички, обозначенного писцом вертикальной чертой (отчего ни одна строка не выглядит продолжающей предыдущую). Следовательно, протяженность любой отдельной строки текста зависит лишь от длины составляющих ее слов, а в конечном счете от количества слоговых знаков в их написании.

Расположение и внутренняя структура строк наводят на мысль о наличии в тексте таблички скорее некоего перечисления, нежели поэтического произведения, аккуратно записанного построчно. Дело в том, что в полностью сохранившихся строках выявляется любопытная закономерность: каждая из них содержит ровно пять слов, ни больше, ни меньше. Этой же закономерности подчиняется как будто и весь текст: в строках, частично пострадавших, нигде не обнаруживается хотя бы шесть слов, а только максимум пять (ср. строки 5, 6, 88, 90, 91, а также 8, где присутствие после четвертого слова знака-словоразделителя, встречающегося везде в тексте лишь между словами внутри строки, подразумевает утрату пятого слова). К тому же, если считать, вслед за М. Вентрисом, повтор конечных слоговых знаков через строку в строках 10—14 признаком рифмованности текста, то придется констатировать, что обнаружить подобную рифмованность в строках 15—21 никак не удается.

Встает вопрос, какого рода перечисление может содержать текст таблички из Энкоми. Инвентарный список имущества, священных даров, земельных владений, полученной дани и тому подобного в данном случае, видимо, отпадает, потому что, с одной стороны, отдельные пункты-строки для такого списка слишком пространны, причем они строго однородны по внутренней структуре и одновременно исключительно разнообразны по номенклатуре предположительно учитываемых предметов (в различных строках изредка повторяются лишь отдельные слова), а с другой стороны, в реестре на табличке явно отсутствуют цифровые обозначения, которых следовало

бы ожидать в документе хозяйственной отчетности. Лишь в самом конце строки 20 имеется значок р в виде кружка, который может быть истолкован по аналогии с крито-микенскими цифровыми обозначениями как цифра 100. Если это сопоставление верно, то функция данного числового уточнения в тексте таблички представляется явно вспомогательной: оно указывает, как служебная пометка, на итоговое количество слов, т. е. объектов перечисления, в первых 20 строках текста ($5 \times 20 = 100$).

Поэтому остается предположить, что это список иного рода — перечисление имен богов или людей, а именно: царей, жрецов, государственных должностных лиц, дарителей-ктиторов, победителей в состязаниях, просто частных лиц и т. п. Выявленная же выше структура текста более всего подходит для списка ежегодно сменяемых магистратов, составляющих «коллегию пяти», похожую на знаменитую коллегию эфоров в Спарте³. Весьма вероятно, что сходство это не случайно, а восходит к общему источнику. По утверждению древних авторов, опиравшихся на местную спартанскую традицию, основные принципы государственного устройства дорийской Спарты были заимствованы с Крита и унаследованы от легендарного законодательства Миноса, т. е. догреческого микенского законодательства. Это относится, в частности, и к институту эфоров, тождественных критским космам — высшим должностным лицам в городах-государствах Крита, известным по письменным источникам I тысячелетия до н. э. Правда, эфоров в Спарте было всегда пять⁴, а космов в критских городах классического и эллинистического периодов (V—I вв. до н. э.), видимо, в большинстве случаев — десять (точнее говоря, число космов в городах Крита во времена составления дошедших до нас эпиграфических памятников не было строго определенным и колебалось от десяти до двух.) Но очень возможно, что число последних в более раннюю эпоху, когда складывалась под критским влиянием спартанская конституция, также равнялось пяти. Именно такое число членов

³ Коллегии эфоров, существовавшие как один из важнейших институтов государственной власти в разное время в других древнегреческих городах-государствах, учреждались там по спартанскому образцу.

⁴ Здесь их число совпало с числом территориальных округов — об. на которые делилась страна спартанцев — Лаконика, что и обуславливало его неизменность.

коллегии космов насчитывалось в историческое время, например, в Итаносе (Восточный Крит). Эпонимный, т. е. связанный с присвоением особого календарного наименования каждому определенному промежутку времени по имени исполняющего свои обязанности в данный срок специального должностного лица⁵, характер должностей спартанских эфоров и критских космов тоже сближает их с предполагаемой кипро-минойской магистратурой. Именно эпонимная функция должна была определить необходимость составления и сохранения списка магистратов древнего Энкоми примерно за полтора-два столетия.

Анализ текста таблички позволяет предполагать, что важной особенностью статуса «коллегии пяти» в древнем Энкоми было ограничение возможности повторного отправления данной должности одним и тем же лицом.

Шесть слов (по нашему мнению, личных имен) встречаются в тексте таблички более одного раза:

55-32-52 (2, 1; 12, 4) ⁶

19-06-27-24-29 (3,2; 10,2)

55-32 (4,1; 10,1; 18,2)

53-28-47 (5,2; 8,2; 11,2)

55-32-02 (11,4; 14,4)

55-51-30 (17,3; 92,3).

В последнем случае одно и то же имя, упоминающееся дважды в строках 17 и 92, соответствующих, надо полагать, определенным погодным статьям списка, принадлежит явно различным лицам. Во всех же других случаях весьма вероятным является тождество одноименных лиц, по два и даже по три раза занимавших некую важную должность в древнем Энкоми. Из них никто не получал данную магистратуру чаще, чем раз в трехлетие, которое было, по-видимому, официально признанным минимальным циклом возможного избрания или назначения. Инте-

⁵ Греческое слово «эпонимос» означает «дающий имя». Эпоним как конкретное лицо тот, чьим именем официально обозначается год или иной временной отрезок (например, царь, жрец, периодически сменяемое высокопоставленное должностное лицо и т. д.).

⁶ Далее номер строки и слова будет обозначаться двумя арабскими цифрами в круглых скобках.

ресно, что ограничение возможности занятия вновь должности косма несколькими годами, в частности тремя, обнаруживается в конституциях критских городов еще в архаическое время (VII—VI вв. до н. э.).

Предложенное нами понимание текста таблички как магистратского списка способно легко объяснить и чередование знаков 36 и 52 в конце последних слов в строках 10-14. Следует отметить, что знаками 36 и 52 оканчиваются не только заключительные слова указанных строк: знак 36 стоит в конце слов ?-06-20-36 (7,1), 49-30-36 (8,4) и 58-45-36 (87,2), а знак 52 встречается в конечной позиции в словах 16-45-27-52 (9,2), 55-32-52 (12,4) и, возможно, 56-49-52 (99,2). Тут, по-видимому, повторяются в личных именах суффиксы (вероятно, весьма типичные для кипро-минойских личных имен) или суффиксы и падежные окончания (надо полагать, окончания именительного падежа). О наличии суффиксов в именах списка говорят данные их структурного анализа. Так, вероятный суффиксальный характер некоторых слогов, переданных на письме знаками, стоящими в конце слов, виден из следующих примеров сравнения однокоренных и одноосновных имен текста:

- | | |
|---------------------|---------------------------|
| 1) 02-19 (8,3) | 3) 53-28 (5,3) |
| 02-19-38-29 (14, 1) | 53-28-47 (5,2; 8,2; 11,2) |
| 02-19-38-52 (12,5) | 53-28-47-05 (19,3) |
| 02-19-47-05 (5,4) | 4) 55-25-05 (90,4) |
| 2) 26-22-14 (1,3) | 55-25-54-03 (18,5) |
| 26-22-14-05 (91,2) | 5) 57-45-03 (20, 3) |
| | 57-45-05 (95, 1) |

Три слога из числа тех, суффиксальный характер которых выявляется таким образом с наибольшей достоверностью (в приведенных примерах они чередуются после повторяющихся корней или основ, выделенных полужирным шрифтом), читаются вполне надежно благодаря совпадению в начертании кипро-минойских знаков, передающих их на письме, со знаками родственного критского линейного письма, подкрепляемому параллелями в кипрском классическом силлабарии: 03=*ro*, 05=*na*, 29=*wa*. Содержащиеся в них суффиксальные элементы *-n-*, *-r-* и *-w-* характерны для догреческих топонимических и иных глосс (слов, этимология которых не ясна) Эгейского бассейна, и в частности острова Крит. Весьма вероятным является азиатское происхождение указанных суффиксальных эле-

ментов (кипро-минойский суффикс *-wa* можно в принципе возводить и к хаттскому⁷ глагольному суффиксу *-wa*). Однако это никак не может гарантировать анатолийскую языковую принадлежность кипро-минойцев древнего Энкоми. Анатолийские личные имена могли легко заимствоваться носителями иного языка — соседями анатолийцев, особенно частично смешавшимися с ними, например минойцами Крита. В словах надписей на минойском языке (языке критской иероглифики и линейного письма А), явно неиндоевропейском по фонетической структуре, указанные суффиксальные элементы встречаются неоднократно, и прежде всего в личных именах.

Новые открытия кипро-минойских текстов, а в особенности находка в том же Энкоми в 1955 г. небольшого фрагмента глиняной таблички, датированной концом XVI — началом XV в. до н. э., подтвердили справедливость утверждения А. Эванса о происхождении кипро-минойского письма непосредственно от критского линейного А. Близкая родственность обеих письменностей дала возможность ученым предполагать близкую родственность или даже тождественность и их языков — кипро-минойского (несомненно, догреческого) и критского минойского. Если язык кипро-минойских надписей действительно был принесен на Кипр колонистами-минойцами с Крита, то этимологический анализ и интерпретация на его основе этих надписей окажутся до открытия новых больших текстов или билингвы (двуязычной надписи с параллельным текстом, в данном случае — на кипро-минойском или критском минойском и каком-либо ином, уже достаточно хорошо изученном языке) весьма затруднительными из-за крайне незначительного количества имеющихся в распоряжении ученых фактов минойского языка.

На некоторые возможные соответствия словам рассматриваемого текста таблички из Энкоми среди минойских имен собственных можно было бы указать уже сейчас⁸. Правда, от настойчивого проведения подобных параллелей, по-видимому, пока разумнее воздержаться, поскольку вопрос о выяснении фонетического значения тех или иных

⁷ Хатты, или протохетты, были доиндоевропейскими обитателями Малой Азии.

⁸ Ср., например, кипро-минойское 44-39 = *Ra-ja* (20,4; предполагаемые чтения знаков 39 и 44 относятся к числу наиболее надежных) и *Ra-ja* — критский топоним, вероятно, догреческого происхождения кносских табличек линейного Б.

кипро-минойских знаков вызывает серьезные разногласия.

Результаты произведенного выше предварительного анализа текста, заставляющие видеть в нем список членов магистратской коллегии, которая находит ближайшие аналогии в крито-минойской государственно-политической традиции, подкрепляют версию о крито-минойском происхождении не только письменности, но и языка обитателей Энкоми позднего бронзового века — кипро-минойцев.

Принятие предложенной нами интерпретации текста таблички из Энкоми 1953 г. в качестве эпонимного списка кипро-минойских должностных лиц позволило бы сделать на будущее как минимум два довольно существенных вывода: во-первых, он может стать со временем, т. е. после его полного прочтения, важнейшим подспорьем для установления абсолютной хронологии некоторых периодов истории кипро-минойского Энкоми и всего Кипра приблизительно в XV — XIV вв. до н. э. (поскольку археологическая датировка памятника — ранее последней четверти XIII в. до н. э., а из 160—200 строк погодного списка имеется читаются лишь в строках 1—22 и условно — 86—99); во-вторых, так как он представляет собой простой набор имен, стоящих в одном и том же падеже, его самостоятельное исследование без обнаружения новых, значительных по объему и более сложных по грамматической структуре и содержанию кипро-минойских надписей не может сулить прогресс в дешифровке данной письменности в целом.

Если первый из наших выводов выглядит достаточно обнадеживающим в смысле отдаленных перспектив изучения очагов минойской культуры на Кипре, то второй из них весьма и весьма малоутешителен, особенно принимая во внимание те надежды, которые можно было поначалу возлагать на этот памятник. Это положение вещей пока не изменили и новые памятники кипро-минойского письма, в том числе и еще одна довольно большая, но плохо сохранившаяся табличка, найденная в Энкоми в 1969 г. Таким образом, по-прежнему не решенной остается загадка минойских надписей Кипра, в которых поэтому не удастся отыскать желанный ключ к разрешению проблемы языка и письменности Фестского диска. То же самое относится и к очень слабо изученному письму угаритскому и протобиблскому (в древних финикийских городах Угарит и Библ жили минойские выходцы и существовали особые виды слогового письма, восходящие к критскому линейному А). Но где же тогда можно найти этот ключ?

ПОИСКИ КЛЮЧА К РАЗГАДКЕ — НАДЕЖДЫ И РАЗОЧАРОВАНИЯ

Для многих исследователей вопрос о возможном направлении поисков этого ключа был в принципе предельно ясен. По их мнению, путь мог быть только один: поиски внешнего сходства знаков письменности Фестского диска со знаками других известных систем письма, т. е. как единственно правильный ими предлагался метод *иконографический*. Правда, при конкретном рассмотрении проблемы такого сходства мнения резко разделились.

Одни исследователи, как, например, выступивший в 1911 г. со статьей в одном из французских научных журналов А. Кюни, сравнивали знаки надписи диска с египетскими иероглифами. К некоей североафриканской культуре, близкой древнеегипетской, пытались отнести письменность Фестского диска Р. Макалистер и К. Еппсен. Большая группа ученых считала Фестский диск памятником малоазийской культуры. Эта концепция опиралась в первую очередь на мнение английского ученого — доктора Маккензи, считавшего глину, из которой изготовлен диск, анатолийской по происхождению. Его заключение было принято на веру без всякого дальнейшего обсуждения сначала А. Эвансом, а вслед за ним и большинством других исследователей — сторонников версии о происхождении данного памятника из Малой Азии. Сходства знаков письменности Фестского диска и лувийской иероглифики ищут и некоторые современные исследователи, в частности известный болгарский лингвист акад. Владимир Георгиев.

Л. Пернье, напротив, сравнивал глину диска с материалом керамических изделий кносских дворцовых мастерских, а знаки надписи Фестского диска с критскими иероглифами. Другие ученые находили подтверждение местному, критскому происхождению письменности диска в обнаружении прототипов ее знаков в сюжетах минойского искусства, в аналогиях способу штамповки отдельных орнаментальных мотивов и изобразительных элементов, примененному при нанесении надписи на глиняный диск, в художественной керамике минойского Крита. Поэтому за основу дешифровки они считали необходимым прини-

мать сравнение рисуночных знаков диска и критских иероглифов. (После прочтения табличек линейного Б, давшего фонетические значения для многих силлабограмм линейного А и части иероглифов как их несомненных прототипов, для такого сравнения появилась реальная основа.)

Однако применение одного лишь иконографического метода не могло удовлетворить исследователей, сколь оптимистически ни были они настроены в отношении его возможностей. Ведь слишком незначительным оказывалось количество знаков, достаточно схожих со знаками письменности Фестского диска, которое удавалось найти в репертуаре графем других письменностей. К тому же при весьма произвольных индивидуальных оценках внешнего сходства знаков в определении его реальной степени в принципе, естественно, царил явно субъективный подход. Чтобы претендовать на доказательность своих гипотез, авторы различных дешифровок использовали в той или иной мере еще два метода — *статистический* и *акрофонический*.

Первый из них предполагает учитывать общую частотность встречаемости и дистрибуцию знаков при их иконографическом отождествлении. Казалось бы, объективный математический характер этого метода должен внушать к нему серьезное доверие, хотя он и играет у использовавших его дешифровщиков сугубо вспомогательную роль. Но применительно к Фестскому диску он не способен дать достоверные результаты, ибо текст диска слишком мал по объему, чтобы получить на основе его анализа достоверные и точные статистические характеристики употребления отдельных знаков.

Другой метод, акрофонический, основывается, в сущности, на простом угадывании пиктографического значения знака, которое затем отождествляется с каким-либо словом одного из известных древних языков Восточного Средиземноморья, а первый слог полученного слова принимается за фонетическое значение данного знака. В настоящее время ученым действительно известны примеры приобретения слоговыми знаками своего фонетического значения по принципу акрофонии в некоторых письменностях Эгейды эпохи бронзы (в критской иероглифике и линейном А, в лувийской иероглифике). Но достоверно установить такое акрофоническое соответствие пиктографического значения рисуночного знака и изобраа-

жаемой им силлабемы можно лишь тогда, когда чтение слогового знака установлено каким-то иным способом. В противном случае легко впасть в ошибку даже там, где принцип акрофонии на самом деле действовал п язык письменности известен, поскольку трудно предугадать ход мысли изобретателя письма, т. е. какое именно слово (называющее непосредственно сам изображаемый предмет или же одно из связанных с ним понятий) ассоциировалось у него с тем или другим рисуночным знаком¹. Когда же язык письменности определяется гипотетически, крайняя ненадежность акрофонического метода дешифровки становится тем более очевидной.

Неудовлетворительность методических приемов, применявшихся дешифровщиками текста Фестского диска, вполне закономерно привела к тому, что, несмотря на сходство методик, конечные результаты у всех исследователей получались каждый раз совершенно различными. Даже беглый обзор предложенных ими дешифровок рисует безотрадную и вместе с тем поучительную картину того тупика, в который зашли многие ученые, пытавшиеся описанными выше способами найти легкое решение труднейшей проблемы Фестского диска.

Одним из первых исследователей, рискнувших форсировать разгадку тайны диска, был Джордж Хемплъ, статья которого увидела свет в январском номере журнала «Харперс мансли мэгэзин» (1911), издававшегося одновременно в Лондоне и Нью-Йорке. Автор статьи попытался прочесть надпись на диске по-гречески по правилам кипрского силлабария. Верно определив по числу употребляемых знаков, что письмо диска слоговое, Хемплъ предложил для двух знаков, чаще других стоящих в начале слов, значения гласных *а* и *е*, как наиболее употребительных в этой позиции в словах греческого языка. Потом с их помощью он отыскал два характерных предлога и две грамматические частицы (надо признать, что эти начальные рассуждения Хемпля имели бы определенную ценность, если бы язык надписи оказался греческим). Обратившись затем к акрофоническому методу, он получил фонетические значения такого количества знаков, которое позволило ему полностью прочесть и понять первые 19 строк стороны А диска

¹ Так, условный рисунок, представляющий собой изображение человеческого рта, с одинаковым успехом мог обозначать на письме такие неоднокоренные слова, как «рот», «говорить», «есть» и т. д. и т. п.

(рис. 14), переведенные им следующим образом: «Вот Ксифо пророчица посвятила награбленное от грабителя пророчицы. Зевс, защити. В молчании отложи лучшие [части еще] не изжаренного животного. Афина-Минерва, будь милостива. Молчание! Жертвы умерли. Молчание!...». Согласно толкованию Хемпля, в этой части надписи речь шла об ограблении святилища пророчицы Ксифо на юго-западном побережье Малой Азии греком-пиратом с острова Крит, вынужденным впоследствии возместить стоимость награбленного имущества подлежащим жертвоприношению скотом, а также содержались предупреждения о необходимости соблюдения молчания во время церемонии принесения жертв. Остальную прочтенную им часть текста Хемпль уже не рискнул ни переводить с греческого, ни как-либо толковать.

Акрофонический метод в сочетании со статистическим для прочтения текста Фестского диска по-гречески применил также профессор Эрнст Зиттиг незадолго до своей смерти в конце 1955 г. Он вычитал на одной стороне диска указания о раздаче земельных наделов, а на другой — наставления по поводу ритуальных действий, относящихся к поминальным обрядам и празднику сева.

Американским ученым Сайрусом Гордоном в 60-е годы принцип акрофонии был использован при попытке доказать семитический характер языка надписи диска. Еще раньше, в 1948 г., с помощью собственных статистических подсчетов греческий ученый К. Ктистопулос получил целый семитический текст, даже краткая выдержка из которого красноречиво говорит о крайней сомнительности чтения и перевода:

Всевышний — это божество, звезда могущественных тронов,

Всевышний — это нежность утешительных слов,

Всевышний — это даритель предсказаний,

Всевышний — это белок яйца...

В том же 1948 г. та же статистика подсказала немецкому исследователю Эрнсту Шертелю путь к пониманию записанного на диске текста как гимна в честь Зевса и Минотавра — гимна, который был якобы составлен на некоем индоевропейском языке, близком латинскому.

Американец Бенджамин Шварц и англичанин Генри Эфрон, будучи, подобно своим предшественникам Дж. Хемплю и Э. Зиттигу, убежденными сторонниками греческой теории, применили в своих исследованиях ико-

нографический и статистический методы. Но сколь различные их переводы текста диска, опубликованные почти одновременно, соответственно в 1959 и 1962 гг.:

«[Сторона А:] Святилище Маройо и город Эрато суть истинные святилища. Могущественно Ка..но, святилище Зевса. А которое есть святилище Месате, эго — для эпидемии. Святилище Филиста — для голода. Святилище Акакирийо есть... Святилище, которое есть святилище Халкатесе... Геры. Святилище, которое есть Акакирийо, есть ... Святилище, которое есть святилище Каяпи, — божественное зрелище. Святилище, которое есть Маро, есть менее достопримечательное, тогда как святилище Халкатесе... более достопримечательное. [Сторона В:] Эти суть также святилища: могущественная Асерия, Ака, Эваки, Мирийота, Мароруве,... томаройо и Се..а. И этот город Авениту превосходит, но Эваки осквернен. Храм, расположенный против Филии, есть Энитоно по имени. Имеется три храма: Эрато, Энитоно и Эсирия. И это именно Эрато — для обрядов с быками, и Энитоно — для умиротворения, и для свободы от забот — третья, веселая Эсирия².

[Сторона А:] ... Исполненное по обету приношение для Са.. и Диониса, исполненное по обету приношение для Туи и Са... жертвоприношение Ви.. и жрицам, и жертвоприношение ... [неким божествам], и жертвоприношение Са... и Дионису, и жертвоприношение... [неким божествам] ... Агвии и ее сыну, жертвоприношение и ... богине Тарсо, и ...[нечто, некоему атрибуту] божественной Тарсо и самой богине. [Сторона В:] Иаон бесстрашный из Сард вызвал чтимую богиню Тарсо, дочь Теарней, на состязание. Божественный Теарней, сын Тарсо, дочери Теарней, приготовляя жертвенный пир в Сардах на азиатский манер, убеждал человека из Азии: „Уступи богине, вырази почтение Гигиее, дочери Галия“. Сын Тарсо просил красноречиво от имени богини. Иаон бесстрашный пришел к соглашению с Тарсо и Агвием»³.

Методом иконографического сопоставления вместе с принципом акрофонии пользовались и те ученые, которые в самое последнее время повели атаку на Фестский диск со старых, «анатолийских» позиций, стремясь приписать

² По Б. Шварцу, это список священных мест — своеобразный путеводитель по Криту для древнегреческого паломника.

³ Г. Эфрон полагал, что это древнейший образец греческой религиозной поэзии.

языку и письменности диска хетто-лувийское происхождение. Один из них, профессор С. Дэвис, обнаружил на диске следующий текст, по его мнению, религиозно-церемониального характера:

«[Сторона А:]... Оттиски печатей, оттиски, я отпечатал оттиски, мои оттиски печатей, отпечатки, я отпечатал оттиски печатей, я оттиснул, я поставил печать, я поставил печать, я оттиски печатей эти, оттиски, оттиски печатей прекрасные, я поставил печать, оттиски печатей ровные, я поставил печать, оттиски печатей прекрасные, я поставил печать, оттиски печатей, спирали, оттиски, оттиски печатей, я сделал оттиски, оттиски печатей, прекрасные оттиски. [Сторона В:] я поставил печать, я отпечатал, я поставил печать, оттиски, много я отпечатал моих отпечатков прочных, я оттиснул, я отпечатал оттиски печатей, отпечатки, я отпечатал отпечатки ясные, мои оттиски, оттиски печатей, я оттиснул, я отпечатал, я отпечатал, я оттиснул, я отпечатал, я отпечатал, я отпечатал, я отпечатал, я оттиснул отпечатки, я поставил печать, я поставил печать, я отпечатал, я поставил печать».

Даже человек, малосведущий в области дешифровки древних письменностей, засомневается в возможности такого утомительно однообразного содержания текста. Особенно странно выглядит смысловая скудость надписи при том разнообразии слов, которое ясно выступает в их графическом написании. У Дэвиса выходит, что многие различающиеся по написанию слова имеют почему-то одно и то же значение.

Намного интересней содержание текста диска в переводе с лувийского В. Георгиева, автора одной из самых последних по времени дешифровок. Это что-то вроде репортажа с места событий или донесения разведчика:

«[Сторона А:] Когда Яра отправился в поход на Лилимува, когда отправился и не успел, Ярамува его устранил, прогнал своего любимца, и он сам уничтожил Лилимува. Тархумува решил относительно Яра, чтобы он ушел на отдых. Тархумува был в плохих отношениях с этим Лилимувой. Тархумува решил относительно Яра, чтобы он ушел на отдых во дворце. Он [Тархумува] напал на границу области Сандапия. Анипумува убежал. Упарамува встречает меня, разгневанный из-за своих интересов, однако Рунда применил насилие и отразил его. Сармасу удалился к Ярамува. [Сторона В:] Сарма обдумывает и свободно готовит свой план: он натравливает. Иллон его подстрекает, однако я

берегусь. Сарма, разгневанный на Эфес, принял решение в свою пользу. Илион его подстрекает. Сармасу освободился, пришел и применил насилие. Илион его поощряет. Для унижения Ярину он отправился в Ялпос, наложил тяжелую дань, однако проявил снисхождение, взял ему глаза и удалился в Газену. Однако Яра гневается из-за унижения. Яра собрал урожай, обеспечил мне счастливое пребывание и клянется, что не будет создавать неприятностей, так как это не в его интересах. Сандатимува».

В. Георгиев так комментирует свой перевод: «Содержание текста Фестского диска представляет собой краткую историческую хронiku. Самые важные личности, чьи имена отражены на лицевой стороне диска — Тархумува и Ярамува, вероятно, владельцы двух разных областей. На обороте самые важные личности — это Сарма и Сармасу. Сандатимува, вероятно, автор текста. Текст Фестского диска представляет собой рапорт о событиях, происшедших в Юго-Западной Малой Азии».

Ко всему этому остается добавить лишь то, что принятое Георгиевым за основу дешифровки направление чтения надписи на диске слева направо является неверным (подробнее речь об этом пойдет в следующей главе).

Среди других методов, применявшихся для дешифровки Фестского диска, необходимо назвать еще метод, впервые использованный А. Эвансом. Он заключается в идеографическом толковании смысла знаков надписи. Следуя ему, Эванс принял текст диска из-за частой повторяемости в нем рисуночных знаков, напоминающих военные сюжеты, за победный гимн (этой точки зрения до настоящего времени придерживается известный советский историк Т. В. Блаватская).

Воспользовавшись тем же методом, французский атлантолог Марсель Омэ отыскал на диске рассказ о гибели в морской пучине легендарной Атлантиды, а англичанин Ф. Гордон, считавший, кстати сказать, минойский язык родственным баскскому, предложил перевод текста диска, в котором были и такие строки: «... владыка, шагающий на крыльях по бездыханной тропе, звездокаратель, пеннистая пучина вод, псорыба, каратель на ползучем цветке, владыка, каратель лошадиной шкуры (поверхности скалы), пес, взбирающийся по тропе, пес, лапой осушающий кувшины с водой, взбирающийся по круговой тропе, иссушающий винный мех...».

Со временем стало очевидным, что ни одна из рассмотренных выше методик не пригодна для решения фестской проблемы. Бесперспективность использования описанных методических приемов, акрофонического, сравнительно-иконографического и позиционно-статистического, не говоря уже об идеографическом, полностью доказал теоретически и убедительно продемонстрировал на конкретных примерах известный западногерманский ученый Гюнтер Нойман в специальной статье, опубликованной сначала на немецком языке в журнале «Кадмос» за 1968 г., а потом на русском языке в сборнике «Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки» (М., 1976). После этого стало ясно: при исследовании текста Фестского диска достаточно надежные результаты могут быть получены только комбинаторным путем, только с помощью углубленного формального анализа. И некоторые из таких результатов были получены уже давно.

Глава 6

РЕЗУЛЬТАТЫ ОБЩИХ УСЛИ.

Десятилетия упорной работы исследователей, трудившихся над дешифровкой Фестского диска, не пропали даром. Хотя они и не увенчались решающим успехом, но все же позволили значительно продвинуться вперед в изучении этого уникального памятника.

Прежде всего удалось наконец установить истинное происхождение диска и его письменности. Этому особенно помогли две важнейшие находки археологов. Проводивший в 1934—1935 гг. раскопки пещерного святилища в Аркалохори (Центральный Крит) выдающийся греческий ученый Спирос Маринатос нашел здесь медную литую секиру с выгравированной на ней надписью, содержащей знаки, полностью идентичные знакам, встречающимся на Фестском диске. И уже совсем недавно, в 1970 г., в журнале «Кадмос» был опубликован происходящий из Феста оттиск па глине одного-единственного знака, тождественного знаку 21 (по нумерации, принятой учеными) письменности диска.

Казавшаяся столь необычной техника последовательного оттискивания на мягкой, сырой глине отдельных



Рис. 14. Прорисовка стороны 4 Фестского диска

«стандартизованных» изображений с помощью специальных матриц, совершенно аналогичная использованной при изготовлении штампованной надписи на диске, как выяснилось также благодаря успехам археологии, применялась критскими мастерами-керамистами уже в среднеминойском II периоде.

Постепенное накопление новых археологических материалов дало возможность все с большим основанием утверждать местные критские иконографические истоки для неразгаданной письменности Фестского диска (таким образом развившейся и применявшейся на Крите параллельно с другим слоговым письмом — линейным А), в том числе и в отношении прототипов даже тех знаков, кото-



Рис. 15. Прорисовка стороны В Фестского диска

рые прежде рассматривались как важные свидетельства иноземного происхождения данного памятника.

Так, например, знак 02 (рис. 16), условно именуемый «голова, украшенная перьями», Э. Майер и А. Эванс сравнивали с изображениями корон из перьев, венчавших шлемы воинов-филистимлян¹. Эти изображения сохранились на древнеегипетских рельефах, которые на несколько столетий моложе Фестского диска (храм в Мединет-Абу, который они украшали, был построен фараоном Рамсесом IV в начале XII в. до н. э.). Внимательный анализ этих

¹ Филистимляне вместе с другими « народами моря » нападали на Египет, а затем заселили в XII в. до н. э. Палестину, которая и получила от них свое название. Если они и могли попасть на Крит, то только в XIII в. до н. э., но никак не раньше, тогда как Фестский диск датируется примерно 1600 г. до н. э.

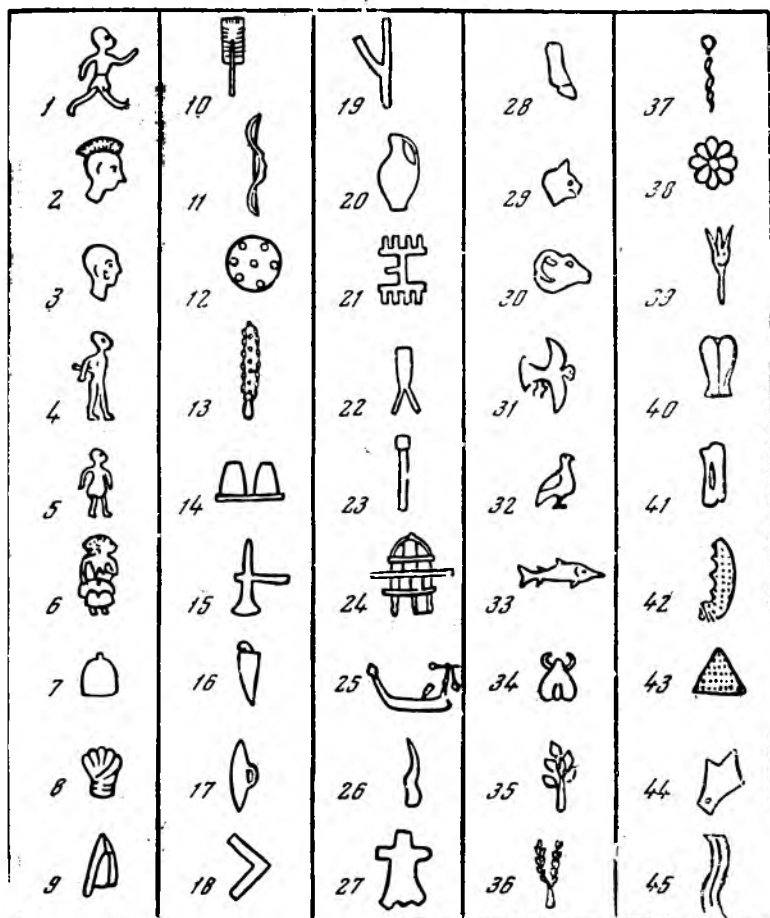


Рис. 16. Репертуар знаков Фестского диска

изображений позволил Эрнсту Грумаху установить, что в действительности они не имеют никакой иконографической связи со знаком 02. В то же время аналогии этому знаку удалось обнаружить среди критских памятников. При раскопках одного из горных святилищ на востоке Крита были найдены глиняные головы подобной формы. Кроме того, на двух минойских печатях (из Кастелли-Педиадос и Мал-

лиц) имеются изображения фантастических полулюдей-полуживотных, связанных, по-видимому, с солярным (солнечным) культом, с такими же зубчатыми гребнями и клювообразными носами, как и у знака 02. Все это дало возможность Э. Грумаху сделать важный вывод о том, что знак «голова, украшенная перьями» есть не что иное, как смешанный образ человека и петуха — священного животного на Крите, бывшего атрибутом верховного божества.

Знак 24 («пагодообразное здание») М. Меллинк вслед за А. Эвансом сопоставляет с реконструируемым на основании фасадов гробниц экстерьером деревянных домов древних жителей одной из прибрежных областей на юго-западе полуострова Малая Азия — Ликии. Однако Э. Грумах показал, что куда большее сходство с этим знаком обнаруживают критские многоэтажные здания, изображение которых имеется на оттиске печати из Закроса (Восточный Крит).

О знаке 06 («женщина») А. Эванс отзывался, как о резко контрастирующем с обычным обликом минойских придворных дам, хорошо знакомым нам по запечатлевшим его многочисленным произведениям критского искусства. Но, как выяснил все тот же Э. Грумах, знак 06 изображает вовсе не человеческое существо, а богиню-бегемотиху Та-урт (греческая Тоэрис), почитание которой было заимствовано из Египта и засвидетельствовано на Крите задолго до создания Фестского диска, причем богиня на этом рисунке изображена в характерной критской женской одежде.

Так разрешилась проблема знаков письменности диска, считавшихся ранее частью ученых безусловно некритскими по происхождению. Теперь практически для всех знаков, встречающихся на диске, могут быть подобраны прототипы, принадлежащие целиком к кругу несомненно минойских сюжетов. Само спиральное расположение надписи, не чуждое и современному письменности Фестского диска критскому линейному письму А (прекрасный образец подобной компоновки дает надпись из 19 знаков линейного А на золотом перстне из некрополя Мавро-Спелио в Кноссе), напоминает об излюбленном орнаментальном мотиве в искусстве древних критян.

Вопрос о том, в каком направлении следует читать надпись на диске, справа налево или слева направо, т. е. от края к центру или наоборот, также можно считать решенным окончательно. Уже один из первых исследователей

Фестского диска — Алессандро делла Сета указал на то, что последовательное развертывание надписи, как несомняемой череды орнаментализованных рисуночных знаков, идет против часовой стрелки: сначала по краю диска, затем лента надписи в конце первого витка спирали «натыкается» на его начало и резко «перепрыгивает» во второй ряд, начиная таким образом следующий виток. К тому же на обеих сторонах диска перед крайней ячейкой с внешнего конца спиральной ленты нанесено по пять крупных точек, которые могут быть истолкованы как указывающие на слова, стоящие в начальной позиции. Последним и самым убедительным аргументом в пользу чтения надписи справа налево явились результаты наблюдений над тем, как чисто технически выполнялось нанесение отдельных знаков на диск. Выяснилось, что когда миниатюрные матрицы накладывались на поверхность сырой глины не совсем ровно, то их оттиски всегда получались более глубокими с левой стороны. Следовательно, древнекритский художник-«печатник», штампуя надпись, действовал левой рукой. А работать таким способом было удобно, и даже единственно возможно, только в том случае, если знаки последовательно наносились справа налево. При обратном же его направлении мастер, печатавший текст, неизбежно сам создавал бы себе практически непреодолимые трудности в своей столь кропотливой и тонкой работе.левой рукой, державшей штамп, он совершенно заслонял бы предыдущие, уже нанесенные на глину знаки и терял бы всякую возможность аккуратно и в правильном порядке компоновать новые оттиски в туго скрученную для большей компактности спиральную надпись. А раз написание текста производилось справа налево, то таковым должно было быть, безусловно, и его чтение (в противном случае пришлось бы допустить, что вопреки всякому здравому смыслу и в пику прочим наборщикам всех времен и народов критский мастер имел более чем странное обыкновение начинать набор текста с последнего печатного знака).

Среди исследователей только что найденного Фестского диска мнение А. делла Сета разделяли Э. Майер и А. Рейнак, а также первым из русских ученых заинтересовавшийся этим памятником А. Г. Бекштрем, который выступил с большой содержательной статьей о диске в декабрьском номере «Журнала Министерства народного просвещения» за 1911 г. В дальнейшем оно было принято практически всеми специалистами. Противоположную же

точку зрения отстаивали в основном лишь те, кому она была удобнее для подгонки текста диска под те или иные заранее намеченные «переводы».

Выяснение в принципе системы письма рассматриваемого памятника не потребовало больших усилий от ученых. Простой подсчет количества использованных в надписи знаков индивидуальных форм (на 221 знак во всем тексте приходится лишь 45 различных) сразу показал, что письменность Фестского диска не является ни иероглифической (идеографически-звуковой), ни буквенной. Для иероглифического письма, где насчитываются сотни отдельных иероглифов, репертуар знаков диска, учитывая объем текста, слишком мал. Для буквенного же он чересчур велик. Некоторые исследователи (Г. Ипсен, В. Порциг, А. Маккей) предпринимали попытки хотя бы приблизительно установить вероятное общее число знаков в данной письменности посредством метода экстраполяции, учитывая темпы их прироста при пропорциональном увеличении текста. Полученные статистические данные говорили о том, что письменность Фестского диска представляла собой письменность слоговую (согласно произведенным подсчетам, в ней было немногим более 60 различных знаков). Причем этот силлабарий был описанного выше эгейского типа, т. е. со знаками только для открытых слогов (Г и СГ), подобно критскому линейному письму А и Б и другим родственным им письменностям Эгеиды, о которых рассказывалось в предыдущих главах книги.

Но письменность диска не была чисто слоговой, вроде позднейшего классического кипрского силлабария, как полагали авторы многочисленных полных или неполных «дешифровок», а содержала в себе, несомненно, аналогично современному ему линейному А, не только силлабограммы, но и знаки другого назначения — идеограммы и детерминативы².

Из установления слогового в целом характера письменности Фестского диска естественным образом вытекает вывод о том, что обособленные группы знаков, заключенные в ячейки (в самой большой из них содержится семь знаков, а в самой маленькой — два), представляют собой не что иное, как слова.

² Детерминативами называются непронизносимые при чтении пояснительные знаки, указывающие, к какой категории понятий относится стоящее рядом с ним слово, которое передается на письме фонетическими знаками.

Углубленное исследование внутренней структуры текста, и в первую очередь всех составляющих его слов, позволило ученым с весьма значительной долей вероятности определить грамматические функции ряда знаков. (Особенно важна в этом отношении лучшая из работ, посвященных фетской проблеме, — статья со строго комбинаторным анализом надписи диска, принадлежащая Г. Ипсену и В. Порцигу и опубликованная в 1929 г. в немецком научном журнале «Индogerманские исследования».) На примерах чередования некоторых графem в начальной и конечной позициях, в том числе до и после идентичных устойчивых знаковых блоков, отождествляемых с основами, удалось продемонстрировать несомненное присутствие в словах языка надписи префиксов и суффиксов, а также его флективный характер, т. е. наличие в нем изменяющихся при склонении или спряжении окончаний.

Знак 02, очень часто встречающийся в тексте — он содержится почти в трети слов — и стоящий всегда на самом первом месте, только перед другими знаками, был единодушно опознан всеми серьезными исследователями в качестве графического форманта, или, иначе говоря, детерминатива. А то, что он изображает странную человеческую голову, украшенную перьями или петушиным гребнем, заставляло предполагать в нем детерминатив, обозначающий скорее всего имена собственные (по Ипсену и Порцигу, личные имена и местоимения). Сравнение этих предполагаемых имен собственных, обнаруживаемых в тексте диска (всего их — 19, а за исключением в точности повторяющихся — 15), с именами собственными народов Северо-Восточного Средиземноморья и было признано в конце концов самым перспективным методом установления фонетического значения части слоговых знаков надписи на диске, хотя при этом и оговаривалось, что оно сопряжено на сегодняшний день с непреодолимыми пока трудностями из-за неполноты наших знаний об ономастике древней Эгеиды.

Делались попытки приписать функцию детерминатива и другим знакам, но они не имели достаточного обоснования со стороны сравнительно-статистической.

Все эти данные, которые получены комбинаторным путем, а потому должны быть признаны достаточно надежными, собраны буквально по крупицам учеными разных стран. Действительный вклад в дело решения фетской проблемы в той или иной степени внесли Л. Пернье,

А. делла Сета, Г. Ипсен, В. Порциг, Э. Грумах, Г. Нойман, В. Нам, С. Маринатос, К. Даварас, А. Эванс, А. Маккей, А. М. Кондратов и В. П. Назаров. Но вместе с ними фундамент для будущей дешифровки заложили и все те другие ученые, кому наука обязана нашими нынешними представлениями об этнической, языковой и культурной истории Эгеиды эпохи бронзы.

В интересующий нас конкретный период — в первой половине II тысячелетия до н. э. — страны Эгейского бассейна населяли различные племена и народы. Большую часть полуострова Малая Азия занимали хетты, лувийцы и палайцы, говорившие на близкородственных индоевропейских анатолийских языках. Здесь они ассимилировали своих предшественников — хаттов (протохеттов), язык которых не относится к индоевропейским, а обнаруживает, по мнению отдельных исследователей, черты сходства с некоторыми кавказскими языками. На другом берегу Эгейского моря в то время жили уже греки-ахейцы, потеснившие повсюду и в значительной мере поглотившие обитавших тут ранее индоевропейцев-пеласгов.

Приход греческих племен с севера на юг Балкан относится примерно к рубежу III—II тысячелетий до н. э. Но не побежденные ими пеласги были первыми обитателями будущей Эллады. Скрупулезный лингвистический анализ древних топонимов Эгеиды, произведенный советским исследователем Л. А. Гиндиным, позволил твердо установить, что самый древний языковой пласт на юге Балканского полуострова и греческих островах, включая Крит, был не индоевропейским. Условно он назван эгейским. Весьма возможна и даже наиболее вероятна его тождественность с минойским, ибо, судя по памятникам письменности — надписям критской иероглифики и линейного А и их явно местным истокам, минойский язык, безусловно, господствовал по крайней мере на Крите в III—середине II тысячелетия до н. э. Следующим слоем, наложившимся почти повсеместно на предыдущий, эгейский (или минойский), был пеласский, а лишь потом идут второй индоевропейский, анатолийский, и третий — греческий.

Такова в самых общих чертах сложная картина последовательных этническо-языковых наслоений в Эгее, имевших место и на Крите, которую, разумеется, крайне важно учитывать при работе над дешифровкой текста Фестского диска. Ведь если ключ к этой дешифровке и может быть подобран только в результате всестороннего и

целенаправленного комбинаторного анализа, то подлинная реализация его невозможна без нахождения фонетических значений письменных знаков и осмысления их совокупностей в качестве фактов одного из древних языков, употреблявшихся жителями Крита в конце среднеминойского III периода.

Глава 7

ИМЕНА И ТОНОНИМЫ

Из всех суммированных в предыдущей главе вполне достоверных данных, которые получены исследователями Фестского диска, пожалуй, самыми важными являются определение знака 02 как именного, точнее, даже антропонимического (обозначающего личные имена), детерминатива и выяснение его конкретного сюжетного содержания, а именно то, что он изображает человеческую голову с символической прической в виде петушиного гребня.

Употребление знака, отражающего смешанный образ человека и петуха, священного животного на Крите, являющегося сакральным солярным символом, в качестве детерминатива перед именами древних критян, а вернее их правителей, кажется особенно уместным в свете любопытного сообщения греческого писателя и путешественника II в. н. э. Павсания о том, что петух — птица, посвященная богу солнца Гелиосу (прародителю критских царей через жену Миноса, Пасифаю), — воспринимался согласно традиции как родовая эмблема Миносидов.

В книге пятой своего «Описания Эллады», уникального путеводителя по Древней Греции, среди прочих достопримечательностей Олимпии, места проведения знаменитых Олимпийских состязаний, Павсаний описывает следующую скульптурную группу работы известного ваятеля первой половины V в. до н. э. Оната с острова Эгина, изображавшую прославленных героев Троянской войны: «Есть тут и общее приношение ахейского племени; это те, которые после вызова Гектором на единоборство кого-либо из эллинов смело бросили жребий для этого состязания. Эти статуи стоят рядом с большим храмом, вооружены копьями и щитами. Прямо против них на особом пьедестале стоит статуя Нестора. Он изображен в тот момент, когда бросает их жребий в шлем. Число тех, кто бросает

жребий для единоборства с Гектором, восемь, так как девятого из них, Одиссея, говорят, Нерон увез в Рим. Из этих восьми имя написано только на статуе Агамемнона... Тот, на щите которого изображен петух, это Идомей, потомок Миноса; род Идомея идет от Гелиоса, отца Пасифаи, и рассказывают, что эта птица посвящена богу солнца Гелиосу и возвещает наступающий восход солнца».

Текст Фестского диска выглядит, таким образом, как список имен, скорее всего, минойских правителей Крита, и может быть разбит по этому принципу на 16 частей, каждая из которых начинается с имени (см. прил. II)¹. В трех случаях (A16—A18, A19—A21, A22—A25) эти группы слов имеют в своем начале по два имени, стоящих непосредственно одно за другим. Поскольку первое имя (02-12-31-26*)² во всех случаях (A16, A19, A22) совпадает, можно предположить, что вторые имена (A17, A20, A23) служат отчествами, добавленными для отличия следующих друг за другом одноименных правителей³ (при этом слоговые знаки, стоящие в конце слов-отчеств — 21, 18, 27, — могут содержать в себе окончание одного из того же падежа, о чем подробнее будет сказано ниже). Интересно, что два из трех выявленных отчеств встречаются еще раз в надписи на той же стороне диска (A17 и A29, A20 и A14), но уже как самостоятельные имена. Имя 02-27-25-10-23-18 сначала стоит отдельно (A14) и лишь ниже выступает как отчество (A20), что наводит на мысль о возможности последовательного упоминания в тексте отца и сына. Расположение же в надписи слова 02-12-27-27-35-37-21 в качестве отдельного имени (A29) и в качестве отчества (A17) имеет обратный порядок, что не позволяет, по наш взгляд, говорить об упоминании отца и сына в разных местах текста.

Сделанный нами вывод о том, что, судя по отчеству и месту, занимаемому в списке имен, 02-12-31-26* (A19)

¹ Далее арабскими цифрами в сочетании с буквами А и В будет обозначаться порядковый номер того или иного слова на одной из сторон диска. Хотя знаки в надписи идут справа налево, мы для удобства размещаем их при передаче цифровыми обозначениями слева направо.

² Поскольку функция значков, похожих на индийские вирамы, в письменности Фестского диска не ясна, мы условно не учитываем их и лишь отмечаем наличие этих значков звездочкой.

³ Анализ минойских иероглифических надписей на критских печатках показывает, что в них также содержались двухименные блоки, состоящие из имени сына и имени отца, без поясняющего слова «сын» между этими именами,

может быть признан сыном 02-27-25-10-23-18 (A14), а его тезка 02-12-31-26* (A16) вряд ли является сыном 02-12-27-27-35-37-21 (A29), подкрепляется еще одним наблюдением. В первом случае после имен предполагаемых отца и сына, фигурирующих в списке правителей в порядке старшинства, стоит совершенно одинаковое поясняющее слово 28-01* (A15 и A21), в то время как после имен лиц, не признаваемых нами отцом и сыном, в тексте находятся разные поясняющие слова (A18 и A30 — A31). Отсюда с неизбежностью вытекает, что слова, стоящие в надписи диска за именами правителей, не являясь, безусловно, титулами последних (судя по их слишком большому разнообразию), должны быть их какими-то иными определителями. Для этой роли более всего подходят обозначения территориально-географического характера, по владению областью или городом, которые, естественно, могут быть одинаковыми для отца и сына, как это, видимо, имеет место в рассмотренном выше случае (A15 и A21). Выявление в тексте Фестского диска слов, являющихся топонимами, имеет важнейшее значение, ибо оно способно открыть едва ли не единственно возможный реальный путь к созданию искусственной билингвы (т. е. искусственно построенной двуязычной надписи, чтение хотя бы части слов которой известно по дешифрованным письменным памятникам) через идентификацию собственных имен, в данном случае географических названий. Самым ответственным моментом начального этапа дешифровки является тот, когда исследователю удастся призвать к себе на помощь билингвистический метод, дающий первые фонетические значения для знаков неразгаданной письменности, подкрепляющие, если дешифровщик идет по правильному пути, выводы, полученные комбинаторным путем. Развитие же результатов использования искусственной билингвы осуществляется затем обычно снова с привлечением комбинаторного метода.

В 7 из 16 групп слов, на которые распадается текст диска (в прил. II они расположены отдельными группами), топонимы выявляются без всяких затруднений, так как в этих группах за именами следует всего лишь одно поясняющее слово:

A9. 31-26-35
A11. 01-41-40-07
A13. 39-11

A15 и A21. 28-01*
A18. 33-23
B2. 27-45-07-35.

В двух других группах топонимы обнаруживаются путем сравнения с определенными ранее:

- | | |
|---------------------|-----------------|
| 1) A6. 27-45-07-12 | B2. 27-45-07-35 |
| A7. 27-44-08 | |
| 2) A24. 06-18-17-19 | |
| A25. 31-26-12 | A9. 31-26-35 |

Как видим, «простые» (состоящие из одного слова) топонимы, находясь в сочетании с другим словом, претерпевают изменение в своем написании, вероятно, в связи с изменением гласного звука в конечном слоге.

Еще две группы содержат одно и то же слово 10-03-38, которое, повторяясь подобно трем выявленным ранее топонимам (A15 и A21; A6 и B2, A9 и A25), само вполне может быть таким же повторяющимся топонимом:

- | | |
|--------------------|----------------|
| 1) A27. 23-19-35 * | 2) A30. 13-01 |
| A28. 10-03-38 | A31. 10-03-38. |

В остальных пяти группах определение топонимов затруднительно, и лишь по аналогии их можно предполагать по крайней мере в одном из двух слов, идущих следом за именем:

- | | |
|---------------------|-----------------------|
| 1) A2. 24-40-12 | 4) B18. 29-36-07-08 * |
| A3. 29-45-07* | B19. 29-08-13 |
| 2) B4. 22-25-27 | 5) B29. 29-34-23-25 |
| B5. 33-24-20-12 | B30. 45-07. |
| 3) B12. 27-25-38-01 | |
| B13. 29-24-24-20-35 | |

Принципиальное значение для дешифровки текста Фестского диска, естественно, имеет вопрос о языке, на котором он написан. Все данные говорят за то, что этот язык минойский, т. е. язык линейного письма А и критской иероглифики. Количество слоговых знаков, применявшихся в системе письма Фестского диска (как говорилось выше, по сравнительно-статистическим данным, их должно было быть около 60), свидетельствует о том, что они передают только открытые слоги, а это характерно именно для звуковой структуры минойского языка. Сам диск найден вместе с табличкой линейного А. Тождественность языка надписи диска и минойского вытекает и из анализа упоминавшейся уже нами надписи на votивной (предназначенной для посвящения божеству) бронзовой двусторонней секире из святилища в пещере Аркалохори, сделанной

частично тем же письмом, что и надпись на Фестском диске. В одной из следующих глав мы рассмотрим ее подробно. Сейчас же скажем лишь о ее значении для определения языковой принадлежности письменности Фестского диска. Самым важным является то, что здесь налицо несомненное смешение в одной надписи различных систем письма: письменности Фестского диска и линейного А. Такое явление объяснимо лишь в том случае, если две эти системы письма, а точнее, два набора слоговых знаков параллельно существовали для записи текстов на одном и том же языке. Правда, установление языковой принадлежности текста диска не позволяет тем не менее применить для его прочтения этимологический метод, поскольку минойский язык для этого недостаточно изучен. Зато теперь удастся использовать метод билингвистический.

Дешифровка линейного письма Б позволила прочесть несколько десятков топонимов Крита того времени в транскрипции, соответствующей звуковой структуре СГСГСГ минойского языка. Значительную часть из них удастся отождествить с греческими названиями критских городов более позднего времени, местоположение которых хорошо известно сегодня. Но только четыре таких названия относятся к тем городам, существование которых в среднеминойскую эпоху, и конкретно в среднеминойский III период, концом которого датируется по сопутствующим находкам керамики диск из Феста, основательно подтверждено данными археологии:

A-MI-NI-SO (Ἀμνισός) — Амвис,

KO-NO-SO (Κνωσσός) — Кносс,

PA-I-TO (Φαιστός) — Фест,

TU-RI-SO (Τυλισός) — Тилисс.

В трех из них встречается один и тот же слог (*SO* линейного письма Б), стоящий каждый раз в конце слова. Если содержащие этот слог названия городов имеются в тексте Фестского диска (а их явное отсутствие выглядело бы весьма странным и ставило бы под сомнение правильность всех наших построений), то в словах, выделенных нами в качестве несомненных и предполагаемых топонимов, один из слоговых знаков должен не менее двух раз встретиться в конце трехсложного слова и хотя бы один раз — в конце четырехсложного. Такой слоговой знак обнаруживается, притом только один, — 12. Он находится в несомненных топонимах 31-26-12 (A25) и 27-45-07-12

(A6), а также в предполагаемых топонимах 24-40-12 (A2) и 33-24-20-12 (B5). При решении вопроса о том, какой из двух трехсложных топонимов 31-26-12 и 24-40-12 транскрибировать как *KO-NO-SO*, и который как *TU-RI-SO* (об условности сохранения здесь в транскрипции слогового знака 12 гласного *o* ниже будет сказано особо), следует принимать во внимание в первую очередь тот факт, что, согласно выводам археологов, во времена изготовления Фестского диска Кносс уже явно играл на Крите роль основной политической силы, и место его царя при официальном перечислении критских правителей бесспорно должно быть более почетным, чем место владыки Тилисса. Поэтому мы склоняемся к чтению: 24-40-12=*KO-NO-SO* и соответственно 31-26-12=*TU-RI-SO*. Правитель Кносса оказывается при этом в списке владык Крита конца среднеминойского III периода на первом месте, безусловно, самом для него подходящем, и, таким образом, нам удастся получить очень важное указание на необходимость начинать чтение текста со стороны А диска как лицевой. Из двух четырехсложных топонимов предполагаемый топоним 33-24-20-12 не может читаться *A-MI-NI-SO* из-за того, что в нем имеется слоговой знак 24, присутствующий и в слове 24-40-12, в то время как в словах *A-MI-NI-SO*, *KO-NO-SO* и *TU-RI-SO* нет ни одного повторяющегося слога, за исключением конечного. Следовательно, не остается ничего иного, кроме как принять чтение: 27-45-07-12=*A-MI-NI-SO*.

Репертуар слоговых знаков прочтенных нами слов выглядит следующим образом: 07=*NI*, 24=*KO*, 26=*RI*, 27=*A*, 31=*TU*, 40=*NO*, 45=*MI*⁴. Относительно знака 12 необходимо отметить, что вопрос о гласном в обозначаемом с его помощью слоге остается открытым по двум причинам. Во-первых, даже минойская по фонетическому облику передача минойских же топонимов имеет в линейном письме Б традиционную греческую форму окончаний, и повторение конечного слога *SO* линейного Б в приведенных названиях городов следует расценивать лишь как свидетельство повторения в их истинной минойской транскрипции одного и того же конечного слога с тем же са-

⁴ Любопытно, что ранее на основании некоторых наблюдений сравнительно-статистического характера уже высказывалось предположение о том, что знак 27 обозначает на письме один лишь гласный звук, а 07 и 12 не могут быть знаками для «чистых гласных».



3 * Рис. 17. Карта Крита II тыс. до н. э.

мым согласным⁵, но, вполне возможно, с совершенно иным гласным. Во-вторых, как уже отмечалось выше, несомненные топонимы текста диска в зависимости от того, связаны ли они непосредственно с предшествующими им именами правителей или сопровождаются еще одним словом поясняющего характера, с четкой закономерностью меняют свое окончание и соответственно конечный слоговой знак: 35 — в первом случае, 12 — во втором (ср. B2 и A6, A9 и A25). Поэтому знак 12, так же как и отличающийся от него при чтении, надо полагать, лишь гласным знак 35, правильнее будет предварительно транскрибировать не полностью: S., а минойское произношение топонимов 24-40-12/35, 27-45-07-12/35, 31-26-12/35 точнее восстанавливать пока как KO-NO-S., A-MI-NI-S., TU-RI-S..

Используя полученные фонетические значения девяти слоговых знаков, удастся прочесть практически целиком наиболее часто встречающееся в тексте диска имя 02 (детерминатив) — 12-31-26* = S.-TU-RI* (A16, A19, A22). Три других имени минойских правителей Крита реконструируются в весьма значительной степени: 02-12-27-27-35-37-21 = S.-A-A-S.-?-?* (A17 и A29), 02-12-22-40-07 = S.-?-NO-NI (B1), 02-26-36-40 = RI-?-NO (B11). Почти полностью читается слово 07-24-40-35 = NI-KO-NO-S. (B10), представляющее собой уже известный нам топоним — минойское название Кносса, но с добавлением префикса NI-. Представляет большой интерес наличие в нескольких словах корня MI-N(I), созвучного основе донесенного до нас греческой традицией «главного» минойского личного имени или титула — Минос. Он фигурирует как в «чистом» виде, так и с добавлением префиксов: 45-07 = MI-NI (B30), 07-45-07* = NI-MI-NI* (B24), 29-45-07* = ?-MI-NI* (A3, B20). Вероятно, от этого же корня образован с помощью префикса и суффикса топоним 27-45-07-12/35 = A-MI-NI-S. (A6 и B2).

Что касается дальнейших путей дешифровки текста Фестского диска, то можно попробовать отождествить некоторые из несомненных и предполагаемых топонимов,

⁵ Этот согласный является суффиксальным элементом -s(s)- анатолийского происхождения.

⁶ При чтении сочетание 27-27 = A-A давало, вероятно, долгий гласный звук. Исследователи письменности Фестского диска давно отмечали возможность такого результата удвоения слоговых знаков, обозначающих один лишь гласный звук. Точка в слогах типа S., N. и т. д. обозначает неустановленный звук.

содержащих один или два определенных знака. Например, слово 29-36-07-08* (B18), где 07=NI, заманчиво сравнить с KU-DO-NI-IA памятников линейного письма Б (греч. Κῶδωνια), имея в виду сходный минойский топоним, связанный с наименованием древнего критского племени Κῶδωνες, упоминаемого античными авторами. Это дало бы значения еще двух знаков (29=KU, 36=DO) и полное чтение имени 02-26-36-40=RI-DO-NO (B11). Слово 22-29-36-07-08*=?-KU-DO-NI-? (B21 и B26) тогда следовало бы признать грамматической формой, сходной с 07-24-40-35=NI-KO-NO-S. (B10) по ее образованию от топонима путем прибавления префикса (см. выше), а целиком транскрибируемое слово 29-45-07* (A3 и B20) стало бы звучать как KU-MI-NI* (где KU- — префикс).

Еще привлекательнее выглядит мысль попытаться отыскать среди топонимов в тексте диска минойское наименование города Феста, передаваемое в линейном Б в форме PA-I-TO. Единственный подходящий топоним, состоящий из трех знаков, не встречающихся среди уже определенных нами, обнаруживается в тексте на лицевой стороне диска: 10-03-38=PA-I-T. (A28 и A31). Гласный в последнем слоге, восходящий в транскрипции линейного письма Б к греческому окончанию, здесь, так же как и в рассмотренных выше случаях с окончаниями топонимов на S. (A2, A6, A9, A25, B2), не может быть пока определен точно по аналогичным причинам. Остается лишь предполагать, что этот гласный одинаков в слогах, передаваемых знаками 12 и 38, так как оба они содержат окончания, свойственные топонимам, сопровождаемым вторым поясняющим словом (ср. A2—A3, A6—A7, A24—A25, A27—A28, A30—A31).

Пополнение репертуара прочтенных знаков (10=PA, 03=I, 38=T.) позволяет предложить еще одно отождествление топонимов текста диска и надписей линейного письма Б: 27-25-38-01=A-?-T.-?=A-PA-TA-WA' (B12). То, что нам уже известен один знак со значением PA (10),

⁷ Догреческое происхождение данного топонима отмечалось исследователями. Заметим, что слово A-PA-TA-WA с точки зрения формальной напоминает хаттскую глагольную форму (a-pat-a-wa, где a- — префикс, pat — корень, -a- и wa- — суффиксы). Впрочем, если бы оба первых слога оказались префиксами, пришлось бы вспомнить об анатолийской основе *taw* со значением «великий, сильный, мощный». Однако, судя по всему, в обоих отмечаемых в тексте диска случаях (ср. B12 с A14=A20) слог 25=PA, идущий следом за префиксом a-, принадлежит корню.

не может служить препятствием для такого отождествления, поскольку знаки 10 и 25 должны, по-видимому, передавать в сочетании с гласным *a* разные согласные звуки ($p_1 = \varphi$ и $p_2 = \lambda$), которые по-разному передаются в позднейшем греческом написании:

A28 и A31. 10-03-38 = $P_1A-I-TA/T$. = Φαιστός

B12. 27-25-38-01 = $A-P_2A-TA-WA$ = Ἀπταρχα.

В точности определения гласного конечного слога (знак 01) в слове B12 имеются, правда, большие сомнения, так как нет никакой уверенности в том, что линейное письмо Б сохраняет здесь минойскую транскрипцию, хотя, с другой стороны, такая возможность и не исключается полностью. Поэтому точнее будет транскрибировать слово B12 предварительно как $A-P_2A-TA-W$.

Принятие предположенного чтения 27-25-38-01 = $A-P_2A-TA-W$. влечет за собой положительное решение вопроса о гласном в слоге, обозначаемом знаком 12, который, как указывалось выше, должен быть тождественным гласному слога, изображаемого на письме знаком 38: если 38 = TA , то 12 = SA . Кроме того, это позволяет уяснить принцип расположения топонимов в списке правителей, составляющем основу текста Фестского диска.

Общий порядок перечисления критских городов реконструируется следующим образом. На первом месте находится Кносс. Потом следуют его ближайшие соседи, вероятно наиболее тесно связанные с ним, Амнис (согласно критской исторической традиции, сохраненной Страбоном, Амнис был при царе Миносе гаванью Кносса) и Тилисс. Затем упоминаются неизвестные нам по названиям города Центрального и Восточного Крита (в том числе, наверное, открытые археологами на месте современных Маллии, Палекастро, Гурнии или Закроса). В данной связи нам представляется уже не слишком рискованным сравнение $RA-TO$ линейного письма Б (греч. Λᾱτώ — город на востоке острова) как топонима догреческого происхождения с двусловным топонимом A18 (33-23, где оба знака пока не прочитаны), согласно нашей трактовке текста диска относящимся, вероятнее всего, именно к Восточному Криту (тогда 33 = RA , 23 = TO , а слово B15 читается: 29-33-01 = $KU-RA-W$). Далее идут города Южного Крита, в частности Фест. Замыкают список города Западного Крита Аптара и Кидония, а самым последним стоит сложный, быть может, топоним, включающий слово 45-07 = $MI-NI$ (B30) со значением типа «царское» (поселение?), сопо-

ставимый с Мипноей, располагавшейся у входа в бухту Суда напротив Аптары и неподалеку от Кидонии. Этот строгий порядок нарушается лишь при включении в список вторых правителей того или иного города (ср. A5—A7 и B1—B2, A8—A9 и A22—A25, A14—A15 и A19—A21), когда географическая последовательность отступает на задний план перед относительным старшинством по рангу или даже по возрасту (ср. A14—A15 и A19—A21, где упомянуты, видимо, отец и сын). Только три раза однообразие скупого перечисления имен правителей и относящихся к ним топонимов нарушается более пространственными текстовыми вставками, и следом за именами стоят достаточно большие группы слов — от пяти до десяти, включая топонимы (B4—B10, B12—B16, B18—B27). Эти отступления могут содержать в себе какие-то дополнительные перечисления или описания действий, связанные подчас с ранее упоминавшимися топонимами (ср. образованные с помощью префиксов: B10. 07-24-40-35=NI-KO-NO-S. от A2. 24-40-12=KO-NO-SA, а также B21=B26. 22-29-36-07-08* от B18. 29-36-07-08*=KU-DO-NI-?).

Самое популярное из имен правителей в тексте диска транскрибируется теперь в окончательном варианте: 02-12-31-26*=SA-TU-RI* (A16, A19, A22). С этим именем, а также с топонимом 31-26-12/35=TU-RI-SA/S. (A9, A25) можно сравнить догреческий корень *tur*, вошедший, в частности, в этрусское слово *turan* (владычица) и в эгейское слово *τῦραννος* (владыка)⁸. Очень близко ему по звучанию греческое имя собственное (и нарицательное) Σάτυρος (по-гречески оно произносилось: Сатюрос, по-русски же обычно передается в форме: Сатир). Кстати сказать, персонаж с таким именем фигурирует в мифологической традиции, отражающей древнейшую историю Пелопоннеса: местный царь Аргос (правитель области Арголиды) победил в незапамятные времена некоего Сатира, притеснявшего жителей соседней Аркадии. Любопытно, что Аргосу приписывалась одновременно и победа над быком, опустошавшим ту же Аркадию и представлявшим собой явную аналогию критскому быку, с которым сражались Геракл и Тесей.

Бык, судя по его изображениям на произведениях микенского искусства и другим археологическим данным,

⁸ Топоним *TU-RI-S.*, образованный, как видно, от данного корня с помощью суффикса относительного прилагательного, должен, таким образом, означать буквально «владыкин».

играл на Крите очень важную роль в религиозных представлениях вообще и в культовых церемониях в частности. По-видимому, он являлся для минойцев, как и для древних египтян, одновременно и воплощением бога, и двойником обожествляемого царя. Для ахейских же греков критский бык был прежде всего олицетворением могущества правителей Кносской державы.

Возникает вопрос, не могут ли оба указанных эпизода легендарной деятельности царя Аргоса быть истолкованы как отзвук реальных исторических событий — сопротивления обитателей Пелопоннесского полуострова экспансии минойского Крита при одном из правителей последнего по имени *SA-TU-R*.⁹ Ведь сюжет борьбы Геракла и Тесея с критским быком, Тесея с Минотавром («быком Миноса»), а аргонавтов с зорким миновым стражем — смертоносным Талосом, согласно одному из вариантов мифа тоже бывшим быком, несомненно, является (с чем согласны многие ученые) отражением последнего этапа военных столкновений ахейской Греции с минойским Критом?

На наш взгляд, ответ на поставленный вопрос должен быть скорее всего положительным.

Глава 8

КОРНИ, ПРЕФИКСЫ, СУФФИКСЫ, ОКОНЧАНИЯ

Отмечавшееся исследователями существование флексий в языке Фестского диска особенно хорошо прослеживается в уже рассмотренных нами случаях с чередованием конечных слогов: 12/35=*SA/S*. (ср. A6 и B2, A9 и A25, A2 и B10). В этой связи уместно вернуться к высказанному нами выше предположению о возможности наличия в конечных слогах различных отчеств, следующих трижды (A17, A20, A23) за одинаковыми именами минойских правителей Крита в тексте диска, падежных окончаний. Примечательно, что два раза отчество-патронимик (с предполагаемым нами соответствующим падежным окончанием) фигурирует в совершенно идентичном написании в качест-

⁹ Античная традиция знает Сатурнию, дочь Миноса. Вероятно, в роду критских царей Миносидов употреблялись и мужская, и женская формы данного имени.

ве уже самостоятельного, обособленно стоящего в общем списке имени (ср. A17 и A29, A20 и A14). Отсюда сам собой напрашивается вывод: поскольку такое совпадение грамматических форм может быть объяснено лишь тем, что данные слова в обоих случаях стоят в одном и том же падеже, личные имена в тексте диска (по крайней мере там, где они составляют абсолютно однородное перечисление, сопровождаемое топонимами, т. е. с A5 по B3) должны оказаться стоящими в родительном падеже, характерном для отчеств¹.

Если же относительно имени кносского владыки, стоящего в надписи диска на первом месте (A1), предположить, что оно в отличие от следующего за ним ряда имен стоит в ином падеже, скорее всего в именительном, то начало надписи 02-SA-?-W.-? KO-NO-SA KU-MI-NI* KU-KU-? (A1 — A4) можно перевести следующим образом: «Такой-то правитель², в Кносе³ царь⁴, благословил? (освятил власть, утвердил в сане, привел к присяге, собрал, призвал и т. д. и т. п.)...». Затем следует перечисление имен и топонимов типа: «...такого-то, правителя Тилисса (A8 — A9)».

Обращает на себя внимание тот факт, что общее число критских топонимов, упоминаемых в тексте диска, равно 12. В данной связи нельзя не вспомнить как о 12 базиликах страны феаков, рассказ о которой в «Одиссее», возможно, действительно отражает исторические реалии минойского Крита (как считал английский исследователь гомеровских поэм У. Лиф), так и в особенности о хорошо известной в Древней Греции крайне архаичной традиции организации политических и религиозных объединений, союзов городов-государств, в форме двенадцатиградий, восходящей к

¹ Для наглядности приведем пример аналогичного явления тождества флексий стоящих в родительном падеже личных имен и сопровождающих их патронимиков из греческого языка: 'Απολλωνίου 'Απολλωνίου — Аполлония, сына Аполлония.

² Здесь и далее везде в переводе слово «правитель» отражает наличие перед личным именем знака-детерминатива 02.

³ Поскольку знак 35=S, в топонимах TU-RI-SA/S. и A-MI-NI-SA/S., несомненно, содержит окончание родительного падежа (ср. A9 и B2 с именем A10, имеющим в родительном падеже то же окончание после аналогичного суффиксального элемента), -a можно признать в них, а следовательно, и в топониме KO-NO-SA, только окончанием местного падежа.

⁴ Перевод слова A3 отчасти условен, так как KU-MI-NI* есть грамматическая форма, образованная от слова MI-NI (царь), и, вероятно, модификация этого титула.

крито-микенской эпохе. В имеющихся письменных источниках античности неоднократно упоминаются следующие эллинские двенадцатиградия: ионийские (сначала в Пелопоннесе, а затем, с XII в. до н. э., в Малой Азии), аттическое, ахейское, эолийское, а также первоначальные 12 городов Дельфийской амфикионии — союза греческих полисов, совместно почитавших и защищавших знаменитый храм с оракулом Аполлона в Дельфах. Причем весьма возможно, традиция союзов-двенадцатиградий пришла в Грецию с Крита именно через Дельфы, ибо в одном из так называемых Гомеровых гимнов — гимне Аполлону Пифийскому — подробно повествуется о том, как основателями дельфийского святилища этого бога и первыми жрецами в нем стали критяне — пришельцы «из града Миносова Кносса». Античным авторам известны двенадцатиградия и у италийских этрусков, культурная зависимость которых от цивилизаций Эгейского бассейна II—I тысячелетий до н. э. несомненна.

Необходимо отметить, что четыре из полученных нами чтений слоговых знаков сопровождаются в тексте Фестского диска значками, напоминающими индийские вирамы. Структура звуковых цепей минойского языка СГСГСГ не позволяет видеть в «вирамах» текста диска знаки, схожие по значению с индийскими вирамами, т. е. указатели того, что гласный конечного слога не читается и слово оканчивается на согласный. Они могли бы обозначать скорее долготу согласного (правда, судя по чтению знаков в происходящем от линейного письма А линейном Б, отражающему фонетические особенности минойского языка, в этом языке одинаковые согласные по долготе не различались) или, что кажется наиболее вероятным, долготу гласного (о долгом *a* в словах текста диска A17=A29 см. выше) в конечном слоге, передаваемом знаком, обычно передающим слог с кратким гласным. Примечательно, что одни и те же знаки употребляются с «вирамами» и без них в конце слов, но только без них — во всех других позициях (ср. особенно знаки 01, 07, 08, 18, 35). Остается, однако, неясным, могло ли таким способом передаваться на письме удлинение любого гласного конечного слога или только одного конкретного. Во всяком случае, имеющие «вирамы» знаки 07=NI и 26=RI обозначают слоги с общим гласным *i*, а два других (01=W. и 35=S.) — с точно не установленным гласным. Конечно, довольно рискованно с уверенностью предсказывать по при-

меру знаков 07 и 26 возможность наличия гласного *i* и в других слогах, начертание которых встречается с «вирамой» (01, 05, 08, 18, 35, 43), но исключать ее никак нельзя, и в первую очередь для знаков 01 и 35, поскольку согласные в слогах, передаваемых этими двумя знаками, иные, нежели в слогах *MI* (45), *NI* (07) и *RI* (26). Следовательно, хотя и с соответствующими оговорками, все же можно предполагать, что в непрочтенных пока знаках 05, 08, 18, 43 скрыты чтения слогов, содержащих разные согласные (за исключением *m*, *n*, *g*, *s*, *w*, вошедших в предложенные уже нами чтения знаков: 45=*MI*, 07=*NI*, 26=*RI*, 35=*SI*, 01=*WI*) и общий гласный *i* (т. е. 05=*I*, 08=*I*, 18=*I*, 43=*I*).

Теперь уместно обратить внимание на то, что слово 15-07-13-01-18 (*B8*) есть грамматическая форма, родственная имени царя Кносса — 02-12-13-01-18* (*A1*), образованная от того же корня, правда, с помощью уже не характерного для большинства личных имен текста диска префигирующего элемента 12=*SA*-, а префикса 07=*NI*- (ср. прибавление в этой же фразе префикса 07=*NI*- к имени города Кносса — *B10*) и добавления еще одного префигирующего элемента, переданного знаком 15 (ср. другие примеры накопления префиксов в словах надписи диска: *A17*=*A29* и *A23*). Слову *B8* предшествует еще одно, однокоренное с ним, а также со словом *A30*, где корень представлен в наиболее чистом виде, и с именами *A1* и *A26* — слово *B7* (13-01-39-33). Можно предположить, что следующие за корнем 13-01 в словах *A1*, *B7* и *B8* слоги 18*, 39 и 18 содержат один и тот же суффиксальный элемент, т. е. имеют общий согласный. Общий корень 23-18, весьма вероятно, имеют и слова 16-23-18-43* (*B6*) и 07-23-18-24 (*B25*) (если 16 — префикс, как и 07=*NI*-). Поэтому наличие общего согласного (как суффиксального элемента) можно с некоторой долей риска предполагать и в слогах 43* и 24. Поскольку знак 24 читается *KO*, а знак 43 снабжен «вирамой» (о вероятной связи «вирам» с гласным *i* см. выше), для знака 43 остается предложить чтение *KI*.

Если в поисках фонетического значения еще одного слогового знака, встречающегося с «вирамой», а именно 08, допустить возможность наличия в данном слоге в первую очередь согласного *d* (т. е. принять, что 08=*DI*), то тогда отрывок текста 02-?-*A-WI KU-DO-NI-DI** *KU-DI*-? *KU-MI-NI** ?-*KU-DO-NI-DI** *A*-?-*TO-P₂A* (*B17*—*B22*)

можно перевести следующим образом: «...такого-то (если и это имя, подобно перечисленным в тексте диска до него, стоит в родительном падеже) правителя Кидонии; кудиев? (кидонов)⁵ царь⁶ возле (вокруг, за и т. п., учитывая префикс — знак 22) Кидонии живущих (поселившихся и т. п.)...». Далее в тексте *NI-I-SI NI-MI-NI* NI-TO-I-KO ?-KU-DO-NI-DI* ?-?-I-NI (B23-B27)* речь идет, следовательно, еще о чем-то, дополняющем приведенные уже данные; в частности, здесь наличествует грамматическая форма, образованная от слов «царь» или «царствовать» (B24), и повторяется (B26=B21) обстоятельство места «возле? (вокруг, за и т. п.) Кидонии». В таком случае слова *02-?-SI-TO-NI KU-?-TO-P₂A-MI-NI (B28—B30)*, из которых второе (*29-34-23-25=KU-?-TO-P₂A*) является однокоренным со словом B22 (*27-34-23-25=A-?-TO-P₂A*), легко осмысливаются как: «...такого-то правителя поселения? (населенного места?) царя⁷»; причем если в словах B22 и B29 знак 34 передает префикс, так же как *27=A* и *29=KU*, то их общий корень *TO-P₂(A)* можно сравнить с позднейшим греческим τόπος — «место, область страна».

Исходя из предложенного понимания той части текста, которая содержит наиболее пространное поясняющее отступление внутри однообразного и сухого перечисления имен и топонимов (B19—B27), есть все основания предполагать аналогичный характер и для двух других подобных, но более кратких текстовых вставок (B6—B10 и B13—B16). Если же топоним *KU-DO-NI-DI** действительно образован от этнонима *KU-DI-?*, то *-n-* в его третьем слоге является суффиксальным элементом. Отметим, что суффиксальный элемент *-n-*, подобно *-s(s)-⁸*, служил, как видно из текста диска, для образования и топонимов (A11, B18 и B21=B26), и личных имен (B1, B11, B28), и иных именных или глагольных форм (B27). Очень важно, что он обнаруживается и во многих словах минойского языка в надписях, сделанных линейным письмом А. Еще один

⁵ Быть может, буквально «...в кудиях? (в кидонах)», если слово B19 стоит в местном падеже.

⁶ О переводе слова *KU-MI-NI** (B20—A3) см. выше, примеч. 4.

⁷ Слова B29—B30 составляют здесь, как и предполагалось выше, сложный топоним, главная часть которого сохранилась и в позднем, греческом варианте данного топонима: Миноя.

⁸ Оба они были выделены исследователями в качестве формантов, характерных для догреческих географических названий Эгеиды.

суффиксальный элемент, встречающийся в догреческих топонимах Эгейского бассейна, *-r/l-*, фигурирует в словах текста Фестского диска (*A5, B7, B16*) и известных к настоящему времени памятников линейного *A*; кроме того, он обнаруживается в суффиксе *-ul-* минойских названий растений, изученных Г. Нойманом.

Как видно из уже рассмотренных примеров, которые можно легко приумножить, для текста диска характерна частая встречаемость различных грамматических форм, образованных от одного корня. Это дает основания предполагать, что общие корни могут быть обнаружены не только в словах, где полностью идентичны содержащие их блоки из двух знаков, но и там, где в подобных, явно корневых, судя по структуре слова, двусложных блоках совпадают лишь первые слоговые знаки, а вторые разнятся между собой (при условии, разумеется, что последние обозначают один и тот же согласный в сочетании с разными гласными). Правда, любые выводы, основанные на таких предположительных сопоставлениях, неизбежно окажутся весьма и весьма гипотетическими. Однако, на наш взгляд, нельзя оставлять неиспользованной ни одну возможность углубить анализ текста Фестского диска. Следует лишь обязательно учитывать тот факт, что если определение согласного в слоге как суффиксального элемента, возможно тождественного при одном и том же корне, производится еще с достаточной степенью вероятности (поскольку число таких возможных суффиксальных элементов весьма ограничено), то при допущении тождественности корней по их идентичному начальному слогу ее вероятность оказывается гораздо меньше и потому требует по возможности подкрепления другими данными и наблюдениями иного характера, и в первую очередь тем, подходит ли получающийся смысл слова к соответствующему контексту или нет.

В словах *B22* и *B29*, как уже отмечалось, корень — $23-25=TO-P_2(A)$. Если же сопоставлять его с корнем $23-18=TO-I$, присутствующим в словах $A14=A20$ ($02-27-25-10-23-18=A-P_2A-P_1A-TO-I$, видимо, сложное слово), *B6* ($16-23-18-43*=?-TO-I-KI^*$) и *B25* ($07-23-18-24=NI-TO-I-KO^*$), то согласные во вторых слогах данных корневых

⁹ Вытекающий отсюда возможный смысл слова *B25*, как происходящего от корня со значением типа «селиться» или «поселенное место», без труда вписывается в предложенный нами выше перевод соответствующего места надписи диска (*B17—B27*).

блоков должны совпасть, а так как $25 = P_2A$, то $18 = P_2$. Или, точнее, с учетом возможности наличия при нем «вирамы» (см. выше) $18 = P_2I$. Такое определение согласного в слого, передаваемом знаком 18, хорошо согласуется с полученными ранее чтениями знаков, исходя из которых этот согласный не может быть *d*, *k*, *m*, *n*, *r*, *s* или *w*. Поскольку согласный в слогах, записанных знаками 18 и 39, скорее всего, общий (как было установлено выше при сравнении слов *A1* и *B8* с *B7*) и теперь определен, $39 = P_2$.

В слове 06-18-17-19 (*A24*) 06, вероятно, префикс, судя по другим случаям, когда он, по всей видимости, стоит перед корнем (ср. *B16* и *B28*). Тогда корень здесь заключен в знаках $18-17 = P_2I$ -. С того же знака 18 начинается и без труда выделяемый корень в слове $07-18-35 = NI-P_2I-SI^{10}$, (*B23*), где $07 = NI$ - — префикс. И если допустить тождество обоих корней, то следует отождествить и согласные в слогах, переданных знаками 17 и 35, т. е. знак 17 должен читаться *S*., или даже *SO*, принимая во внимание то, что в слове *A24*, возможно, присутствует тот же самый суффикс *-on*-, что и во многих других словах текста диска¹¹. Аналогичным образом можно предположить и наличие в словах $13-01-39-33 = ?-WI-P_2-RA$ (*B7*) и $06-35-32-39-33 = ?-SI$?-*P_2-RA* (*B16*) суффикса *-or*-, имеющегося, например, в слове $02-12-04-40-33 = SA$?-*NO-RA*, (*A5*), что дало бы полное чтение знака 39: P_2O .

Сравним теперь личное имя $02-12-41-19-35 = SA$?-?-*SI* (*A10*) и относящийся к нему топоним $01-41-40-07 = WI$?-*NO-NI* (*A11*). Если в корневых блоках этих слов 41-19 и 41-40 содержится общий корень, то знак 19 должен передавать слог с тем же согласным, что и знак $40 = NO$, т. е. $19 = N$. Тогда в слове 06-18-17-19 (*A24*) конечный слог читается соответственно *N*. По аналогии с постоянным чередованием в окончаниях личных имен, топонимов и сопровождающих их вторых слов в тексте диска гласных *a* и *i* после согласных *p*, *r*, *s* (ср. чередование конечных

¹⁰ Третьим словом, имеющим тот же корень, весьма вероятно, является личное имя $02-12-06-18$?- SA ?- P_2I (?) (*A8*) (если и $12 = SA$, и 06 — префиксы), последний слог которого, утраченный в надписи, может быть восстановлен, скорее всего, как $35 = SI$ (в этом слоге *-s* — от корня, а *-i* — по аналогии с другими окончаниями родительного падежа личных имен и топонимов — ср. *A9*, *A10*, *B2*).

¹¹ Ср. слова $01-41-40-07 = WI$?-*NO-NI* (*A11*), $02-12-22-40-07 = SA$?-*NO-NI* (*B1*), $02-26-36-40 = RI$ -*DO-NO* (*B11*), $29-36-07-08^* = KU$ -*DO-NI-DI** (*B18*), $02-06-35-23-07 = ?-SI$ -*TO-NI* (*B28*),

слогов $-P_2A/-P_2I$, $-RA/-RI$, $-SA/-SI$) возьмем на себя смелость предположить возможность такого чередования и после согласного n . Поскольку в указанных позициях слог NI нами уже обнаружен (ср. $A14$, $B1$, $B28$, $B30$), то для знака 19 остается предложить чтение NA . Если же отмеченное чередование окончаний допустить и для слогов с согласным t , то из сравнения личных имен $02-12-32-23-38=SA-?-TO-TA$ ($A12$) и $02-37-23-05*=?-TO-I^*$ ($B3$), можно вывести чтение знака 05 как TI .

Сравнение слов $06-35-32-39-33=?-SI-?-P_2O-RA$ ($B16$), и $02-06-35-23-07=?-SI-TO-NI$ ($B28$), имеющих общий префикс 06, позволяет предложить сопоставление их корней: $35-32=SI-?$ ¹² и $35-23=SI-T(O)$. Отсюда следует, что слоговые значения знаков 32 и 23, возможно, содержат одинаковый согласный, т. е. $32=T$. А так как знаки, обозначающие слоги с согласным t и гласными a , i , o , u ($38=TA$, $05=TI$, $23=TO$, $31=TU$), нами уже определены, для знака 32 допустимо предполагать чтение TE , ибо только еще один гласный — e — имелся в минойском языке, судя по памятникам линейного письма А.

В выявленном ранее этнониме $KU-DI-?$ ($B19$), хорошо подошедшем к соответствующему контексту, неясен конечный слог, и в частности заключающийся в нем суффиксальный элемент. О чередовании конечных слогов в формах родительного и местного падежей текста диска мы уже говорили. Изредка здесь встречается окончание $-o$ (ср. $A18$, $B11$), и постоянно чередуются $-a$ и $-i$. В словах же с корнем tor и суффиксальным элементом $-k-$ выше отмечены ($B6$ и $B25$) лишь случаи чередования окончаний $-o$ и $-i$ (ср. $?-TO-P_2I-KI^*$ и $NI-TO-P_2I-KO$), в то время как в словах с этим же корнем, но без суффиксального элемента $-k-$ ($A14=A20$, $B22$, $B29$) чередуются обычным образом окончания $-a$ и $-i$ (ср. $A-P_2A-P_1A-TO-P_2I$, $A-?-TO-P_2A$, $KU-?-TO-P_2A$). Поэтому нетрудно прогнозировать возможность наличия в первой комбинации (или аналогичной ей, т. е. с другим корнем) после суффиксального элемента $-k-$ в конечном слог и окончания $-a$. Возникает вопрос: не этот ли конечный слог скрыт за знаком 13 в слове $B19$? Если бы знак 13 имел фонетическое значение KA , данное слово полностью читалось бы как $KU-DI-KA$. По-

¹² В слове $B16$ группа 39-33 является суффиксальной, ибо она, бесспорно, играет роль таковой в слове $13-01-39-33$ ($B7$), где корневой блок легко выделяется при сравнении с явно однокоренными словами $A1$, $A26$, $A30$ и $B8$.

скольку этноним *B19* восстанавливается в переводе соответствующего места надписи (*B17 — B22*) во множественном числе (см. выше), суффиксальному элементу *-k* (как здесь, так и в словах *B6* и *B25*) остается приписать функцию показателя множественного числа.

Принятие для знака 13 чтения *KA* позволило бы констатировать наличие в личных именах *SA-KA-WI-P₂I** (*A1*) и *SA-KA-WI* (*A26*), а также в словах *KA-WI* (*A30*), *KA-WI-P₂O-RA* (*B7*) и *?-NI-KA-WI-P₂I* (*B8*) общего корня *kaw* со значением, вероятно, типа «провидеть, провидец, прорицатель, жрец», и т. п.¹³ Таким образом, выяснилось бы, что имена двух правителей Феста (*A26* и *A29*) сопровождаются в тексте диска разными поясняющими словами: *TO-NA-SI* (*A27*) и *KA-WI* (*A30*). И если *KA-WI* — родительный падеж слова «прорицатель» (или «жрец»), то слово *TO-NA-SI* является формой родительного падежа какого-то иного термина, видимо, уже не религиозно-культового, а политико-административного характера (следовательно, и слова *A7*, *A24* и *B4*, аналогичным образом сочетающиеся с именем правителя в родительном падеже и топонимом в местном падеже, по типу *A29 — A31*: «...такого-то правителя, прорицателя в Фесте...», — также представляют собой наименования того или иного сана). В данной связи было бы, вероятно, уместно вспомнить о хорошо известном по историческим преданиям ахейского времени, сохранным античными авторами, факте соправления в пелопоннесском Аргосе второй половины II тысячелетия до н. э. династий легитимных владык и прославленных прорицателей. Весьма возможно, что второй правитель Феста (*A29*) с титулом «прорицатель» являлся хозяином малого фестского дворца — так пазываемой «Царской виллы» в Агия-Трипаде, а первый правитель (*A26*), по имени Сакави (форма родительного падежа), имел постоянную резиденцию в большом дворце на городском акрополе, и тогда сохранившийся экземпляр диска принадлежал именно ему.

¹³ На его анатолийское происхождение и этимологию указал Л. А. Гиндин. Этот корень присутствует, например, в догреческом топониме Крита — *Ka'ivos* — и во втором из двух слов, составляющих минойскую надпись на серебряной чаше из Рас-Шамра (древний финикийский город Угарит, в котором имелась колония минойцев): *ro-da-ka-wa*.

НАДПИСЬ НА СЕКРЕ

Ограниченность числа силлабограмм, использованных при записи на диске небольшого по объему текста, и сама его краткость, конечно же, уменьшают эффективность применения комбинаторного метода исследования для получения фонетических значений остальных слоговых знаков. В надписи на Фестском диске насчитывается 45 различных знаков. Из них только один (02) является, несомненно, детерминативом, а все или почти все остальные имеют слоговое значение. В процессе дешифровки текста диска нам удалось получить достаточно обоснованные чтения слогов¹, в которых встречаются 10 согласных (*d, k, m, n, p₁, p₂, r, s, t, w*) и 4 гласных (*a, i, o, u*). Наличие еще, как минимум, трех согласных (*j, q, z*) и одного гласного (*e*) в минойском языке надписи диска нетрудно предположить на основании принятого чтения части знаков линейного письма А. Поэтому общее число силлабограмм в *минойском иератическом силлабарии* — письменности Фестского диска², передающей в связи с особенностями фонетической структуры СГСГСГ минойского языка только слоги, состоящие из согласного и гласного или одного гласного, — могло достигать 70.

Пополнить репертуар известных нам знаков минойского иератического письма можно лишь с помощью других родственных эпиграфических памятников. Таких памятников известно в настоящее время всего два³. Мы уже упоминали о них выше. Первый из них не дает нам ничего нового, так как представляет собой оттиск на глине одно-го-едиственного знака, полностью тождественного знаку

¹ Это те слоговые чтения, которые получены на билингвистическом этапе дешифровки в результате отождествления топонимов минойского Крита.

² Определение иератический (от греческого «иератикос» — священный, обрядовый, культовый, жреческий) по отношению к письменности означает: связанный преимущественно с текстами сакрального характера. Именно такой представляется нам письменность Фестского диска.

³ Еще один памятник, иногда упоминаемый исследователями в связи с Фестским диском, — открытая и изданная французским археологом Ф. Шапутье небольшая надпись на жертвеннике из Малии в действительности выполнена обычным критским иероглифическим письмом.

21 Фестского диска. Вторым является надпись на бронзовой двусторонней votивной секире из святилища в пещере Аркалохори, датируемой рубежом среднеминойского III и позднемийского I периодов (первая половина XVI в. до н. э.). Возможно, по времени изготовления она предельно близка Фестскому диску (условно — около 1600 г. до н. э., шире и вернее — вторая половина XVII в. или начало XVI в. до н. э.).

Надпись состоит из трех слов, написанных вертикально и заключенных в вытянутые прямоугольные ячейки (подобно словам надписи на Фестском диске), образованные вертикальными параллельными линиями, покрывающими всю поверхность секиры, и трехлинейными ободками, идущими по верхнему и нижнему краям предмета (рис. 18). Как уже говорилось выше (см. гл. 7), надпись содержит знаки двух силлабариев — письменности Фестского диска и линейного А. Это служит важным подтверждением того, что оба они предназначались для передачи на письме одного и того же языка — минойского. Однако совершенно недостаточно ограничиться лишь констатацией данного факта. Необходимо развить и подробно обосновать этот тезис, детально выяснив принадлежность каждого из знаков в надписи на секире к той или иной системе письма. Это позволит не только конкретизировать надлежащим образом высказанное общее положение о смешанном характере данной надписи, но и проверить возможность присутствия здесь еще неизвестных нам знаков минойского иератического силлабария.

Принцип, который может быть предложен для выявления последних в смешанной надписи на секире, довольно прост: если среди слоговых знаков данной надписи некоторые не находят себе достаточно близкого соответствия ни в линейном А (репертуар силлабограмм которого представлен в открытых к настоящему времени текстах едва ли не с исчерпывающей полнотой), ни на Фестском диске, то в них с большой долей вероятности можно предполагать знаки минойского иератического силлабария, не встретившиеся в тексте диска по причине его относительной краткости.

При этом сразу же оговоримся, что ни один из знаков надписи на секире не имеет аналогий в критской иероглифике — предшественнице линейного письма А, дожившей, однако, почти до конца среднеминойского периода. Иероглифическое письмо, весьма возможно, вышло из употре-

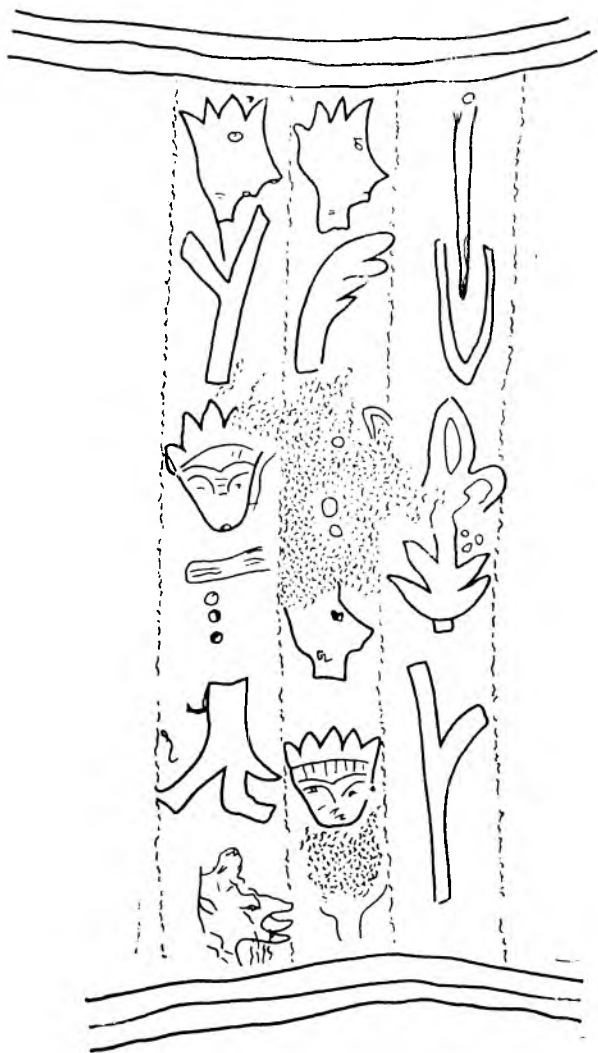


Рис. 18. Надпись на секире из Аркалохори

бления на Крите как раз вследствие того, что его в качестве особого декоративного шрифта для минойских текстов сакрального и иного торжественного характера сменила специально введенная письменность Фестского диска. О принципиальном значении этой смены свидетельствует полная, насколько можно проследить, независимость чтений знаков минойского иератического силлабария от чтений внешне сходных с ними (т. е. фактически родственных им по происхождению от общего изобразительного прототипа, взятого из того же самого окружающего критянина бронзового века реального мира) слоговых знаков критской иероглифики и линейного А⁴.

Можно допустить, что направление написания и чтения текста справа налево было принято в минойском иератическом силлабарии, как специально выработанным декоративным шрифтом (в вытесненной им критской иероглифике преобладало обратное направление — слева направо, закрепившееся в линейном А), под влиянием египетской иероглифики — наилучшего в отношении каллиграфических возможностей письма того времени. Египетские иероглифические надписи были известны на Крите задолго до создания письменности Фестского диска. Так, к среднеминойскому IIb периоду относится, к примеру, статуя сановника-египтянина — вероятно, посла фараона на Крит, с подобными надписями, датируемая по стилю более ранним временем, — посвященная в дворцовое святилище Кносса. Установление регулярных дипломатических отношений критских династов с могущественными правителями Египта способствовало, естественно, появлению среди критян людей, достаточно хорошо знакомых с письменностью страны пирамид.

Прежде чем приступить к подробному рассмотрению отдельных знаков надписи на секире, необходимо также отметить, что знаки письменности Фестского диска предстают перед нами здесь в варианте, значительно более упрощенном по сравнению с их «парадным», каллиграфическим начертанием на самом диске. По-видимому, имело

⁴ Можно сравнить, например, следующие знаки письменности Фестского диска и линейного А: 31=*TU* и 98=*ku*, 35=*SI* и 92=*te*, 45=*MI* и 58=*ra*₂, 12=*SA* и 91=*qe*. Все же известные нам к настоящему моменту одинаковые слоги, общим числом 26, которые читаются в памятниках и той, и другой письменности, обозначаются на письме знаками, между собою абсолютно не схожими.

место изготовление не одного, а сразу не менее чем 12—16¹ полностью идентичных дисков. Именно поэтому был применен особый способ — штамповка надписи из отдельных знаков, предварительно тщательнейшим образом выгравированных на специальных индивидуальных матрицах.

Как произведение минойского искусства, Фестский диск занимает особое место в кругу памятников художественной культуры эгейского мира. Это объясняется его на редкость многообразным характером. Он, во-первых, представляет собой оригинальное произведение художественной керамики; во-вторых, является прекрасным образцом искусства каллиграфии; в-третьих, до сих пор остается первым известным примером «художественно-полиграфического», связанного с настоящим тиражированием выполнения значительного по объему текста, так как здесь надписи оттискивались с помощью специального набора матриц; и, наконец, в-четвертых, дает богатый дополнительный материал для изучения критской глиптики (искусства миниатюрной резьбы каменных печатей), ибо сами штампели-матрицы, оттиски которых составляют декоративное оформление памятника, были, судя по тонкости рисунка выгравированных на них знаков, вероятно, из твердого камня.

Надпись на диске прекрасно скомпонована. Вероятно, расположение знаков было намечено мастером сначала на двух (для разных сторон) образцах из сырой глины, с которых потом было перенесено на диски, подлежавшие обжигу. При компоновке надписи использован традиционный для критского искусства мотив спирали, великолепно сочетающийся с круглой формой диска. Спиральная лента надписи размещена на поверхности несущего ее предмета достаточно свободно (строки не «слипаются», читаются ясно и легко) и в то же время компактно. Законченность и четкость форм отдельных знаков придает составленной из них надписи изысканно орнаментальный характер. На секире трактовка знаков намного более свободна и графична, что связано и с иной, нежели на диске, техникой нанесения знаков на другой материал (гравировка по металлу).

¹ По числу городов минойского Крита, правители которых перечислены в тексте диска, или по числу самих этих правителей (в надписи фигурирует 12 различных топонимов и 16 имен правящих династов и парадинастов соправителей).

Нумерация знаков данной надписи, которой мы будем придерживаться, основывается на сочетании римской цифры, обозначающей порядок слов слева направо, и арабской цифры, обозначающей место, на котором стоит тот или иной знак в слове при отсчете сверху вниз.

Первое слово состоит из шести знаков. Знак I,1 («голова с петушиным гребнем») соответствует знаку 02 Фестского диска, являющемуся детерминативом со значением «правитель». Знак I,2 («развила, повернутая влево») соответствует знаку 19 Фестского диска, для которого нами было предложено чтение *NA* (оно, правда, принадлежит к числу наиболее гипотетических). Знак I,3 («голова в зубчатом венце в фас») изображает, несомненно, голову человека или антропоморфного божества, но никак не животного, и потому не представляется возможным сравнивать его (как это делают Дж. Пульезе-Каррателли и Н. Буфидис) со знаком 95 линейного письма А, восходящим к фасовому изображению звериной головы (непосредственный прототип последнего обнаруживается в критской иероглифике). Не находя аналогий данному знаку в линейном А, мы можем предполагать его принадлежность к минойскому иератическому силлабарию и присоединить его к 45 известным знакам письменности Фестского диска под условным номером 46. Знак I,4 («горизонтальная черта с тремя точками, вертикально расположенными под ней») может быть сопоставлен со знаком 26 линейного А⁶, который по аналогии с происходящим от него знаком 06 линейного письма Б читается как *na* (сторонниками отождествления их являются, например, Дж. Пульезе-Каррателли и С. Дэвис). Знак I,5 («орлиная лапа»), на наш взгляд, очень напоминает знак 64 линейного А, от которого происходит знак 50=*pi* линейного письма Б. Знак I,6 («голова кабана») не похож ни на один из знаков линейного А. Он повернут вправо, подобно всем другим изображающим одушевленные предметы или их детали знакам письменности Фестского диска, к которой мы его относим, присваивая ему условный номер 47.

Второе слово состоит также из шести знаков. Знак II,1 идентичен знаку I,1. Знак II,2 («львиная лапа»), повернутый вправо, не имеет аналогий в линейном А и может быть отнесен к минойскому иератическому силлабарию

⁶ Совершенно аналогичное начертание знака 26 с тремя точками под чертой встречено в надписях линейного А неоднократно.

под условным номером 48. Знак II,3 сохранился очень плохо. Несмотря на это, С. Маринатос и Н. Буфидис, работавшие непосредственно с памятником, считали возможным отождествить его со знаком I,4. Знак II,4 («человеческая голова, повернутая вправо») заметно отличается от знаков I,1 и II,1. Его верхняя часть повреждена, и это не позволяет установить с полной уверенностью, имела она украшение в виде зубчатого гребня или нет. Однако второе представляется намного вероятнее не только по иконографическим соображениям, но и потому, что знак в данном случае стоит в середине слова и, следовательно, должен быть слоговым, а никак не детерминативом. Таким образом, знак II,4, скорее всего, соответствует знаку 03 Фестского диска, для которого предложено фонетическое значение *I*. Знак II,5 идентичен знаку I,3. Знак II,6 («куст») сильно поврежден. Исходя же из его прорисовки в публикации С. Маринатоса, в нем можно видеть аналогию знаку 36 Фестского диска, для которого предложено фонетическое значение *DO*.

Третье слово состоит из трех знаков. Знак III,1 («стрела»), принимая во внимание его положение в начале слова, вполне может оказаться детерминативом (на votивном предмете после имени и патронимика посвяtitеля это должен быть, скорее всего, детерминатив, обозначающий адресата посвящения, т. е. понятие «божество»). Но настаивать на этом было бы, разумеется, чересчур неосторожно, и мы лишь относим данный знак, как не имеющий аналогий в линейном А, к минойскому иератическому силлабарии под условным номером 49. Знак III,2 («растение») не находит себе достаточно близких соответствий в линейном письме А и потому может претендовать на отнесение к письменности Фестского диска под условным номером 50. Знак III,3 («развилка, повернутая вправо») соответствует знаку 30 линейного А, от которого происходит знак 01=*da* линейного письма Б.

Итак, произведенный эпиграфический анализ надписи позволяет получить дополнение из четырех силлабограмм и одного детерминатива (или пяти силлабограмм) к репертуару знаков минойского иератического письма (рис. 19).

Выполнить надпись на секире было задумано, несомненно, знаками минойского иератического силлабария. Каждый раз слово начинали писать именно с них. Знаки линейного А здесь в явном меньшинстве и к тому же всегда вкраплены в середину или конец слова. Порядок же

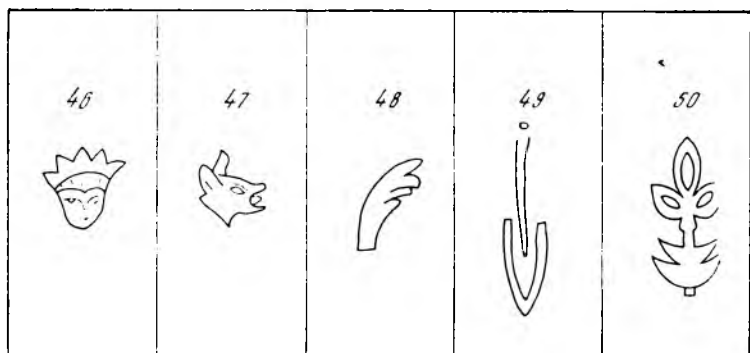


Рис. 19. Дополнение к репертуару знаков мифического иератического силлабария

слов таков, как и в линейном письме А: они следуют слева направо (подробнее об этом мы скажем ниже). Смешение знаков двух наборов силлабограмм и особенно неполная подмена одного знака другим, имеющим то же самое фонетическое значение (ср., скорее всего, одинаковое чтение знаков I,2 и I,4=II,3), может говорить о том, что, хотя резчик надписи и был знаком с мифойским иератическим силлабарием, линейное письмо А, широко употреблявшееся в повседневном быту, и в первую очередь для хозяйственных нужд, было для него куда привычнее. Если направление чтения надписей линейного А и письменности Фестского диска при их горизонтальном положении было противоположным, при вертикальном расположении знаков одного за другим оно становилось одинаковым, и это обстоятельство увеличивало возможность подобного неумышленного механического смешения однозначных силлабограмм.

В принятом цифровом обозначении (римские цифры обозначают порядковый номер слов, арабские цифры в сочетании с буквенными сокращениями ФД и ЛА указывают на номер знака в твердой нумерации знаков письменности Фестского диска и линейного А) рассматриваемая надпись может быть теперь передана таким образом:

I. 02 ФД — 19 ФД — 46 ФД — 26 ЛА(?) — 64 ЛА — 47 ФД

II. 02 ФД — 48 ФД — 26 ЛА(?) — 03 ФД — 46 ФД — 39 ФД(?)

III. 49 ФД — 50 ФД — 30 ЛА

Если же подставить на место знаков линейного письма А их фонетические значения, определенные по аналогии с происходящими от них знаками линейного Б, дешифрованного М. Вентрисом и Дж. Чэдвиком, сохранив цифровое обозначение знаков письменности Фестского диска, то надпись предстанет в следующем виде:

I. 02-19-46-*na*(?)-*pu*-47

II. 02-48-*na*(?)-03-46-36(?)

III. 49-50-*da*

Последующая подстановка полученных нами ранее, в результате комбинаторного анализа текста Фестского диска, чтений знаков 03=*I*, 19=*NA* и 36=*DO* минойского ператического силлабария дает такой результат:

I. 02(детерминатив «правитель»)-*NA*-46-*na*(?)-*pu*-47

II. 02(детерминатив «правитель»)-48-*na*(?)-*I*-46-*DO*(?)

III. 49(детерминатив ??)-50-*da*

В то время как первые два слова надписи, несомненно, представляют собой имя и патронимик посвяtitеля, о третьем слове можно утверждать лишь то, что оно не является ни именем правителя (так как не содержит знака-детерминатива 02), ни одним из двенадцати главных топонимов минойского Крита, известных нам по тексту Фестского диска (т. е. это не есть название города из числа городов критского двенадцатиградия времени изготовления диска).

О том, что в надписи на секире чтение вертикально написанных слов шло именно слева направо, говорит сама компоновка знаков в слова: знаки слов I и II равномерно и аккуратно размещены в отведенном для них пространстве, тогда как знаки слова III расположены несколько беспорядочно. Создается впечатление, будто гравировавший надпись мастер немного растерялся, когда ему пришлось поместить рядом с двумя совпадающими по количеству составляющих их знаков словами точно в таком же по размерам прямоугольном поле третье, вдвое меньшее по длине, слово. Чтобы хоть как-то сохранить композиционное равновесие, художник-гравер увеличил размеры знаков в третьем слове, особенно по вертикали (ср. почти зеркальные по начертанию, но столь различные по высоте знаки I,2 и III,3)⁷. Установленный порядок чтения слов в надписи предполагает нахождение слова II, как патронимика, в родительном падеже. Исходя из полученного нами чте-

⁷ Точно так же, на основании анализа расположения знаков в полях, отведенных для слов, в свое время было определено па-

ния личных имен, топонимов и анеллативов, стоящих в генетиве в тексте Фестского диска, мы можем предполагать наличие в конечном слоге слова II гласного *i*, *a* или *o*. Таким образом, предложенное выше фонетическое значение *DO* в принципе вполне подходит для знака II,6. В свою очередь, окончание слова III на *-a* также вполне подходит для датива-локатива (ср. местный падеж слов A2, A6, A25, A28, A31 и B5 текста Фестского диска), и это подтверждает возможность понимания третьего слова надписи как называющего адресата посвящения.

Глава 10

ВЕЛИКАЯ ДИНАСТИЯ КНОССКИХ ВЛАДЫК

Чтения слов надписи на секире, к сожалению, слишком неполны, чтобы производить их этимологическое исследование. В частности, затруднено выявление в именах правителей (слова I и II) корней, которые можно было бы сопоставить, например, с явно или предположительно догреческими, встречающимися в личных именах кносских табличек линейного Б, как это без особого труда удается сделать при обращении к полученным выше результатам дешифровки текста Фестского диска. Причем такое сопоставление с критскими именами ахейского времени, восходящими к более ранней, минойской эпохе, оказывается весьма обнадеживающим для корней не только личных имен, но и других слов, прочтенных в тексте диска (см. прил. III).

Догреческие корни сочетаются в личных именах табличек линейного Б из Кносса с формантами, известными нам по тексту Фестского диска, а также по надписям линейного А и догреческой топонимии Эгеиды (ср. префиксы *a-*, *ja-*, *wi-*, суффиксы *-a-wa-*, суффиксальные элементы *-d-*, *-k-*, *-m-*, *-n-*, *-r-*, *-s-*, *-t-*¹). Греческими тут являются лишь окончания.

правление чтения надписи на Фестском диске. Правда, твердо установить последовательность чтения частей текста на разных сторонах диска удалось лишь в процессе интерпретации его содержания, после обнаружения на стороне А названия города Кносса, которым открывается перечисление топонимов, сопровождающих имена правителей минойского Крита.

¹ Из них только суффиксальный элемент *-m-* не встречается пока в словах текста Фестского диска, но он надежно засвидетельство-

Из имен надписей на секире только в слове I, если оно сложное, один из корней может быть заключен в блоке из двух прочтенных знаков: I,4-I,5=*na(?)*-*pu*. Родственная форма *Na-pu-ti-jo*, где корень *nar* и суффиксальный элемент *-t-* — минойские, а окончание — греческое, фигурирует в качестве личного имени в одной из кноских табличек линейного Б. В плане решения общей проблемы изучения памятников письменности Фестского диска и минойского языка представляет интерес наличие в другой такой же табличке из Кносса еще одного догреческого личного имени: *A-ka-re-u*. Его можно сравнить с 'Αχαρά (город в долине реки Меандр в Малой Азии, основанный критянином Атимбром, сыном Радаманта), ἄχαρά (догреческое критское слово) 'Αχαράς² или 'Αχαλήτας (город в Ликии), 'Αχάλλη (дочь критского царя Миноса)². Любопытно, что последнее имя, кроме вышеприведенной формы, имеет и иную, более распространенную в трудах античных авторов, с удвоением корневого слога: 'Αχαχάλλις. По-видимому, аналогичное удвоение наблюдается у корня, заключенного в корневом блоке 24-20=ΚΟ-?, в слове 29-24-24-20-35=*KU-KO-KO-?-SI* (B13) надписи Фестского диска. Об этом свидетельствует сравнение слова B13 с однокоренным словом 33-24-20-12=*RA-KO-?-SA* (B5): кроме корня, у них общий суффиксальный элемент *-S-*, префиксы же и падежные окончания различны.

Здесь уместно сказать и о том, что в тех же кноских документах линейного Б упоминаются личные имена *Ta-no*, *Ta-na-to* и *A-ta-no* с минойским корнем *tan*, встречающимися в надписях линейного А в формах *atana-*, *jalana-*, *tanano-*, *tanati-* (ср. также этрусский культовый термин *tanasa-*). Данный минойский корень может быть выявлен и в двух древних критских топонимах: Τάνος и 'Ιτάνος (*U-ta-no* линейного Б). Во втором из них он снабжен префиксом *i-/u-*, явно доиндоевропейским, характерным как для некоторых догреческих имен собственных Эгейского бассейна, так и для языка надписей, выполнен-

ван для минойского языка как надписями линейного А, так и догреческими топонимическими и иными глоссами.

² Во всех этих словах с корнем *kar/l* (в языке минойцев вместо двух звуков *l* и *r* был один, по-видимому средний между ними, условно обозначаемый через *r*) соединен минойский префикс *a-*. В личных именах кноских табличек линейного Б корень *kar* обнаруживается в сочетании и с другими минойскими префиксами (ср. *Ku-ka-ro*, *Sa-ka-ri-jo*), а также без префиксов (ср. *Ka-ro*, *Ka-ri-se-u*).

ных линейным письмом А. На этот минойский префикс следует обратить особое внимание. Дело в том, что среди непрочитанных еще слоговых знаков письменности Фестского диска есть один, а именно 22, который, с одной стороны, судя по его встречаемости исключительно в начальной позиции³, весьма возможно, передает слог, состоящий из одного лишь гласного, а с другой стороны, по крайней мере в одном случае, передает несомненный префикс (ср. слова B18 и B21=B26 текста диска, где данный префикс присоединяется к топониму). Таким образом, можно предложить для знака 22 чтение *U*, чему не препятствуют и полученные фонетические значения чистых гласных для двух других слоговых знаков минойского иератического силлабария: 27=*A* (также весьма употребительный в минойском языке префикс) и 03=*I*. Тогда чтения слов, содержащих знак 22, в тексте Фестского диска могут быть дополнены: 02-12-22-40-07=*SA-U-NO-NI* (B1) — имя второго правителя Амниса; 22-25-27=*U-P₂A-A* (B4) — наименование сана; 22-37-42-25=*U-?-?-P₂A* (B9) и 22-29-36-07-08*=*U-KU-DO-NI-DI** (B21=B26) — топоним с предлогом.

В табличках линейного Б из Кносса содержатся личные имена *Da-wa-no* и *Da-wi*, имеющие общий корень *daw*, по-видимому также минойский, ибо он присутствует, например, в личном имени *Da-we-da* документов линейного А. Указанный корень обнаруживается и в критском топониме линейного Б *Da-wo* (где *-o* — греческое окончание). Сопоставив этот топоним как догреческий по происхождению с одним из неполностью прочтенных топонимов текста Фестского диска, 28-01*=?-*WI** (A15=A21), в котором корень тоже оканчивается на *-w* (если 28-01*=*DA-WI**, то 28=*DA*), можно получить чтение знака 28, причем несколько не противоречащее всем ранее полученным чтениям слоговых знаков минойского иератического силлабария.

Возвращаясь к содержанию надписи на секире, мы должны отметить, что отсутствие в ней топонима после имени правителя может подразумевать его верховное владычество или над всем Критом, хотя бы номинальное, или над той областью, к которой в данное время территориально

³ Ср. слова B4, B9, B21 и B26 текста Фестского диска. В слове B1 он, правда, стоит на втором месте, но в корне данного слова является начальным слогом, так как *SA-* перед ним, бесспорно, префикс.

принадлежало пещерное святилище в Аркалохори. И в том, и в другом случаях это означало бы необходимость признания в посвятителе секиры никого иного, как царя Кносса. А это, в свою очередь, заставило бы включить имена и правителя, посвятившего секиру божеству, и его отца в ту общекритскую династическую традицию, возглавляемую царями Кносса, вывод о наличии которой к концу среднеминойского III периода вытекает из анализа списка имен правителей минойского Крита, содержащегося в тексте Фестского диска и подкрепляемого сведениями легендарно-исторического характера, сохранившимися у античных авторов.

Данные для реконструкции отдельных андронимических (представляющих собой мужские личные имена) элементов этой династической традиции, выражающейся в объединении нескольких имен правителей отдельных частей острова в одну группу вместе с именами владык Кносса, могут быть обнаружены двояким образом: либо когда отмечается повторение одних и тех же личных имен⁴, либо когда отдельные имена правителей связаны с общим топонимом. В последнем случае можно предположить соправление членов одной семьи⁵, представителей различных ветвей одного и того же рода⁶ или династий, хотя и различного происхождения, т. е. восходящих по прямой мужской линии к разным родоначальникам⁷, но связанных друг с

⁴ Обычай наследования потомками имен предков, восходящий к идеологии родового общества, не только имел распространение у многих народов в древности и в средние века, но и сохранился отчасти поныне. Для древнего же Крита, и в частности для рода правителей Кносса, он засвидетельствован в сообщаемых некоторыми античными авторами преданиях о двух Радамантах, живших и действовавших в разное время, и двух Миносах — Старшем и Младшем.

⁵ Вспомним отца и сына — соправителей, упоминаемых в тексте Фестского диска (A14 и A19—A20), а также братьев-соправителей в критских колониях на островах Паросе и Фасосе, соответственно сыновьях и внуках Миноса, о которых говорится в «Мифологической библиотеке» известного мифографа II в. до н. э. Аполлодора.

⁶ Как, например, потомков родных братьев Бианта и Мелампода — в пелопоннесском Аргосе ахейской эпохи, Прокла и Эвристина — в дорийской Спарте.

⁷ Теоретически это можно допустить в Амнисе, Тилиссе и Фесте, парадинасты которых в тексте Фестского диска различаются по наименованию сана, хотя и вполне возможно разделение прерогатив власти между соправителями — членами одной семьи или представителями двух владетельных ветвей одного рода.

другом посредством брачных союзов⁸. К этой династической традиции должны быть причислены следующие имена текста Фестского диска: 1) *SA-TU-RI** (*A16=A19=A22*) (чаще всех других встречающееся в тексте) и, естественно, имена отцов этих трех одноименных правителей, т. е. *SA-A-A-SI-?-?* (*A17*), *A-P₂A-P₂A-TO-P₂I* (*A20*), *SA-A-?-TE-P₂I-A* (*A23*); 2) *A14* и *A29*, тождественные соответственно *A20* и *A17*; 3) *SA-KA-WI* (*A26*), как имя правителя Феста наряду с *A29*; 4) *SA-KA-WI-P₂I** (*A1*), как почти тождественное *A26* (разница между данными близкородственными грамматическими формами заключается лишь в добавлении суффикса); 5) *SA-?-P₂I-SI?* (*A8*), как имя правителя Тилисса наряду с *A22*. Относительно имени Сатур(и) следует заметить, что его популярность в тексте Фестского диска, наверное, не случайна. Недаром оно сохранилось, по-видимому, в греческой традиции в связи с воспоминаниями о происходившей в глубокой древности борьбе пелопоннесских ахейцев с критянами-минойцами (вспомним мифы о подвигах героя Аргоса). Большой популярности данного имени в роду исторических Мипосидов, если использовать это условное наименование для обозначения родовой группы носителей рассматриваемой андронимической традиции времен создания надписей на диске и секире, могла способствовать память о могуществе и славных деяниях его первого носителя, быть может совершавшего успешные морские походы⁹, в том числе и на Пелопоннес. Деятельность такого Сатур(и) «Великого» следовало бы датировать, вероятно, среднеминойским IIIа или даже среднеминойским II периодом, т. е. примерно XVIII — первой трети XVII вв. до н. э. Не исключено также, что это имя в определенный период чаще других имен принималось минойскими правителями Крита по какой-то иной причине традиционно династического характера (данное имя как непосредственно относящееся к роду царей Крита античная традиция знает в форме женского рода: *Saturia* — дочь Миноса).

⁸ Ср. женитьбу тех же Бианта и Мелампода на дочерях Пройта, поделившего с ними царскую власть над Аргосом, что положило начало совместному правлению там сразу трех династий.

⁹ Античные авторы упоминают древнее название местности Σατόριον (лат. *Satureum*) в Южной Италии близ Тарента, колонизованной, согласно традиции, критянами, сопровождавшими царя Миноса в его походе на Сицилию. Оно связано с именем критской царевны Сатурии.

Конечно, нельзя категорически отстаивать несомненную принадлежность всех до единого перечисленных семи имен десяти правителей пяти городов минойского Крита (Кносса, Тилисса, Лато, Феста и *DA-WI**) к указанной династической традиции. Однако само существование ее в том или ином объеме кажется нам в свете всего вышесказанного бесспорным. К тому же возможно, что некоторые другие личные имена текста диска¹⁰ лишь из-за случайного отсутствия данных не могут быть пока связаны с нею. Весьма важным представляется тот факт, что имя кносского владыки входит в нее или, точнее (с учетом его первенствующего положения среди других критских владык времени изготовления Фестского диска), стоит во главе ее. Это может рассматриваться как свидетельство распространения политического влияния Кносса на другие города Крита уже на протяжении какого-то периода, предшествовавшего моменту составления надписи на диске. При осуществлении кносскими царями их экспансионистской политики на раннем этапе, т. е. еще в основном в пределах острова, вероятно, так же как и позднее, практиковалось не только заключение династических браков, но и кое-где утверждение правителями, притом наследственными, младших представителей рода владык Кносса. Античная традиция сообщает примеры и того, и другого (правда, уже для более позднего периода истории Кноссской державы — эпохи наивысшего расцвета и ее морского господства в Эгейском бассейне); причем и вне самого Крита родственные связи местных династов с Миносидами прослеживаются только там, где иным образом тоже отмечается присутствие минойского элемента или его активное влияние. Так античные авторы называют правителя подвластных одно время критским царям Афин зятем Миноса (через дочь последнего Федру, героиню бессмертных трагедий Еврипида — «Ипполит» и Расина — «Федра»). Внучка Миноса, Климена (дочь критского царя Катрея), стала женой владыки острова Эвбея, присутствие на котором критян относили еще ко времени первого употребления боевых медных доспехов. На другой внучке Миноса, Аэропе, дочери Катрея, был женат Атрей, сын Пелопса, носившего минойское

¹⁰ В первую очередь это относится к именам правителей Амниса (A5 и B1), служившего, по сведениям Страбона, во времена царя Миноса гаванью для Кносса, сразу же за которым он следует при перечислении критских городов в тексте Фестского диска.

(по Г. Нойману) имя¹¹, особенно усердно почитавшего, согласно преданию, передаваемому Павсанием, критское божество Афины¹² Кидонийскую и причислявшегося к преемникам правившего прежде в Элиде (области на северо-западе Пелопоннесского полуострова) пришельца с Крита. По сообщениям некоторых древних авторов, сам Минос, основывая критские колонии на островах Средиземного моря, сажал там правителями своих сыновей.

Имена минойских правителей (отца и сына) в надписи на секире из Аркалохори, приблизительно современной тексту Фестского диска, в случае их принадлежности действительно царям Кносса, что весьма вероятно, довольно существенно пополняют группу личных имен, относящихся к возглавляемой родом кноссских владык критской династической традиции.

Предложенная интерпретация этой надписи позволяет предполагать, что имя кноссского царя называют и две другие минойские надписи, сделанные целиком линейным письмом А (совершенно идентичные и состоящие из одного четырехсложного слова), на аналогичных votивных двусторонних секирах, золотой и серебряной, посвященных в то же самое пещерное святилище¹³. Во всяком случае они вряд ли представляют собой адресат посвящения, ибо содержащиеся в них слово совершенно иное, нежели слово III смешанной надписи. Оно читается: *No-da-ma-te*. В нем могут быть выделены префикс *no-* (ср., например, личные имена линейного А с корнем *dar* — *Da-re* и *No-da-re*, а также соответствующие им *Da-ro* и *No-da-ro* кноссских табличек линейного Б)¹⁴, корень *dam*, (ср. критские личные имена линейного Б *Wi-da-ma-ro* и *Wi-da-ma-ta*, где с ним сочетается иной минойский префикс — *wi*¹⁵ и

¹¹ К минойским по происхождению относятся и имена таких популярных персонажей древнегреческой мифологии, как Европа, Пенелопа, Кассиопа (или Кассиопея).

¹² Ср. минойское *A-ta-na*; отсюда происходит и название великого греческого города Афины.

¹³ Надписи еще на двух минойских секирах (обе бронзовые случайные находки происходят из центральной и восточной частей острова), выполненные линейным письмом А и состоящие каждая из одного слова, по всей видимости, содержат тоже личные имена: *Tu-ni* (ср. *Tu-ni-ja*, критский топоним, упоминаемый в табличках линейного Б) и *Da-sa* (ср. *Da-so*, личное имя из табличек линейного Б из Кносса).

¹⁴ С этим же префиксом соединен уже знакомый нам минойский корень *tan* в личном имени *No-ta-ni* линейного А.

¹⁵ Известный нам и по тексту Фестского диска (ср. А11).

суффиксальный элемент *-t-*, часто встречающийся в минойских личных именах (см. выше). На возможную принадлежность царского имени *No-da-ma-te* к кносско-общекритской династической традиции указывает и его родственность имени царя Радаманта (греческое *Ῥαδάμανθυς*, реконструируемое минойское *Ra-da-ma-te*¹⁶, где вместо *no-* перед корнем *dam* стоит другой префикс — *ra-*¹⁷). Радамант, по преданию, первым объединил весь остров под единодержавной властью владык Кносса и составил древнейший на Крите свод законов. Этого Радаманта, законодателя и основателя Кносской державы, античные авторы отличали от мифического сына Европы, пришедшегося братом Миносу, так как согласно традиционной хронологии он жил и действовал намного раньше Миноса. Реальная деятельность его как исторического лица могла бы быть отнесена скорее всего ко времени окончательного оформления единого общекритского государства, т. е. к началу позднеминойского I периода (примерно вторая четверть XVI в. до н. э.).

Очень велика была на Крите живучесть многих минойских традиций: религиозной — там до римского времени, по крайней мере вплоть до III в. н. э., сохранялось почитание все тех же святынь и божеств, жили все те же сакральные мифы; культурно-исторической — у античных авторов имелось довольно ясное представление о могуществе великой критской морской державы, ими признавалось важное значение технических и художественных достижений минойских мастеров; этническо-языковой — исконные обитатели острова, так называемые этеокритяне («истинные критяне»), которым, в частности, принадлежал город Прес со святилищем Зевса Диктейского, еще во времена Гомера и Геродота (т. е. как минимум, до V в. до н. э.) отличали себя от эллинов и говорили на древнем догреческом наречии; административно-правовой — унаследованными дорийскими полисами Крита от минойской эпохи могут считаться такие институты, как критские государственные рабы «мноиты» (наименование которых

¹⁶ Таким образом, весьма возможно, что пеласгский суффикс *-vθ-* скрывается на письме за суффиксальным элементом *-t-* в личном имени *No-da-ma-te* (Нодамант?) на votивных секирах.

¹⁷ Также известный по тексту Фестского диска (в слове B5). Все-го же в словах текста диска удается выявить и прочесть восемь минойских префиксов: *a-*, *ja-* (о возможности его прочтения в знаке 06 будет сказано ниже), *ku-*, *ni-*, *ra-*, *sa-*, *u-*, *wi-*.

связано с именем легендарного Миноса, а точнее с корнем *min*, и обозначает, следовательно, «царские»), основные полисные должностные лица (космы, старейшины-геронты и «всадники»), система воспитания юношества, общественные трапезы и т. д.

Весьма живучей на Крите в ближайшее послеминойское время, а в других частях Греции во второй половине II — первой половине I тысячелетия до н. э. оказалась и кносско-общекритская династическая традиция, рассмотренная нами на более раннем этапе существования. Вполне возможно, что после занятия ахейцами в середине XV в. до н. э. вконец ослабленного гигантской геологической катастрофой Крита царем острова был поставлен один из отпрысков (если не по мужской, то по женской линии) прежней правящей династии. Во всяком случае, в критско-греческих и общеэллинских исторических преданиях кносские цари времен Троянской войны и ближайших к ней (XIII в. до н. э.) Катрей, Девкалион, Идомей суть несомненные потомки древнего Миноса. Престиж старинного минойского происхождения их династии был, как видно, велик. Самые могущественные из ахейских владык — цари «златообильных» Микен стремились породниться с кносскими Миносидами и очень дорожили этим родством. Недаром в песнях аэдов (из которых сложились со временем «Илиада» и «Одиссея» и которые исполнялись во дворцах наследственных правителей-басилеев на острове Лесбос и в малоазийском городе Киме, возводивших свой род к верховному предводителю коалиции ахейских царей при осаде и взятии Трои Агамемнону) прославлялись не только микенский владыка Агамемнон и его брат Менелай (сыновья Атрея и Аэропы, внуки Миноса), но и их царственная родня с Крита — Идомей и Мерион, а особенно общий предок всех этих героев — Минос, удостоенный неслыханной чести быть собеседником самого громовержца Зевса.

Последующие волны переселения греческих племен с материка в целом также достаточно органично наслаивались на Крите на прежний культурный и этнический субстрат и потому изначала минойские традиции, в том числе и династическая, здесь не прерывались. Так, Алтемен — предводитель дорийцев, колонизовавших остров, согласно традиционной хронологии, в XI в. до н. э., носит то же имя, что и известный своей трагической судьбой невольный отцеубийца, сын кносского царя Катрея, внук Миноса.

ПРОВЕРКА И ЕЩЕ РАЗ ПРОВЕРКА

Дальнейшая работа над дешифровкой текста Фестского диска во избежание слишком поспешных выводов и чересчур гипотетических построений, конечно, должна быть обязательно сопряжена со всесторонней критической проверкой уже полученных результатов. Только при этом условии можно будет перейти к определению фонетического значения остальных знаков надписи диска, используя, например, метод статистического сопоставления частоты встречаемости (как общей, так и в отдельных позициях — в начале, середине и конце слов) этих знаков и знаков линейного письма А. Полезно было бы также заняться проведением проверочных сравнений грамматических показателей, прочтенных в тексте диска, с соответствующими грамматическими показателями в минойском языке других критских эпиграфических памятников. В частности, легко сравнить префикс *a-* в некоторых словах текста диска, начиная с топонима *A-MI-NI-SA/SI* (*A6* и *B2*; *A7*, *A14=A20*, *B12*, *B22*), с аналогичным префиксом в словах документов линейного письма А, а также с хаттским префиксом *a-'*; префикс *ku-* надписи диска и табличек линейного А и т. д. Необходимо сравнить и достаточно подробно рассматривавшиеся выше суффиксальные элементы, общие для языка обеих указанных письменностей и догреческих топонимов Эгейского бассейна (можно сравнить, кроме того, суффиксальный элемент *-p-* многих слов диска и некоторых минойских апеллятивов и имен собственных, выявленных Г. Нойманом). Добавим также, что те же окончания генетива *-a*, *-i* и *-o*, которые имеют имена правителей минойского Крита в надписи Фестского диска, характерны и для личных имен начертанных линейным письмом А на критских печатях.

После этого уже с большими основаниями можно было бы, например, попробовать отождествить весьма употребительный минойский префикс *ja-* (в однокоренных словах памятников линейного письма А с ним нередко чередует-

¹ О доиндоевропейской принадлежности данного префигирующего элемента, встречающегося в топонимии Эгеиды, писал еще полвека назад известный немецкий лингвист Пауль Кречмер.

ся префикс *a-*) с одним из несомненных, но не получивших еще прочтения префиксов текста Фестского диска, и в первую очередь с передаваемым знаком 06 (*A8, A24, B16, B28*), ибо очень похоже на то, что префикс 06-? тоже как бы дублирует префикс 27=*A-* (ср. *A8* с *A17* = *A29* и, быть может, *A23*; здесь тот и другой префиксы поочередно следуют за префиксом 12=*SA-*).

Кроме того, комбинаторное сличение лексики текста диска и надписей линейного *A* способно как уточнить или проверить отдельные чтения, так и создать новые возможности для интерпретации памятников и той, и другой письменности. К сравнению должны быть привлечены формы, не только наличествующие в тексте диска и надписях, выполненных линейным письмом *A*, но и реконструируемые по аналогии с ними. Так, например, в координатной сетке, построенной на основании 28 грамматических форм, имеющих в надписи на диске, предположительно восстанавливаются как минимум 176 аналогичных им. Правда, эта задача в максимальной степени затрудняется явным отсутствием среди надписей линейного *A* текстов, хоть в какой-то мере сходных по характеру с надписью Фестского диска, безусловно самым содержательным и интересным в плане историческом из всех сохранившихся памятников письменности Крита II тысячелетия до н. э. Дополнительные трудности создает неполное или весьма гипотетическое для части слогов прочтение большинства слов текста диска. Помимо восьми различных топонимов (*A2* и *B10*, *A6* и *B2*, *A9* и *A25*, *A15*=*A21*, *A18*, *A28*=*A31*, *B12*, *B18*, *B21*=*B26*) и трех личных имен (*A16*=*A19*=*A22*, *B1*, *B11*), нам удалось полностью и с наибольшей достоверностью прочесть пока лишь слова: *KU-RA-WI* (*B5*), однокоренные *MI-NI* (*B30*), *KU-MI-NI** (*A3*=*B20*) и *NI-MI-NI** (*B24*), а также *U-P₂A-A* (*B4*)². Всем им, кроме последнего, легко удастся отыскать соответствия в текстах линейного *A*. Слово *kumina* читается на оттиске печати из Агия-Триады и на одной из фрагментированных глиняных табличек³. В других надписях, сде-

² Ибо, строго говоря, слова *A1*, *A8*, *A12*, *A14*=*A20*, *A24*, *A26*, *A27*, *A30*, *B7*, *B16*, *B19*, *B23*, *B25* и *B28* преждевременно рассматривать в качестве прочтенных полностью, поскольку они содержат знаки 06, 13, 17, 18, 19, 32 и 39, чтения которых пока еще чересчур гипотетичны (в прил. IV такие чтения сопровождаются двумя вопросительными знаками, а в прил. VII взяты в кавычки).

³ Если на печати это не часть титула или названия должности (со значением типа «царский...»), а минойское личное имя, то *KU-*

ланных линейным письмом А, обнаруживаются формы *mi-na* или *minane*, *minate* и некоторые другие, содержащие уже хорошо знакомый нам общий корень *min*. *KU-RA-WI* (грамматическая форма *kur-a-wi* образована, видимо, аналогично *a-pat-a-wi*) можно сравнить с употребительным в хозяйственных табличках минойским словом *kuro* (*kur-o*) со значением «итого, всего». Заметим попутно, что в слове 29—29—34=*KU-KU-?* (A4) первый слог *KU-* — префикс; следовательно, корень начинается с *KU-* и, может быть, тот же, что и в словах *kurawi* и *kuro*, т. е. *kur*, поскольку смысл данного слова (при чтении *KU-KU-R.*, где 34=*R*) получается тогда вполне подходящим для соответствующего контекста — «собрал, объединил, соединил» и т. п. (см. выше перевод начальной фразы текста диска).

Теперь несколько слов об особенностях языка надписи Фестского диска. Подставив в текст полученные фонетические значения 28 полностью и одного наполовину прочтенных знаков, включая и самые гипотетические, удастся озвучить 200 (197—целиком) из 222 имеющихся в тексте слоговых знаков⁴, т. е. более 90%. В результате от 26 до 41 слова надписи читаются полностью, а почти все остальные слова оказываются близкими к полному прочтению (результаты прочтения силлабограмм и озвучивания всего текста диска суммированы в прил. IV—VII)⁵. В целом фонетический облик языка текста Фестского диска явно неиндоевропейский. В своем грамматическом строе он обнаруживает отдельные черты сходства с хаттским (и это не должно удивлять, ибо некоторые уче-

MI-NA/NI допустимо сопоставить с известным этрусским родовым именем Кумни (в латинской эпиграфике — *Cominius*). На хозяйственной табличке это слово могло означать, кроме того, то же самое, что и в документах линейного Б: название растения «тмин» (греч. *κίμινον*).

⁴ Общее число знаков надписи диска, включая встречающийся 19 раз знак-детерминатив 02 и восстановленный конечный знак в слове A8, достигает 242.

⁵ Прил. IV представляет собой сетку полученных фонетических значений силлабограмм. Степень относительной надежности отдельных чтений характеризуется в ней с помощью добавления или отсутствия вопросительных знаков: наиболее надежные — фигурируют без знака вопроса, менее обоснованные — сопровождаются одним таким знаком, самые слабоаргументированные — двумя. В прил. дается прочтение текста диска после трех последовательных этапов подстановки фонетических значений по принципу возрастания их гипотетичности (см. примеч. к прил. V—VII).

ные-лингвисты уже предсказывали возможное родство минойского и хаттского языков). Автохтонность его самого и его письменности, а также факты сосуществования и параллельного употребления последней с линейным письмом А (имеются в виду совместные находки памятников обеих письменностей в Фестском дворце и пещере Аркалохори, особенно смешанная надпись из пещерного святилища) вместе с совпадениями грамматических форм и лексики дают возможность теперь с уверенностью отождествить данный язык с *общекритским минойским*. При этом конкретно имеется в виду язык, общий для поздней иероглифики Крита, развитого линейного письма А и письменности Фестского диска — *общекритский язык периода сложения на острове единого государства и его последующего наивысшего расцвета (среднеминойский III период — позднеминойский I период)*. В этом языке, полностью сохранившем доиндоевропейскую фонетическую структуру СГСГСГ своего непосредственного предка — *раннеминойского языка*, в грамматике и особенно лексике, по-видимому, значительный след оставил индоевропейский язык ассимилированных этеокритянами-минойцами весьма многочисленных в свое время на Крите анатолийских пришельцев (а быть может, и язык пеласгов).

В словах текста Фестского диска, прочитанных нами, префиксы, суффиксы и окончания выявляются примерно в том же соотношении, что и в памятниках линейного письма А. Минойский текст диска, по-видимому, включает в себя слова анатолийского происхождения, а также смешанные формы, где, например, суффиксальный элемент *-s(s)-* сочетается с минойскими корнями и даже формантами (ср. топонимы A2, A6, A9, A25, B2, B10) и т. д. Столь пестрая картина лексики для минойского языка Фестского диска, как *общекритского языка* времени сложения единого государства на Крите под верховным главенством династии минойских (или *миноизировавшихся* индоевропейских?) правителей Кносса, не вызывает удивления, поскольку она вполне соответствует имеющимся историческим и лингвистическим данным о сложном этническом составе населения Крита уже в догреческую эпоху: запад острова издавна населяли кидоны⁶; на юге и, ве-

⁶ В тексте диска этот этноним фигурирует как в составе топонима (B18, B21=B26), так и в форме, по-видимому, наиболее близкой к самопозванию (B19).

роятно, в центральной части, а позднее также и на востоке постоянно преобладали этеокритяне-минойцы; видимо, главным образом на востоке, также и в других частях острова долгое время обитали индоевропейские по языку выходцы из Анатолии; кроме того, другую миграционную волну носителей индоевропейского языка, распространившуюся, по-видимому, в основном на северное побережье острова, составило «племя пеласгов, в городе Кноссе живущих». Надо полагать, что известное критское предание о соперничестве братьев Миноса, Сарпедона и Радаманта отражает исторический факт борьбы за преобладание на острове не просто между правителями отдельных городов-государств, но и между тремя главными этническими группами его населения (о делении Крита в царствование Миноса на три традиционно обособленные области сообщает Страбон). Данные три имени являются формами трех различных языков — соответственно минойского, анатолийского и пеласгского — и персонифицированными обозначениями их коллективных носителей. Победа Миноса — это торжество на Крите в конце среднеминойского периода минойской государственности и минойского языка, впитавшего в себя, однако, некоторые элементы поглощенных им языков.

На основании всей суммы полученных нами чтений (см. прил. VII) предварительный перевод текста Фестского диска может быть предложен следующий:

«Сакавипи правитель, в Кноссе царь, собрал? (освятил власть?): Са..нор(а) ⁷ правителя, в Амнисе а..-di (наименование сана); Саяпис(и), правителя Тилисса; Са..нас(и), правителя Ви..нон(и); Сатетот(а), правителя По..; Апафатоп(и) ⁸, правителя Дав(и); Сатур(и) правителя, сына Сааси... правителя, [правителя] Лато; Сатур(и) правителя, сына Апафатоп(и) правителя, [правителя] Дав(и); Сатур(и) правителя, сына Саа..тепи(а) правителя, *ja-p₂i-so-na* (наименование сана) в Тилиссе; Сакав(и) правителя, *to-na-si* (наименование сана) в Фесте; Сааси...правителя, прорицателя в Фесте; Саунон(и), правителя Амниса; ..тот(и) правителя, *u-p₂a-a* (наименование сана) в Р/Лако.. се...»; в данной группе слов, сле-

⁷ Окончания, взятые в переводе в круглые скобки, являются окончаниями минойского генетива.

⁸ Минойский согласный *p₁*, передававшийся посредством греческого *φ* (ср. *P₁-A-I-T*, = Φαιστός, Фест), мы транскрибируем по-русски через «ф».

дующей за именем того же правителя, далее речь идет, вероятно, о населенных пунктах или местностях (B6), возможно, в связи со святилищами-прорицалищами и/или их жрецами (B7 — B8) и еще о чем-то (B9), относящемся к Кноссу (B10); «... Ридон(о), правителя Аптары...»; из остальных четырех слов, относящихся к данному имени, только третье по счету (B15) может быть истолковано достаточно убедительно (как форма глагола «собирать» или т. п.); «... ..ав(и), правителя Кидонии; кидонов царь возле? (вокруг, за и т. п.?) Кидонии селящихся? (имеющих поселения?) ...», смысл следующих пяти слов (B23—B27) ясен лишь отчасти, а говорится здесь о каких-то населенных местностях (B25) опять-таки «возле? (вокруг, за и т. п.?) Кидонии» (B26) и об отношении их или чего-либо (кого-либо) другого к царю (B24); «...Яситон(и), правителя Поселения? Царя (топоним из двух слов, возможно тождественный Миное позднейшей — соседке Кидонии)».

Что же касается общей интерпретации текста Фестского диска — самой древней в Европе надписи, посвященной историческим событиям, то содержание его, судя по структуре (основа — список правителей отдельных городов Крита), составляет, скорее всего, священный договор или близкий ему по смыслу торжественный акт сакрального характера, например инвеститурный (означающий юридическое вручение власти или подтверждение ее)⁹. Сама форма диска ассоциируется с солярным символом, заставляя вновь вспомнить о том месте, которое занимало в официальной генеалогии минойских царей Крита их мифическое происхождение от бога Солнца. Известно, что еще во II в. н. э. в храме Геры в Олимпии сохранялся диск, возможно в какой-то степени аналогичный Фестскому, на котором был написан читавшийся по кругу текст священного договора о перемирии, объявлявшемся на время проведения Олимпийских игр. Он считался посвящением Ифита, восстановившего обычай устройства состязаний в Олимпии, имевших, по мнению древних греков, критское происхождение. Если текст Фестского диска действительно представляет собой подобный коллективный религиозно-политический акт, то вполне понятным становится при-

⁹ Именно такой, «литературный» характер текста диска обусловил использование при его записи преимущественно фонетических знаков минойского иератического силлабария и, видимо, лишь одного детерминатива (02) при полном отсутствии идеограмм, обычных и удобных для хозяйственных документов.

менение здесь минойским каллиграфом метода штамповки надписи, как связанного с необходимостью тиражирования текста для получения соответствующего числа аутентичных экземпляров, по крайней мере для каждого участника коллективного акта. Надо полагать, именно это тиражирование и помогло в значительной степени дойти до нас одному из экземпляров диска — известному нам образцу из Феста. Более того, не исключено обнаружение в будущем на Крите при раскопках минойских городских дворцов или святилищ (в которые тоже могли попадать на хранение важные документы) еще таких же дисков или их фрагментов.

Разумеется, все наши выводы носят пока более или менее предварительный характер, ибо предложенная нами дешифровка текста Фестского диска не успела еще за короткий срок со времени ее первого опубликования подвергнуться желаемому всестороннему критическому рассмотрению специалистами.

Мы вполне отдаем себе отчет в том, что в нашей теории еще имеется на сегодняшний день ряд уязвимых моментов. Так, например, весьма гипотетичным остается предположение о связи «вирам» с конечными открытыми слогами слов, содержащими только гласный *i*, хотя, быть может, кто-то из лингвистов вскоре подскажет этому факту какое-либо простое объяснение.

Конечно, установленные нами фопетические значения многих знаков минойского ператического силлабария спорны и могут быть впоследствии опровергнуты и отброшены. Возможно, значительное число чтений в дальнейшем изменится полностью или наполовину (для силлабограмм, передающих слоги типа «согласный плюс гласный»). Но следует заметить, что неприятие тех или иных предложенных нами слоговых чтений знаков письменности Фестского диска несколько не поколеблет стержневой идеи нашей дешифровки, если при этом не будет доказана несостоятельность самой ее основы — методики выявления топонимов с их последующим отождествлением (особенно Кносса, Амниса, Тилисса и Феста).

Следует учитывать и еще одно важное обстоятельство, обусловленное непосредственно состоянием изучаемого материала. Ведь во многих других случаях дешифровки древних письменностей имевшийся в распоряжении исследователей исходный материал по своему обилию, а темпы его регулярного пополнения по своей интенсивности заве-

домо позволяли надеяться на неизбежность решения проблемы, сколь бы сложной она ни являлась. Необходимо было найти правильную методику, а дальнейшее накопление аналогичного эпиграфического материала сулило верную возможность прямой проверки полученных результатов. В нашем же случае памятников рассматриваемой письменности (минойского иератического силлабария) в значительном количестве может не быть обнаружено вовсе, и дешифровка ее тогда сможет опираться и в будущем только на текст Фестского диска, а устанавливать правильность или ошибочность такой дешифровки придется, как и теперь, косвенными путями.

Так или иначе, но результаты комбинаторного анализа текста диска хорошо согласуются с данными археологии относительно политического устройства Крита к концу среднеминойского III периода: главенствующая роль на острове уже тогда принадлежала Кноссу, но время объединения под его властью всего острова в одно централизованное государство еще не наступило. Так, ведущему положению Кносса соответствует то почетное первое место, которое имя его правителя занимает в общем списке минойских владык Крита. Об отсутствии же централизации говорит тот факт, что наименования сана отдельных лиц не употребляются регулярно и в определенной последовательности, а появляются при официальном перечислении династов, видимо, главным образом тогда, когда возникает необходимость отметить различие в статусе двух правителей одного и того же города (т. е. эти конкретные титулы не являются атрибутами единой строгой иерархической системы). О многочисленных и разнообразных лексических и грамматических соответствиях между формами, выявляемыми в дешифрованных частях надписи диска, и имеющимися в нашем распоряжении фактами минойского языка мы говорили уже немало. Наша интерпретация текста диска как акта, составленного от имени кносского царя, предполагает изготовление этого диска и других, идентичных ему, скорее всего, именно в Кноссе. А ведь еще Л. Пернье сравнивал глину, из которой был изготовлен Фестский диск, с материалом керамических изделий, выпускавшихся кноскими дворцовыми мастерскими.

Трудно сказать, насколько долго употреблялась минойцами письменность Фестского диска. Но более чем вероятно, что минойский иератический силлабарий был у критян

в ходу параллельно с линейным А до середины XV в. до н. э. Тексты, выполненные этими двумя видами письма, дошли до нас в крайне незначительном количестве, видимо, из-за недолговечности тех основных материалов, на которые они обычно наносились (деревянные дощечки, пальмовые листья, ткань или разновидность папируса). Именно этим печальным для науки обстоятельством объясняется слабая изученность древнейшей истории Крита, ибо только проникновение в смысл минойских текстов позволило бы по-настоящему широко открыть окно в мир создателей первой европейской культуры, духовная традиция которой живет и в современной мировой цивилизации. Совершенно не исключено, что текст Фестского диска, по крайней мере еще долго (а то и навсегда), останется самой большой по объему минойской надписью. Но будем все же надеяться, что этого не произойдет и в скором будущем последуют счастливые находки достаточно многочисленных и содержательных памятников критской иероглифики, линейного А или письменности Фестского диска. Последующее же их прочтение, а также углубленное изучение уже известных надписей минойцев позволяет прочно встать на ноги новой научной дисциплине — *миноистике*, подобно тому как смогла вырасти целая наука микенология из дешифровки написанных на микенском греческом языке табличек линейного письма Б. И тогда нам удастся наконец прочесть начальную главу письменной истории Европы.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА КРИТСКИХ ЦАРЕЙ II ТЫС. ДО Н. Э.

Имя и патронимик	Город	Время правления
Сатур (и) ¹ «Великий»?	Кносс?	XVIII — 1-я треть XVII вв.?
Саа..тепи (а)	Тилисс?	2-я половина XVII в.
Сааси....	Лато?	»
Сакавипи, глава федерации 12 городов Крита	Кносс	2-я половина XVII — начало XVI вв. (около 1600 г.)
Са..нор(а) и Саунон(и), соправители	Амнис	»
Саяпис(и) и Сатур(и), сын Саа..тепи(а), соправители	Тилисс	»
Са..нас (и)	Ви..нон(и)	»
Сатетот (а)	По..	»
Апафатоп(и) и его сын Сатур (и), соправители	Дав(и)	»
Сатур(и), сын Сааси....	Лато	»
Сакав(и) и Сааси...., соправители	Фест	»
..тот(и)	Л/Рако..с	»
Ридон(о)	Аптара	»
..ав(и)	Кидония	»
Яситон(и)	Миной?	
..наи..д(о)	Кносс	1-я четверть XVI в.?
На..напу.., сын..наи..д(о)	Кносс	1-я половина XVI в.
Нодамате	Кносс	»
Радамант (Радамате?), основатель централизованного Критского государства	Кносс	около 2-й четверти XVI в.
Катрей	Кносс	1-я половина XIII в.
Девкалион, брат Катрея	Кносс	около середины XIII в.
Идомений, сын Девкалиона	Кносс	около середины XIII в.
Алтемен, возглавил дорийское переселение на Крит		XI в.

¹ В конце имен и топонимов в круглые скобки берутся окончания родительного падежа минойского языка,

I. ТЕКСТ ЛИЦЕВОЙ И ОБОРОТНОЙ СТОРОН ТАБЛИЧКИ ИЗ ЭНКОМИ¹

- 1) 57-43-28, 18-37, 26-22-14, 45-...
- 2) 55-32-52, 56-23-12-12, 13-09-11-...
- 3) 16-54-25-33, 19-06-27-24-29, 37-34-37-...
- 4) 55-32, 04-27-28-51-52, 22-14-03-32-50, ?-...
- 5) 55-24-52, 53-28-47, 53-28, 02-19-47-05, ?-...
- 6) ?-38-44, 57-17, 16-26-50-32, 14-51, 22-14-30-...
- 7) ?-06-20-36, 55-02-32, 49-07-47-05, 53-33-30-...
- 8) ?-?-26-22-49-05, 53-28-47, 02-19, 49-30-36, ?-...
- 9) ?-57-33, 16-45-27-52, 14-30-36-50, 17-54-20-...
- 10) 55-32, 19-06-27-24-29, 56-43, 24-14-12, 49-03-43-52
- 11) 39-52, 53-28-47, 56-41-05, 55-32-02, 21-30-20-36;
- 12) 46-49-12, 44-47-06-25, 45-06, 55-32-52, 02-19-38-52;
- 13) 44-45, 19-44-42-10, 16-45, 21-12-33-12, 19-20-36-06-36;
- 14) 02-19-38-29, 25-44, 56-38-14, 55-32-02, 21-28-52;
- 15) 22-26-03, 55-19-32, 55-40-37, 31-19-33-12, 22-04-02-32;
- 16) 31-49-06, 49-50, 53-?, 19-04-50, 55-49-25;

¹ Текст дается в принятом цифровом обозначении. Примечания: 1) запятая после слова обозначает наличие знака-словоразделителя; 2) точка с запятой после слова обозначает конец строки и ставится только после последнего слова в строке, сохранившего целиком (за которым в поле таблички остается свободное место); 3) в самом конце строки 20 имеется значок в виде ровного углубленного кружка.

- 17) 52-40-28, 53-18-15, 55-51-30, 20-35-12, 37-20-03-48-29;
 18) 45-30-11, 55-32, 56-51-03-12, 58-32-32, 55-25-54-03;
 19) 58-22-29, 58-12-32-05, 53-28-47-05, 02-30, 20-47;
 20) 58-25-25, 19-09, 57-45-03, 44-39, 11-32-28;
 21) ...-05, 14-39-30, 25-04-58-12;
 22) ...-?, 55-51-25-...
- 84) 55-?-...
 85) ...-?, 44-?-... ...-25-...
 86) ...-?, ?-... ...-?, 16-29, 25-44-...
 87) ...-?, ?-...-? ?-32, 58-45-36, 25-09, 58-...
 88) ...-?, 57-49-24-06, 55-41, 44-17, 16-52-...
 89) 55-?-... ...-12, 55-30-54, 19-02-32, 17-09-28-...
 90) 55-?-28-24, 01-14, 02-32-41, 55-25-05, 21-20-35(?)
 91) 53-25, 26-22-14-05, 58-43, 58-01-44, 55-31-...
 92) 14-21-37, 14-06-36-17, 55-51-30, ?-...
 93) 56-02, 20-22-26, 22-08-12, ?-...
 94) 18-06, 14-43-10-12, 57-...
 95) 57-45-05, 02-32, 55-...
 96) 53-20, 08-48-48, ?-...
 97) 04-14, 30-51, 04-45, 02-...
 98) 55-52-32-25, 56-04-...
 99) ?-41(?) -32-32, 56-49-52(?)

II. ТЕКСТ СТОРОН А И В ФЕСТСКОГО ДИСКА²

<i>A1.</i> 02-12-13-01-18*	<i>B1.</i> 02-12-22-40-07
<i>A2.</i> 24-40-12	<i>B2.</i> 27-45-07-35
<i>A3.</i> 29-45-07*	<i>B3.</i> 02-37-23-05*
<i>A4.</i> 29-29-34	<i>B4.</i> 22-25-27
<i>A5.</i> 02-12-04-40-33	<i>B5.</i> 33-24-20-12
<i>A6.</i> 27-45-07-12	<i>B6.</i> 16-23-18-43*
<i>A7.</i> 27-44-08	<i>B7.</i> 13-01-39-33
<i>A8.</i> 02-12-06-18-?	<i>B8.</i> 15-07-13-01-18
<i>A9.</i> 31-26-35	<i>B9.</i> 22-37-42-25
<i>A10.</i> 02-12-41-19-35	<i>B10.</i> 07-24-40-35
<i>A11.</i> 01-41-40-07	<i>B11.</i> 02-26-36-40
<i>A12.</i> 02-12-32-23-38	<i>B12.</i> 27-25-38-01
<i>A13.</i> 39-11	<i>B13.</i> 29-24-24-20-35
<i>A14.</i> 02-27-25-10-23-18	<i>B14.</i> 16-14-18
<i>A15.</i> 28-01*	<i>B15.</i> 29-33-01
<i>A16.</i> 02-12-31-26*	<i>B16.</i> 06-35-32-39-33
<i>A17.</i> 02-12-27-27-35-37-21	<i>B17.</i> 02-09-27-01
<i>A18.</i> 33-23	<i>B18.</i> 29-36-07-08*
<i>A19.</i> 02-12-31-26*	<i>B19.</i> 29-08-13
<i>A20.</i> 02-27-25-10-23-18	<i>B20.</i> 29-45-07*
<i>A21.</i> 28-01*	<i>B21.</i> 22-29-36-07-08*
<i>A22.</i> 02-12-31-26*	<i>B22.</i> 27-34-23-25
<i>A23.</i> 02-12-27-14-32-18-27	<i>B23.</i> 07-18-35
<i>A24.</i> 06-18-17-19	<i>B24.</i> 07-45-07*
<i>A25.</i> 31-26-12	<i>B25.</i> 07-23-18-24
<i>A26.</i> 02-12-13-01	<i>B26.</i> 22-29-36-07-08*
<i>A27.</i> 23-19-35*	<i>B27.</i> 09-30-39-18-07
<i>A28.</i> 10-03-38	<i>B28.</i> 02-06-35-23-07
<i>A29.</i> 02-12-27-27-35-37-21	<i>B29.</i> 29-34-23-25
<i>A30.</i> 13-01	<i>B30.</i> 45-07
<i>A31.</i> 10-03-38	

² Текст дается в принятом цифровом обозначении. Направление чтения слева направо и сверху вниз. Звездочкой отмечены знаки, снабженные в тексте «вирамами».

III. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА ОДНОКОРЕННЫХ СЛОВ ТЕКСТА ФЕСТСКОГО ДИСКА И КРИТСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН ТАБЛИЧЕК ЛИНЕЙНОГО А И Б

Корни	Слова текста Фестского диска	Личные имена табличек линейного А	Личные имена табличек линейного Б из Кносса
<i>kaw</i>	SA-KA-WI-P ₂ I * (A1) SA-KA-WI (A26) KA-WI (A30) KA-WI-P ₂ O-RA (B7) ?-NI-KA-WI-P ₂ I (B8)	Ka-wa Ka-we-ge	Ka-wa-ro Ka-wi-jo A-ka-wo
<i>kon</i>	KO-NO-SA (A2) NI-KO-NO-SI (B10)		Ko-ni-da-jo
<i>kud</i>	KU-DO-NI-DI * (B18) ?-KU-DO-NI-DI * (B21 = B26) KU-DI-KA (B19)	Ku-do-ni Ku-ku-da-ra	Ku-da-jo A-ku-di-ri-jo
<i>kur</i>	KU-RA-WI (B15)	Ku-ru-ku	Ku-ra-no Ku-ri-sa-to Ku-ru-ka A-ku-ri-jo
<i>min</i>	KU-MI-NI* (A3=B20) A-MI-NI-SA (A6) A-MI-NI-SI (B2) NI-MI-NI* (B24) MI-NI (B30)	Mi-nu-te и др.	Mi-ni-so Mi-ni-to A-mi-ni-ja
<i>pai</i>	P ₁ A-I-TA (A28 = A31)		Pa-i-ti-ja A-pa-i-ti-jo
<i>pat</i>	A-P ₂ A-TA-WI (B12)		Pa-ti Pa-to-ro
<i>pis</i>	SA-?-P ₂ I-SI (A8) ?-P ₂ I-SO-NA (A24) NI-P ₂ I-SI (B23)	Pi-sa (топоним)	Pi-sa-wa-ta
<i>rat</i>	RA-TO (A18)	Ra-ti-se A-ra-ti	Ra-te-me A-ra-ta Ja-ra-to
<i>rid</i>	RI-DO-NO (B11)		Ri-di-ne-to
<i>sit</i>	?-SI-TE-P ₂ O-RA (B16) ?-SI-TO-NI (B28)		Si-ta-ro
<i>tet</i>	SA-TE-TO-TA (A12)	Te-tu-no	Te-ta-ro Te-te-u
<i>ton</i>	TO-NA-SI* (A27)		To-na-ta To-no

Корни	Слова текста Фестского диска	Личные имена табличек линейного А	Личные имена табличек линейного В из Кносса
<i>top</i>	$A-P_2A-P_1A-TO-P_2I$ ($A14 = A20$) $?-TO-P_2I-KI$ (B6) $A-?-TO-P_2A$ (B22) $NI-TO-P_2I-KO$ (B25) $KU-?-TO-P_2A$ (B29)		<i>To-pe-si</i>
<i>tur</i>	$TU-RI-SI$ (A9) $TU-RI-SA$ (A25) $SA-TU-RI^*$ ($A16 = A19 = A22$)		<i>Tu-ri</i> <i>Wi-tu-ri-jo</i>

IV. ПРЕДЛОЖЕННЫЕ ЧТЕНИЯ СЛОГОВЫХ ЗНАКОВ ТЕКСТА ФЕСТСКОГО ДИСКА

	α	ρ	ι	ο	υ	Неизвестные гласные
<i>d</i>	27 28		03 08 (?)	36	22 (?)	
<i>f</i>	06 (??)					
<i>k</i>	13 (??)		43 (?)	24	29	
<i>m</i>			45			
<i>n</i>	19 (??)		07	40		19 (??)
<i>p₁</i>	10					
<i>p₂</i>	25		18 (??)	39 (??)		39 (??)
<i>r</i>	33 (?)		26			34 (?)
<i>s</i>	12		35 (?)	17 (??)		17 (??)
<i>t</i>	38	32 (??)	05 (??)	23 (?)	31	35 32 (??)
<i>w</i>			01 (?)			01
НЕИЗВЕСТНЫЙ СОГЛАСНЫЙ			05 (?)			
НЕИЗВЕСТНЫЙ СОГЛАСНЫЙ			18 (?)			39(?)

V. ПРОЧТЕНИЕ ТЕКСТА ФЕСТСКОГО ДИСКА ³

- | | |
|---|--------------------------------|
| A1. 02-SA-13-W.-18* | A30. 13-W. |
| A2. KO-NO-SA | A31. P ₁ A-I-TA |
| A3. KU-MI-NI* | B1. 02-SA-22-NO-NI |
| A4. KU-KU-34 | B2. A-MI-NI-S. |
| A5. 02-SA-04-NO-33 | B3. 02-37-23-05* |
| A6. A-MI-NI-SA | B4. 22-P ₂ A-A |
| A7. A-44-08 | B5. 33-KO-20-SA |
| A8. 02-SA-06-18-? | B6. 16-23-18-43* |
| A9. TU-RI-S. | B7. 13-W.-39-33 |
| A10. 02-SA-41-19-S. | B8. 15-NI-13-W.-18 |
| A11. W.-41-NO-NI | B9. 22-37-42-P ₂ A |
| A12. 02-SA-32-23-TA | B10. NI-KO-NO-S. |
| A13. 39-11 | B11. 02-RI-DO-NO |
| A14. 02-A-P ₂ A-P ₁ A-23-18 | B12. A-P ₂ A-TA-W. |
| A15. DA-W.* | B13. KU-KO-KO-20-S. |
| A16. 02-SA-TU-RI* | B14. 16-14-18 |
| A17. 02-SA-A-A-S.-37-21 | B15. KU-33-W. |
| A18. 33-23 | B16. 06-S.-32-39-33 |
| A19. 02-SA-TU-RI* | B17. 02-09-A-W. |
| A20. 02-A-P ₂ A-P ₁ A-23-18 | B18. KU-DO-NI-08* |
| A21. DA-W.* | B19. KU-08-13 |
| A22. 02-SA-TU-RI* | B20. KU-MI-NI* |
| A23. 02-SA-A-14-32-18-A | B21. 22-KU-DO-NI-08* |
| A24. 06-18-17-19 | B22. A-34-23-P ₂ A |
| A25. TU-RI-SA | B23. NI-18-S. |
| A26. 02-SA-13-W. | B24. NI-MI-NI* |
| A27. 23-19-S.* | B25. NI-23-18-KO |
| A28. P ₁ A-I-TA | B26. 22-KU-DO-NI-08* |
| A29. 02-SA-A-A-S.-37-21 | B27. 09-30-39-18-NI |
| | B28. 02-06-S.-23-NI |
| | B29. KU-34-23-P ₂ A |
| | B30. MI-NI* |

VI. ПРОЧТЕНИЕ ТЕКСТА ФЕСТСКОГО ДИСКА ⁴

- | | |
|---------------------|---------------------|
| A1. 02-SA-13-WI-18* | A8. 02-SA-06-18-? |
| A2. KO-NO-SA | A9. TU-RI-SI |
| A3. KU-MI-NI* | A10. 02-SA-41-19-SI |
| A4. KU-KU-R. | A11. WI-41-NO-NI |
| A5. 02-SA-04-NO-RA | A12. 02-SA-32-TO-TA |
| A6. A-MI-NI-SA | A13. 39-11 |
| A7. A-44-DI | |

³ Прочтение текста сторон А и В Фестского диска в результате подстановки только наиболее надежных из полученных чтений силлабограмм.

⁴ Прочтение текста сторон А и В Фестского диска после подстановки и более гипотетических чтений силлабограмм.

A14. 02-A-P₂A-P₁A-TO-18
 A15. DA-WI*
 A16. 02-SA-TU-RI*
 A17. 02-SA-A-A-SI-37-21
 A18. RA-TO
 A19. 02-SA-TU-RI*
 A20. 02-A-P₂A-P₁A-TO-18
 A21. DA-WI*
 A22. 02-SA-TU-RI*
 A23. 02-SA-A-14-32-18-A
 A24. 06-18-17-19
 A25. TU-RI-SA
 A26. 02-SA-13-WI
 A27. TO-19-SI*
 A28. P₁A-I-TA
 A29. 02-SA-A-A-SI-37-21
 A30. 13-WI
 A31. P₁A-I-TA
 B1. 02-SA-U-NO-NI
 B2. A-MI-NI-SI
 B3. 02-37-TO-05*
 B4. U-P₂A-A
 B5. RA-KO-20-SA

B6. 16-TO-18-KI*
 B7. 13-WI-39-RA
 B8. 15-NI-13-WI-18
 B9. U-37-42-P₂A
 B10. NI-KO-NO-SI
 B11. 02-RI-DO-NO
 B12. A-P₂A-TA-WI
 B13. KU-KO-KO-20-SI
 B14. 16-14-18
 B15. KU-RA-WI
 B16. 06-SI-32-39-RA
 B17. 02-09-A-WI
 B18. KU-DO-NI-DI*
 B19. KU-DI-13
 B20. KU-MI-NI*
 B21. U-KU-DO-NI-DI*
 B22. A-R.-TO-P₂A
 B23. NI-18-SI
 B24. NI-MI-NI*
 B25. NI-TO-18-KO
 B26. U-KU-DO-NI-DI*
 B27. 09-30-39-18-NI
 B28. 02-06-SI-TO-NI
 B29. KU-R.-TO-P₂A
 B30. MI-NI

VII. ТЕКСТ ФЕСТКОГО ДИСКА *

A1. 02-SA-"KA"-WI-"P₂I"*
 A2. KO-NO-SA
 A3. KU-MI-NI*
 A4. KU-KU-R.
 A5. 02-SA-04-NO-RA
 A6. A-MI-NI-SA
 A7. A-44-DI
 A8. 02-SA-"JA"-P₂I"-(SI?)
 A9. TU-RI-SI
 A10. 02-SA-41-"NA"-SI
 A11. WI-41-NO-NI

A12. 02-SA-"TE"-TO-TA
 A13. "P₂O"-11
 A14. 02-A-P₂A-P₁A-TO-"P₂I"
 A15. DA-WI*
 A16. 02-SA-TU-RI*
 A17. 02-SA-A-A-SI-37-21
 A18. RA-TO
 A19. 02-SA-TU-RI*
 A20. 02-A-P₂A-P₁A-TO-"P₂I"
 A21. DA-WI*

* Прочтение текста сторон А и В Фестского диска после подстановки всех полученных чтений силлабограмм, включая и самые гипотетические. Примеч. к прил. V—VII: 1) в словах с детерминативом «правитель» этот знак (02) сохранен; 2) на месте непрочитенных знаков оставлены их цифровые обозначения; 3) звездочкой отмечены слоговые знаки, снабженные в тексте диска «вирамами»; 4) в кавычки заключены наиболее гипотетические слоговые чтения (сопровождаемые в прил. IV двумя вопросительными знаками).

A22. 02-SA-TU-RI*
 A23. 02-SA-A-14-"TE"- P_2I "-A
 A24. "JA"- P_2I "-SO"-NA"
 A25. TU-RI-SA
 A26. 02-SA-"KA"-WI
 A27. TO-"NA"-SI*
 A28. P_1A -I-TA
 A29. 02-SA-A-A-SI-37-21
 A30. "KA"-WI
 A31. P_1A -I-TA
 B1. 02-SA-U-NO-NI
 B2. A-MI-NI-SI
 B3. 02-37-TO-"TI"*
 B4. U- P_2A -A
 B5. RA-KO-20-SA
 B6. 16-TO-" P_2I "-KI*
 B7. "KA"-WI-" P_2O "-RA
 B8. 15-NI-"KA"-WI- P_2I "
 B9. U-37-42- P_2A
 B10. NI-KO-NO-SI

B11. 02-RI-DO-NO
 B12. A- P_2A -TA-WI
 B13. KU-KO-KO-20-SI
 B14. 16-14-" P_2I "
 B15. KU-RA-WI
 B16. "JA"-SI-"TE"- P_2O "-RA
 B17. 02-09-A-WI
 B18. KU-DO-NI-DI*
 B19. KU-DI-"KA"
 B20. KU-MI-NI*
 B21. U-KU-DO-NI-DI*
 B22. A-R.-TO- P_2A
 B23. NI-" P_2I "-SI
 B24. NI-MI-NI*
 B25. NI-TO-" P_2I "-KO
 B26. U-KU-DO-NI-DI*
 B27. 09-30-" P_2O "-" P_2I "-NI
 B28. 02-"JA"-SI-TO-NI
 B29. KU-R.-TO- P_2A
 B30. MI-NI*

- Бекштрем А.* Загадочный диск.— Журнал Министерства народного просвещения, 1911, № 12.
- Блаватская Т. В.* Ахейская Греция во втором тысячелетии до н. э. М., 1966.
- Блаватская Т. В.* Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура. М., 1976.
- Гиндин Л. А.* Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967.
- Грумах Э.* К происхождению Фестского диска.— Вестник древней истории, 1968, № 2.
- Добльхофер Э.* Знаки и чудеса. М., 1963.
- Златковская Т. Д.* У истоков европейской культуры (Троя, Крит, Микены). М., 1961.
- Кондратов А. М.* Машинный перевод. М., 1967.
- Кондратов А. М.* Статистические методы дешифровки некоторых писем Древнего Востока и Средиземноморья. Автореф. канд. дисс. М., 1969.
- Ленцман Я. А.* Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963.
- Лурье С. Я.* Язык и культура микенской Греции. М.; Л., 1957.
- Молчанов А. А.* К вопросу о репертуаре знаков минойского иератического силлабария.— Проблемный семинар по истории культуры. Автореф. докл. Вып. 1. Вспомогательные исторические дисциплины. Эпиграфика. М., 1977.
- Молчанов А. А.* К интерпретации самой большой кипро-минойской надписи на табличке из Энкоми 1953 г.— Вестник древней истории, 1979, № 1.
- Молчанов А. А.* Некоторые результаты применения комбинаторного метода исследования при анализе текста Фестского диска.— Вестн. Моск. ун-та, Сер. История, 1977, № 2.
- Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973.
- Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974.
- Пендлбери Дж.* Археология Крита. М., 1950.
- Полякова Г. Ф.* Социально-политическая структура пилосского общества (по данным линейного письма В). М., 1978.
- Резанов И. А.* Атлантида: фантазия или реальность? М., 1976.
- Сидорова Н. А.* Искусство эгейского мира. М., 1972.
- Соколов Г. И.* Эгейское искусство. М., 1972.
- Тайны древних писем. Проблемы дешифровки. Сборник статей. М., 1976.
- Brice W. C.* Inscriptions in the Minoan Linear script of class A. Oxford, 1961.
- Chadwick J.* Minoan Linear A: a provisional balance sheet.— Antiquity, 1959, vol. XXXIII.
- Chadwick J.* The decipherment of Linear B. Cambridge, 1967.

- Chadwick J.* The Mycenaean World. Cambridge, 1976.
- Dikaios P.* A second inscribed tablet from Enkomi.— *Antiquity* 1953, vol. XXVII.
- Dikaios P.* The context of the Enkomi tablets.— *Kadmos*, 1963, Bd. II, H. 1.
- Evans A. J.* *Scripta Minoa*. Oxford, 1909—1952, vol. I—II.
- Evans A. J.* The Palace of Minos. London, 1921—1935, vol. I—IV.
- Graham J. W.* The Palaces of Crete. Princeton, 1962.
- Grumach E.* Bibliographie der kretisch—mykenischen Epigraphik. München—Berlin, 1963; Suppl. I, 1967.
- Higgins R.* Minoan and Mycenaean Art. London, 1967.
- Hutchinson R. W.* Prehistoric Crete. London, 1962.
- Ipsen G.* Der Diskus von Phaistos. Ein Versuch zur Entzifferung.— *Indogermanische Forschungen*, 1929, Bd. XLVII, H. 1.
- Karageorghis V.* Chronique des fouilles et découvertes archéologiques à Chypre.— *Bulletin de correspondance hellénique*, 1970, vol. XCIV, 1.
- Kenna V. E. G.* Cretan Seals. Oxford, 1960.
- Landau O.* Mykenisch—griechische Personennamen. Göteborg, 1958.
- Majewski K.* Kreta. Hellada. Cyklady. Warszawa, 1963.
- Marinatos S.* Ausgrabungen und funde auf Kreta 1934—1935.— *Archäologischer Anzeiger*, 1935, H. 1—2.
- Marinatos S., Hirmer M.* Crete and Mycenae. London, 1960.
- Marinatos S.* Kreta und mykenische Hellas. München, 1959.
- Masson O.* Les inscriptions chypriotes syllabiques. Paris, 1961.
- Matz F.* Kreta, Mykene, Troja. Die minoische und homerische Welt. Zürich, 1956.
- Mellersh H. E. L.* Minoan Crete. London, 1967.
- Meriggi P.* Zur Lesung des Minoischen A.— In: *Minoica*, Berlin, 1958.
- Nahm W.* Zur Strukturen der Sprache des Diskos von Phaistos.— *Kadmos*, 1969, Bd. VIII, H. 2.
- Olivier J.-P., Godart L., Seydel C., Sourvinou C.* Index généraux de lineaire B. Roma, 1973.
- Palmer L.* Mycenaean and Minoan. London, 1961.
- Palmer L.* The interpretation of Mycenaean Greek Texts. Oxford, 1963.
- Pernier L.* Il disco di Phaistos con caratteri pittografici.— *Ausonia*, 1908, vol. 3.
- Peruzzi E.* Le iscrizioni minoiche. Firenze, 1960.
- Platon N.* Crete. London, 1966.
- Pope M.* Aegean writing and Linear A. Cape Town, 1964.
- Raison J., Pope M.* Index du lineaire A. Roma, 1971.
- Schachermeyr F.* Die minoische Kultur des alten Kreta. Stuttgart, 1964.
- Seta A. della.* Il disco de Phaistos.— *Rendiconti della Reale Accademia dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche*, 1909, ser. 5, vol. XVIII.
- Ventris M., Chadwick J.* Documents in Mycenaean Greek. Cambridge, 1973.
- Zervos Chr.* L'art de la Crète néolithique et minoenne. Paris, 1956.

Глава 1. Научная сенсация и древние предания	3
Глава 2. Древности Крита	11
Глава 3. Критские письма	20
Глава 4. Минойцы и их надписи на острове Афродиты	33
Глава 5. Поиски ключа к разгадке — надежды и разочарования	45
Глава 6. Результаты общих усилий	52
Глава 7. Имена и топонимы	61
Глава 8. Корни, префиксы, суффиксы, оконча- ния	72
Глава 9. Надпись на секире	81
Глава 10. Великая династия кносских владык	90
Глава 11. Проверка и еще раз проверка . . .	99
Хронологическая таблица критских царей II тыс. до н. э.	108
Приложения	109
Литература	117

Аркадий Анатольевич Молчанов
ТАИНСТВЕННЫЕ ПИСЬМЕНА ПЕРВЫХ
ЕВРОПЕЙЦЕВ

Утверждена к печати редколлегией серии
научно-популярных изданий АН СССР

Редактор издательства **О. Б. Константинова**
Художник **М. Н. Бабенков**
Художественный редактор **Н. А. Фильчагина**
Технический редактор **Ф. М. Хенох**
Корректоры **Л. И. Карасева, Л. Р. Мануильская**

ИБ № 18486

Сдано в набор 09.02.80
Подписано к печати 21.05.80
Т-05286. Формат 84×108¹/₃₂
Бумага типографская № 2
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 6,3 Уч.-изд. л. 6,6
Тираж 100 000 экз. Тип. зак. 2846
Цена 40 коп.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10